

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Мухаммад АЛИ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий БАУЭР
Анатолий ЕРШОВ
Раим ФАРХАДИ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Раиса КРАПАНЕЙ
Виктор ШУЛИКА

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

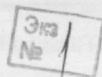
Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Ольга ГВАРДИНА
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

ОРУЖЕНОСЕЦ

Рассказ

— Цыпа, ты послушай только, какое удачное имя я придумал одному из героев, — крикнул он в сторону кухни.

— Ммм?

— Сэр Рыцарь Хуан-Родриге Бермундес...

— Третий? — невинно спросила Цыпа.

— Почему третий? — озлился Олег. — Очень даже первый, Цыпа моя, самый что ни на есть уникальный.

— Прости, милый! Не обижайся, я задумалась и не сразу поняла, о ком ты говоришь.

Ох уж эти женщины!

Андрей ИВАНОВ

возвращение к читателю

Я долго шел к тебе, человек!

По вечерам я вынимаю слова из памяти, я прислушиваюсь к их размышляющему молчанию, надкусываю их, как яблоко, и сразу же ощущаю их резкий, охваченный запахами вкус. И все-таки это не яблоки. О слова!.. Многих из них не надо оперять и пускать в полет, они сами летят в цель. То дерзкие, то смелые, то грустные, как осенние цветы в сумерках вечера, то веселые, задорные, как весенние солнечные пятна на тротуарах, то пылкие, то без сердца, без улыбки, охладевшие, равнодушные!.. Но нет ни одного без прошлого, ни одного без будущего! Я перебираю их, как скупой рыцарь свои сокровища, и радуюсь: я безмерно богат, я владею бесценными ценностями!..

Татьяна ОСИНА

философия искусства

ПУТЕШЕСТВИЕ В ХХІ ВЕК

Ретроспекция «Антигоны» важна, потому что спустя 2500 лет после появления греческого шедевра напомнила нам о высочайшей планке, которая была взята европейским театром в момент его зарождения как вида искусства, благодаря высокой гражданской позиции сразу же превратившегося в трибуну для обсуждения масштабных общественных проблем, животрепещущих вопросов времени. Вот и сейчас, в век массовой культуры и засилья рыночной идеологии, в современном обществе растёт запрос на искусство театра, который в противовес «культурной полсе» — легковесному театру, порастратившему свой творческий потенциал в поисках развлечений, безудержного эксперимента, режиссерского самоутверждения, игры и пр., — станет театром Темы.

Неподаренные цветы

Осень – это мужчина:
Бродит пьяный вчерашним,
Плачет о лете последнем
В своей одноразовой жизни,
Использованной, как шприц,
Которым ввели под кожу Земли
Смертельную дозу зимы.

КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ

Уже на полпути Шурик понял, что не доедет. Что умрёт прямо здесь – в этой братской могиле спешивших на кладбище людей, каждый из которых в отдельности, пожалуй, славный человек, а то и заслуженный даже. У Шурика начинала кружиться голова. Чтобы хоть чуть-чуть хлебнуть подобие свежего воздуха, он подтягивался на готовом в любой миг обрушиться под тяжестью висевших на нём тонн человеческих туш поручне поближе к крыше и люку, из которого обильно вместо воздуха тёк поток раскалённой полуденным солнцем дорожной пыли. Не очень-то это помогало, и Шурик понял, что ещё совсем немного – и на одного пассажира в автобусе станет меньше.

Ангел дождя

Изо всей силы я стараюсь угодить отчиму, но проклятый страх не выпускает меня из того туманного мира, поэтому еле слышу, едва соображаю и часто заикаюсь. Мои слабость и растерянность раздражают отчима. Когда я начинаю шмыгать своим несчастным носом, он морщит лицо и раздражается еще сильнее. Ну что может сделать дошкольник, как он может угодить психованному сорокалетнему неудачнику?!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Даниэль ВАСИЛЬЕВ. Оруженосец. Рассказ.5
Ашот ДАНИЕЛЯН. Касаясь струн Кото. Рассказ.52
Алексей РОТАНОВ. Люди инстаграма. Рассказ.64

ПОЭЗИЯ

- Андрей ЯКОВЛЕВ. Неподаренные цветы.26
Владимир ДОЛГУШИН. Образы исчезнувшей эпохи.47
Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ. Влюбленное сердце.100

НОВЫЕ ИМЕНА

- Наргиза АСАДОВА. Пророчество звезд... Перевод с узбекского Ойгуль Суюндикуовой.44
Олег СЕЛЕДЦОВ. Короткое замыкание. Рассказ.59
Светлана БЫКОВА. Рождение Поэта.103

ПЕРЕВОДЫ

- Кучкар НАРКАБИЛ. Хочу увидеть твои глаза. Рассказ. Перевод с узбекского Лиры Пиржановой.30
Нурилло АББОСХОН. Ангел дождя. Повесть. Авторский перевод с узбекского.74
Озод МУМИН ХОДЖА. Таинственная чайхана. Рассказ. Авторский перевод с узбекского.111

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- Татьяна ОСИНА. Путешествие в XXI век.123
Орзигуль АЛИМУХАМЕДОВА. Макомные традиции в симфонии.136
Сайёра САИДОВА, Дилором МУРОТОВА. Философия искусства национальной вышивки.151

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

- Андрей ИВАНОВ. Я долго шел к тебе, человек!106

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Рубен НАЗАРЬЯН. Бывший барон и «бывший человек».117

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Феруза ИРКАБАЕВА. Философская субстанция героя В. Набокова.128
Татьяна АВДОНИНА. Тайна виноградных садов...140
Комила ДОВЛЕТОВА. Современный «DEVELOPING MAN».146

Звезда Востока

2019 № 6

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Per. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066, Ташкент, пр. Бунёдор,
Адиблар хйёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.
E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@umail.uz
web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Ольга ГВАРДИНА

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 850 экз. Заказ № 23.

Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ООО «PRINT REBEL».

г. Ташкент, Алмазарский р-н,
ул. Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом не более 50 страниц.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

ОРУЖЕНОСЕЦ

Рассказ

Даниэль ВАСИЛЬЕВ

ГЕРОЙ

Сеньоры, я молю пресвятую Деву Марию о благополучии вашем, здоровье и достатке. Да снизойдет на вас благодать ее и поведет за собой через тернии бытия нашего грешного прямиком в райские сады. Садитесь, сеньоры, наливайте текилу...

Ах, простите, ну конечно же, всему свое время, райские сады от вас не убегут, а поторапливать Господа нашего, вымаливая освобождение от земной юдоли, грешно. Всем воздастся, сеньоры, всем и каждому. А пока сеньоры скучают на грешной земле, не торопясь ее покидать, позвольте мне развлечь их своей повестью. Повестью о маленьком оруженосце, о настоящем, Санта Мария, оруженосце, каких уже лет двести нет на свете!

Меня зовут Кнаппе. Я состою на службе у настоящего рыцаря – сэра Хуан-Родриге Бермундеса, пусть слава о подвигах его разнесется по всему свету! И не смотрите на то, что мне всего девять лет, сеньор Бермундес увидел силу духа моего и чистоту помыслов, признав достойным носить его оружие и сопровождать в героических походах. Этого ли недостаточно? Мне – так вполне. И я горд своим господином и рад судьбе, связавшей нас.

А ведь еще совсем недавно я думал, что жизнь моя совершенно никчемна, что разгневал я Господа своим плебейским происхождением, светлой кожей и грехами отца. И потому Он забрал к себе маму, как залог искупления наших с папой грехов.

Вообще-то мы были тут, на святой пуэрториканской земле, чужими. Родители покинули варварскую Германию. Только-только связав себя узами брака, они направили свои стопы в Сан-Хуан, так что на свет я появился уже в лучах благодати истинной веры и в теплоте Его любви.

Испытания на стойкость духа и силу веры Господь послал мне очень рано: еще и шести лет не было, когда умерла мама. Я ее очень любил, она

Даниэль ВАСИЛЬЕВ. Родился в 1982 г. Окончил Ташкентский университет информационных технологий. Живет в Москве, работает старшим специалистом отдела информационных технологий СОАО «Русский страховой центр». Лауреат литературного конкурса «Фантрегата». Имеет несколько публикаций в журналах «Звезда Востока», «Порог», «Реальность фантастики». Автор романа «Последняя дворняга».

была хорошая, хоть и европейка. Все белокожие ушербны, это я понял совсем маленьким – соседские мальчишки и их мамы внушали мне эту мысль каждый раз, стоило появиться во дворе. Но мама была хорошая. Думаю, она честно служит там, на небесах, искупая наши прегрешения. Может быть, Господь даже наделил ее посмертно смуглой кожей, черными волосами и отправил в рай. Я на это очень надеюсь, потому что продолжаю любить маму!

Папу я тоже люблю. Наверное. Но он так и не смог простить маминой смерти ни себе, ни мне, ни Господу. Он не посещал церковь даже по воскресеньям, не исповедовался, много пил и часто меня бил:

– Ах ты гаденыш! Опять шляешься где-то, шпанье! Вот тебе!

– Уу-ммм!

– Сам уже черным стал, как дружки твои чернозадые... получай!

– Ай!

Я смиренно принимал все его удары. Это ведь такая мелочь в сравнении с маминой кончиной. Я терпел и даже почти не кричал, хотя было больно.

После службы я часто задерживался в церкви, и падре рассказывал мне истории о благородных рыцарях, страшных драконах, злых волшебниках ересиархах, прекрасных принцессах. Сам падре так мечтательно при этом улыбался, что я быстро понял: стать рыцарем в рядах господнего воинства – это честь, которой удостоиваются только самые избранные, раз даже падре Франческо лишь мечтает о подобной судьбе. А потом я возвращался домой и отец меня бил за то, что я ходил в церковь:

– Ах ты гаденыш! Опять к этому педофилу в рясе ходил? На тебе!

– Уу-ммм...

– Сказано тебе, нет Бога! Бога нет! Вот тебе, вот, вот... и мамы тоже...

нет.

Но я его прощал. Особенно легко мне прощалось, когда отец начинал плакать.

Шли дни, месяцы и годы. И однажды падре стал беспокоиться за меня, заглядывать в глаза, задавать странные вопросы. Он сказал, что я стою на грани помутнения разума, предостерегал меня. Отца он тоже предостерегал, но папа лишь кричал на падре и гнал прочь со двора. Падре тоже папу прощал, но увещеваний своих не прекращал. А потом падре не стало, он уехал в Мексику, а вместо него прислали другого падре – Никоса, который почему-то не желал разговаривать со мной, выгоняя из церкви, стоило мне только раскрыть рот. Тогда-то я чуть совсем не потерял веру и силу нести крест своей судьбы.

Но меня спасли! Господь обратил внимание сэра Рыцаря на белокрысого мальчонку. Я немного заблудился в соседнем районе и меня окружили местные ребята. Все меднокожие, сильные, все старше меня. А двое так совсем уже почти мужчины. Я просил их не бить меня, клялся больше никогда не приходить в их район. Но они только смеялись, издеваясь над моим цветом кожи и ругали моих родителей, особенно, маму. Я расплакался от обиды, но тут, словно из сказочного ниоткуда, явился большой дядя. Красивый, мускулистый, высокий, он смотрел на меня, словно читая мое прошлое и нынешнее, как открытую книгу. Я никогда раньше не видел рыцарей, но сразу понял – это он и есть!

Рыцарь одним движением бровей разогнал хулиганов, так что и след их простыл.

– Ну что, пацан? Спас я тебя? Шпана бы тебе уши на попу натянула, хы-ы! Должник ты мой теперь. Работать на меня будешь, понял?... А если кто обидит – ты мне скажи, задницы всем порву, хы-ы...

О! Он не только спас меня, но и предложил свое покровительство взамен на службу! Я сначала думал, что просто стану простым слугой, но все оказалось куда лучше. Так хорошо, как я и мечтать не смел.

– Короче, так! – рыцарь окинул взглядом улицу, проверяя, не подслушивает ли нас какой злоумышленник. – Ствол мой будешь таскать, понял? Хранить дома станешь. Как я позову, сразу все дела бросаешь и ко мне бежишь. Один раз кинешь, в толчок запихну, в такой, где дерьма по уши. Второй раз – уши оторву, в третий раз... после третьего раза, бледнозадый, у тебя уже ничего никогда не будет. Понял-нет?

Сэр рыцарь Хуан-Родриге Бермундес – именно так звали моего благодетеля, – конечно же, не сразу доверил мне стать его оруженосцем. Он проверял меня, давал мелкие поручения. Почти месяц. А потом сказал, что смел я и верен ему, а потому достоин высокой чести хранить и носить его оружие и подавать в случае нужды его в руки рыцаря по первому требованию. Но и ошибок случаться не должно, всегда рядом быть – моя высокая миссия, а коли подведу я сеньора, падет на меня кара его и недовольство.

Так и стал я носить за своим господином его меч по имени Пустынный Орел и иногда полновесное копье с мужским почему-то именем Морской Винчестер 1300! Хотя, если вспомнить, копьё я пока не носил ни разу, кроме того случая, когда Рыцарь доверил его мне. Оно все время лежит у меня дома, в тайном, сокровенном месте! И не просите, даже полусловом не обмолвлюсь, где именно!

– Эй, бледнозадый, ствол принес?

«Принес ли ты мой меч, Кнаппе? Готов ли ты к службе во имя Господа нашего, мой верный оруженосец?»

– Конечно, сэр рыцарь, я принес! Принес и готов служить вам и вашему мечу...

– Смотри, мелкий, увидишь копа, делай морду попросе и быстро проходи мимо. Позовет тебя коп, сразу беги! Поймает если, ты меня не знаешь, а пушку на помойке нашел. Все понял?

Рыцарь учил меня жизни, наставлял, как справляться с прихвостнями Тирана, с негодаями копами. Они страшно трусливы, очень боятся, что рыцари пойдут походом на их хозяина (да сожрет его душу дьявол) и низвергнут его. И сам Тиран этого боится, поэтому набрал верных ему копов, отъявленных злодеев, головорезов, которые ходят по улицам города и следят, чтобы рыцари не носили с собой мечи и копыя, свое верное оружие. Поэтому и нужны сеньорам оруженосцы такие, как я. Конечно, коп и к девятилетнему мальчику пристать может, избить, деньги отнять или по-другому обидеть. Может и оружие найти, но суду подлежит лишь взрослый мужчина, поэтому наказание, которое грозит мальчишке, несоизмеримо меньше, чем то, что ожидает взрослого мужчину. И весь народ гнет спины перед копами, страдает, но терпит Тирана, потому что сделать ничего не может и боится. Рыцари же, число которых невелико, исподволь борются с Тираном и слугами его. Было бы рыцарей больше... они бы тогда ого-го! Показали бы Тирану!

Много злодейств рождает наша земля, а рыцари, как врачеватели, уничтожают опухоли зла, очищая и облагораживая мир. Сам я, правда, пока подвигов не видел, но другие оруженосцы мне рассказывали, что сэр Бермундес среди прочих рыцарей особо уважаем и дел благородных совершил немало.

Я дважды становился свидетелем поединков между рыцарями, тогда Хуан-Родриге брал свой меч из моих рук и поражал обидчика. Один раз даже до смерти.

А еще мы часто ходили к прекрасным дамам, что жили в двухэтажном доме через два квартала от моего двора. Все они были одиноки и с радостью отдавали сердца и любовь рыцарю, посетившему их.

– Сиди здесь, жди меня, – говорил мне в этих случаях Хуан-Родриге, оставляя у двери. И добавлял: – Подрастешь маленько, закорешим тебя, тогда я сам тебе ночь с девкой подарю, хы-хы!

Да, мой господин обещал мне, что и я стану рыцарем, что и меня примут в рыцарские ряды, несмотря на богонеудное происхождение. Но эту честь надо заслужить, сражаясь рядом с господином, совершая подвиги наравне с ним. Я верил, я знал, что так и будет. Если только отец к тому времени не прибьет меня окончательно...

АВТОР

– Хм... недурно, – похвалил себя автор, бодрясь. – Вот только нафига я отвлеченное вступление забабал, разрази меня безвкусица?! Ладно, прочитаю разок и решу: оставлять или резать.

Олег Химмельман был автором молодым, но очень старательным и даже где-то талантливым, так он сам себя считал, именно талантом, пусть не гением, но и далеко не середнячком. И ладно бы только Цыпа называла его «мой гениальный котик», преданно выпучивая глазки на каждую строчку нетленной писанины, но ведь и мэтры, признанные Короли, Магистры, Императоры литературных конвентов не ругали, а наоборот – покровительственно улыбались, одобрительно хмыкали в окладистые бороды и указывали лишь на простительные незначительные огрехи текста. Олег хорошо умел выбрать момент разговора, и в этом тоже был его талант.

Постепенно молодой автор сумел засветиться аж в трех журналах, завести знакомство с их редакторами и теперь раз в месяц или в два месяца его рассказ выходил под обложкой одного из бумажных «храмов фантастики».

Короче говоря, мы говорим о перспективном, интересном авторе. Говорим безо всякой иронии и уж тем более, упаси господи, без сарказма. Говорим уважительно и с надеждой. Говорим, старательно черкая абзац за абзацем, а тем временем Олег уже прочитал первые страницы будущей повести и был собой доволен:

– Цыпа, ты послушай только, какое удачное имя я придумал одному из героев, – крикнул он в сторону кухни.

– Ммм?

– Сэр Рыцарь Хуан-Родриге Бермундес...

– Третий? – невинно спросила Цыпа.

– Почему третий? – озлился Олег. – Очень даже первый, Цыпа моя, самый что ни на есть уникальный.

– Прости, милый! Не обижайся, я задумалась и не сразу поняла, о ком ты говоришь.

Ох уж эти женщины!

Махнув рукой в сторону мелькнувшей Цыпиной попы, Олег вернулся к тексту.

«И ведь не планировал же никаких: «Сеньоры, садитесь и слушайте сказку», а как складно получилось. Не иначе, свыше нашептано... Ни за что не стану убирать, оставляю».

Подумал и решительно двинулся дальше по тексту.

«Вот интересно, что молодая немецкая пара потеряла в Пуэрто-Рико? Ммм... бежали от правосудия? Приехали волонтерами? Или вот: она

происходила из богатой и знатной семьи, а он был конюхом, красивым, благородным, но без гроша за душой. Их родители были против союза молодых, и они сбежали на край земли! Чушь! Оставляю все как есть, в конце концов, это неважно. Зачем я вообще сделал мальчика немцем? Нашептано выше?... Гм».

Автор почувствовал неприятный зуд, почесал тыковку, поерзал на кресле, поправил монитор компьютера. Зуд хихикнул над его стараниями, не думая прекращаться.

«Стилистически вроде ничего, почти так, как задумывалось. Вот только слова "рыцаря" звучат наивно и даже наигранно. Черт возьми!» – Зуд хохотал в голос...

Олег перечитал диалоги, поправил пару фраз, расставил недостающие запятые, исправил опечатки и махнул рукой – сгодится.

Зуд обиженно спрятался в глубине извилин.

«А темп хороший, правильный. Это я молодец, выдержал, не поторопился, – автор улыбнулся, а зуд лопнул от злости. – Идея хороша. Маленький оруженосец бандита... Надо бы подробнее расписать причины съехавшей крыши мальчика, поубедительней расписать, пожалостливей. Похороны мамы, гулко шелкнувшая крышка гроба, бледная кожа умершей женщины и серо-бурый заплаканный отец. Кстати, от чего она скопилась-то? Надо подумать...»

Олег подумал и сделал мать своего героя больной раком. Умирала она медленно и мучительно... Потом решил, что дважды нелогично оставаться приезжим немцам в стране третьего мира, страдая от такой болезни, и решительно все удалил, пообещав вернуться к вопросу позже. Возрадовавшийся было зуд неудовольствия собой Олег презрел и пошел смотреть телевизор.

Здесь, в новостном репортаже, Химмельман почерпнул идею повести. В телесюжете рассказывалось о какой-то южноамериканской стране... или нет, о «черных» бандах США... или Мексики? Короче, где-то там, в далеком преступном мире было принято отдавать огнестрельное оружие несовершеннолетним, с которых спрос, как известно, небольшой. Олегу оставалось немного – придумать сумасшедшего мальчика, вообразившего себя в волшебном мире - и все, трагедия готова. Садитесь жрать, пожалуйста.

– Котик мой! Ты готов кушать? Мне подавать?..

ГЕРОЙ

Сегодня великий день! Всю ночь я не мог уснуть, потому что вчера Рыцарь сказал мне: «Кнаппе, завтра нам предстоит поход, полный подвигов и героизма. Мы отправимся чистить от скверны наш город во имя Господа. Жду тебя на рассвете!».

Стоило только заголосить первому петуху, как я уже доставал меч и копье сэра Бермундеса. Да-да – копье! Рыцарь приказал мне взять и его тоже, а значит, дело предстоит и впрямь небывалое. Как бы спрятать копье от глаз случайного копа? Возьму-ка я старую сумку, с которой мама ходила на рынок, она подойдет. Все, пора в путь!

Я не боялся, что отец хватится меня – вчера он явился в изрядном подпитии, проснется не раньше полудня и сразу же опять уйдет в бар.

Мое сердце замирало от страха: вдруг что-то не сложится, вдруг Рыцарь отменит намеченное, вдруг его не окажется на месте нашей встречи?

Поворот, еще поворот, тени ночного патруля, подворотня, еще

улочка. Последний поворот и... Уже через два дома...

Рыцарь был на месте. И не один! Аж пять рыцарей собралось.

– Молодец, белозады. Не опоздал. Принес пушку?

– И я приветствую вас, мой Рыцарь! Вот ваш меч, а вот... – длинные ручки, как назло, путались...

– Ну? Что ты там копаешься, плеснявый?

– Вот оно, вот! – восторженно, но с должным почтением я передал копьё Рыцарю.

Сэр Бермундес отвесил мне несильный подзатыльник, обозначая свое недовольство, и отвернулся. Но даже это не умерило моего восторга.

Потом прибежал еще один оруженосец – Паоло, потом еще один, этого я не знал. Очень скоро все рыцари были вооружены и готовы к героическим свершениям!

И тут сеньоры начали отправлять своих оруженосцев по домам, и моя душа ушла в пятки – Господь не услышал моих молитв, или услышал, но посчитал меня недостойным стать его паладином! Как же так?

– А ты, белозады, останься. С нами пойдешь!

«Кнаппе, – услышал я, – оставайся рядом, мне нужна твоя помощь».

Аллилуйя, Господи! Я не подведу, я сделаю, я оправдаю твое доверие и доверие сеньора Хуан-Родриге Бермундеса!

– Нафига ты пацана на дело ташишь? Убьют ведь – жалко, – обратился к моему Рыцарю его соратник. – Да и мешаться будет под ногами.

Он усомнился во мне, но сэр Рыцарь в меня верил и пришел на зашиту:

– Отвали, Буча. Он нас прикроет. В мальчика не всякий выстрелить сможет, понял-нет? Тем более что пацан – белый!

– Зря ты это, – сказал третий рыцарь.

– Закройся, я сказал: пойдет, значит, пойдет. Что, базар задумал? А, Лысый?

Против моего господина никто не пошел, и я понял, что попал в услужение самому сильному и храброму рыцарю.

– Буча, дай-ка пугач. Эй, Кнопка, или как тебя там, на вот, держи пушку. Стрелять умеешь? Ну, короче, направляй, куда скажу, и жми на курок, понял-нет?

Мои ноги предательски задрожали, а язык совершенно перестал подчиняться. К стыду своему, я даже не сумел достойно поблагодарить Рыцаря за доверие. Ведь он дал мне меч! Небольшой, но приятно тяжелый, хотя и легче Пустынного орла, весь черный и такой... настоящий. Вот бы он навсегда остался у меня...

– Что выпучился? Если все пройдет пучком, оставишь себе. Как подарок.

От восторга, перехватившего мою грудь, я готов был тотчас же умереть.

Рыцари чуть отошли, переговариваясь, а ко мне приблизился Паоло. Все остальные мальчишки уже разбежались, остались лишь он да я.

– Кнаппе, не ходи с ними, – зашептал он какую-то глупость. Я даже не сразу понял, что именно он говорит.

– Что ты, Паоло? Это ведь такая честь! Я обязательно совершу подвиг и потом стану рыцарем! Ну, может, не сразу...

– О чем ты, Кнаппе? Какой подвиг? Опомнись, тебя же убьют!

– Я знаю, что риск велик, но я храбрый и у меня есть меч, вот, смотри.

– Меч? Это револьвер, дурак. Зачем он тебе? Разве сможешь ты выстрелить в человека?! Нет!

– Револьвер? Так его зовут? Ух ты... Ну, я пошел, Паоло. До вечера.

– Не ходи! – Паоло вдруг схватил меня за рукав, и я понял, что он не в себе. Может, он сумасшедший? Странно, а раньше мы с ним хорошо играли в рыцарей и чудовиш.

– Пусты, – дернулся я. Но он держал крепко, и тогда я стукнул его рукояткой меча по голове. Он закричал и отпустил рукав.

– Дурак-дурак-дурак!!! Ну и иди, пусть тебя там убьют, я плакать не стану!

– Эй, вы чего там? Паоло, а ну вали домой. А ты, белозадый, не отставай.

Пять рыцарей и я обогнули два дома, теряясь в переулках, и вышли к высокому глухому забору.

– Осторожно – камеры, – шикнул на меня Господин.

Камеры? Да это же волшебные глаза злых волшебников! Вот, значит, в чье логово мы вторгаемся.

Мой сеньор вытащил из пакета несколько кусков мяса и перекинул через забор. Послышались топот и шумное дыхание, затем чавканье и, наконец, довольное урчание.

– Пошли!

Тот Рыцарь, которого сэр Бермундес назвал Бучей, первым взобрался на ограду, закрепил два зеркала рядом с волшебными глазами и махнул нам рукой. Мол, пожалуйста, благородные, колдун не увидит нас раньше времени. Один за другим рыцари перемахнули через забор, мой сеньор остался последним и посадил меня. Спустя несколько секунд все стояли на ухоженном газоне вражеской территории. Подвиг начался!

Скучное освещение и небывалое возбуждение только теперь позволили мне заметить три больших тела, мешками лежавших на траве. Наверное, именно их подкармливал отравленным мясом мой Рыцарь. Но кто они? Драконы?!

О боже! Одно тело вдруг дернулось, заскулило. Рядом с ним тут же оказался рыцарь Лысый, который одним движением перерезал злобной твари горло. Брызнула черная в сумерках кровь, тварь дернулась раз-другой и затихла.

– Не стойте столбом, придурки. Пригнитесь и бегом, – гневно прошептал Хуан-Родриге.

И мы, опомнившись, уже двинулись к дому, когда из-под земли выскочила еще одна тварь! Огромная, клыкастая, ужасная. Стремительной рычащей тенью она бросилась на одного из Рыцарей, имени которого я не знал, и сбита его с ног...

– А-а! Что это? Кто это?!

– Буча! Убей ее!

– Хуан!

– Бестия!.. Буча, поверни ее ко мне!

Я стоял, не в силах что-то сделать, смотрел, как катается по земле живой клубок двух тел. Буча не кричал, лишь хрипел еле слышно, булькал, да так, что дрожь пробирала меня до самых костей. Я испугался.

Бах! – раздался выстрел. И чуть погодя еще: бах-бах!

Все молчали. И я молчал, ужасаясь. Буча и страшный дракон лежали рядом мертвые. Дракон вроде нетронутый, без следов крови на теле. Лишь клыкастая морда испачкана бурой. А вот Буча... Меня скрутило и обязательно бы вывернуло, но сэр Бермундес крикнул резко:

– Быстрее, засранцы! Бегом-бегом! Теперь уже тихо не выйдет...

И я побежал. Мне стало стыдно, что не я, стоявший ближе всех, убил своим мечом дракона, а храбрейший Рыцарь, мой Господин, обнажил Орла Пустыни.

Лысый оказался у двери раньше всех, достал свое копье и бабахнул им так, что замок отлетел вон. Вторая дверь зашишала разве что от мух. От удара тяжелым рыцарским сапогом она жалобно зазвенела битым стеклом и отлетела в дом. А там уже зажегся свет, и сэр Лысый, ворвавшись в дом, был тут же убит. В него выстрелил из-за угла какой-то мужчина, несомненно, злой слуга колдуна. Но он поплатился за предательский выстрел: сеньор Бермундес тут же настиг его, и вновь запел Орел Пустыни, прерывая ничтожную жизнь никчемного злодея.

– Белозадый, мать твою, вперед! Зря тебя, что ли, ташили с собой?

Сэр Рыцарь доверил мне первым подниматься по лестнице: «Теперь твоя очередь проявить себя, совершить подвиг пред очами Господа, показать, что достоин любви его». Мне было страшно, пока образы растерзанного Бучи и убитого сэра Лысого не перестали маячить перед глазами.

Ай-ай-ай! Что за звук?

И-и-и-о-у-у-о-и-и-и-о-у-у!

– Черт, сирена! Быстрее, скоро здесь будет полиция.

Сирена – еще одно гадкое волшебство колдуна. Так он посылает весть копам, слугам Тирана, покрывающего черное колдовство. Сэр Рыцарь прав, как всегда, – следовало поторопиться. И я больше не сомневался. Я побежал вперед!

– Куда, идиот! – крикнул спешащий за мной рыцарь.

– Вперед, – отчаянно крикнул я!

– Маленькая тупая задница, собачье дерьмо. Там окно, вот дверь, вот!

И он сам открыл ее.

– Ба-бах! – грянула колдовская молния. Безымянный рыцарь упал замертво. И я почувствовал, как душа уходит в пятки. Это я должен был идти первым по слову сеньора. Я должен был открыть дверь и защитить рыцарей. Рыцаря...

– Бах, бах, – поднявшиеся следом по узкой лестнице сэр Бермундес и сэр Длинный Дред (с ним мой сеньор часто проводил время вместе, мы были знакомы) начали стрелять в распахнутую дверь. Я тоже выстрелил!

– Бах! – и чуть не упал, так сильно отдало в руку.

Нас осталось только трое против могучего волшебника. Но разве устоит он пред нашей доблестью?!

– Бах!

Хуан-Родриге машет мне рукой, и я первым бросаюсь в проход. И вижу колдуна. Но на миг растерялся, увидев перед собой ребенка, замешкался, и тогда я нажал на курок своего меча по имени Револювер...

АВТОР

Олег самоотверженно отбросил малодушную мысль о здоровом дневном сне и сел перечитывать написанный накануне кусок повести. По сути, оставалось лишь завершить ее, добавить какой-никакой эпилог, мораль, поставить красивый вензель из пары абзацев. Ведь время не ждет, господин Издатель одобрил предварительный синопсис повести, и Химмельману очень хотелось успеть сунуть ее в следующий номер журнала.

Но, перечитав написанное, Олег расстроился. И даже немного обиделся на себя. То, что вчера казалось стройным, логичным и интересным,

теперь казалось банальным, прямолинейным концом типа «пшик».

– Гм, где ж драматизм? Собрались, подрались, победили... Надо переделывать! – обреченно заключил автор. А хуже всего, что надо не только переделывать, но и перепридумывать. Не день, а сплошная незадача!

– Так-так-так, чего бы наворотить, – взбадривал себя автор, голодными глазами изучая квартиру в поисках Цыпы. Очень уж ему хотелось кушать. Но Цыпа была на работе, заботливо приготовленные ею котлетки с пюре талантище уже поглотило, а готовить самому... – что вы, что вы! Это еще хуже, чем перепридумывать конец!

Олег вздохнул, решительно удалил небольшой кусок последней страницы и сел за работу.

«Сейчас я вам устрою, – злорадно думал он, колотя по клавишам. – Сейчас я вам сделаю драму, аккуратную такую драматическую "вилочку" наверху с тя-а-ажким моральным выбором. Натe, выкусите, читатели хреновы!»

ГЕРОЙ

– Ба-бах! – грянула колдовская молния. Безымянный рыцарь упал замертво. И я почувствовал, как душа уходит в пятки. Это я должен был идти первым, по слову сеньора. Я должен был открыть дверь и защитить рыцарей. Рыцаря...

Поднявшиеся следом по узкой лестнице сэр Бермундес и сэр Длинный Дред (с ним мой сеньор часто проводил время вместе, мы были знакомы), пригнувшись, разошлись по обе стороны двери. Мой Господин хотел мне что-то крикнуть, но тут из-за другой, закрытой, двери, напротив которой я как раз и стоял, раздался детский плач.

– Ма-а-а-ма, ма-ма... стря-асьна-а, ма-ма-а!

Маска отчаянья, кривившая красивое лицо сэра Рыцаря, моментально исчезла, он улыбнулся. Я догадался, что сеньор придумал план, хороший план. Санта Мария, спасибо, что не оставила нас в трудный час и вложила в голову достойнейшего из нас благую мысль. Вот только какую? Я по глупости своей пока недоумевал.

Мгновение – и сеньор Бермундес оказался рядом со мной. Направив копье на дверь, выбил ее, и мы увидели женщину и двух девочек, примерно трех и пяти лет, испуганно спрятавшихся за кроватью. Тетя, скорее всего, была их мамой.

– Не дам! – закричала мать, бросившись к нам. – Не дам, не дам, немедленно уходите! Антонию!

Рыцарь ударил ее по лицу, и тетя упала. Дети заплакали. Я тоже вздрогнул, мне стало нехорошо, неудобно. Я привык, что девочек и тетю, особенно мам, бить нельзя. Но сразу же тихонечко поругал себя, за свою глупость и недалекость.

«Она плохая, – сказал я себе. – Она служит злему колдуну. А дети – его дети – это будущие колдуны. Они очень-очень плохие!»

Сэр Бермундес схватил старшую девочку и вытащил ее в коридор.

– Бросай оружие, мразь! Иначе шлюхе твоей кишки выпущу, а ублюдкам головы оторву.

«Сдавайся, злой колдун, – кричал мой Рыцарь, – сдавайся, если осталось в тебе хоть что-то человеческое, если дорожишь жизнью своей жены и детей!»

– Папа, папа! – закричала старшая девочка. Младшая молчала,

по-моему, даже дышала через раз от страха. И глаза у нее были большие-большие. И круглые. – Мне больно, папа!

Мой сеньор все правильно придумал. Одолеть колдуна в схватке ой-ей как сложно, а теперь вот он вышел как миленький, руки за голову спрятал, дрожит как осиновый лист. Что, негодяй, испугался? Еще как испугался, красный весь, хоть и видно, что от природы бледнокож, как и я. Стоит, потом обливается. Ха-ха! Так-то вот!

Я подошел и что было сил пнул его под колено.

– Обалдел, белозадый? Иди лучше принеси его оружие. А ты, Дред, что спишь? Лапы вяжи!.. Вот так. А теперь, скотина, двигай своим жирным задом, показывай, где сирена отключается и как в полицию звонить, чтобы не приезжали. Быстро-быстро!

– А-а?..

– Да не ты, Дред. Тупица... Это я ему, кровососу белому, сволочи богатой говорю. Понял-нет?

Все засуетились, забегали. Замолкла сирена, но тут же завизжала младшая девочка, заревела старшая. Очнулась их мать, схватила обеих, забилась в угол детской комнаты, глядит буркалами своими, будто испепелить желает.

Очень мне не хотелось смотреть на нее, но пришлось. Господин отправился с захваченным в плен колдуном в его сокровищницу (полную золота, отнятого обманным путем или насилем прямым у честных людей), а мы с сэром Длинным Дредом остались детей и мать сторожить. Потом приехала полиция (эх, не успел Рыцарь заставить колдуна успокоить их, чтобы не приезжали!), и сеньор Дред пошел советоваться с моим господином и переговариваться с копами. Заложниками, как он сказал, им грозить. Что такое заложники – я не знаю, но, видимо, кара неслабая, раз копы ее боятся.

Так я остался один на один с женщиной и двумя девочками.

– Держи старшую девчонку на мушке. Как дернется кто, сразу стреляй в нее, понял? – громко, чтобы все слышали, сказал мне Дред перед уходом. – Но других не трогай, не убивай. Иначе все на нарах окажемся...

И я стоял, держал свой меч. Револьвер направленным на пятилетнюю девочку и был готов стрелять в любую минуту.

Через пару минут полиция перестала орать в громкоговоритель, и стало тише. Тогда-то тетя, которая хоть и мама, но жутко злая и нехорошая, начала говорить. Она шептала быстро-быстро, смушала меня речами сладкими, но недобрыми, пыталась обмануть:

– Ты же хороший мальчик. Такой молодой, сколько тебе лет? Десять? Ты же еще не такой, как они, эти бандиты. Как тебя зовут? А?

– Мама, он плохой! – зло перебила ее старшая девочка.

– Тихо, Солнышко. Он не плохой, он просто запутался. Как тебя зовут?

– Меня зовут Кнаппе, я оруженосец блистательного рыцаря сэра Хуан-Родриге Бермундеса, – зачем-то ответил я.

– Ну, вот и хорошо... Кнаппе, отпусти нас. Или лучше дай мне эту нехорошую игрушку, что у тебя в руках, и пойдем вместе. Убежим. Тихонечко прокрадемся к заднему выходу и убежим, а? Ну прошу тебя, пожалуйста...

– Сэр Рыцарь приказал мне сторожить вас. Вы плохие, вы все колдуны и... и плохие! Не двигайтесь, а то я убью ее! – я дернул дулом револьвера в сторону Солнышка.

– Какой рыцарь, Кнаппе? Мальчик мой, это совсем не рыцари, тебя обманули! Это бандиты, убийцы, уголовники. Это они плохие, а мы простые

люди. Рыцари остались лишь в сказках...

– Неправда, – закричал я. – Рыцари есть! Мне падре говорил! Они служат Богу и добру!

– Тихо, тихо, Кнаппе. Пусть так, рыцари есть. Точно есть, где-то там, – она махнула рукой на окно. – Но твой Хуан-Родриге не рыцарь, он присвоил себе это звание и недостойн его. Вспомни, что хорошего он сделал? Разве он помогает бедным? Разве он поет серенады девушкам? Разве он не обижает слабых? Разве он не убивает?!

– Он меня защитил! Он... он ходит к девушкам, и он убивает только плохих!

– Таких, как мы? Ладно, я, может, и небезгрешна, но они? Мои девочки... посмотри, Кнаппе, погляди на их лица. Это вот Роззи, а та – наш ангелочек, маленькая Белла. Что они сделали плохого? Они совсем-совсем малышки. Разве ты сможешь убить их?

– Я...

– Разве ты способен поверить, что они плохие? Кнаппе, послушай меня. Опустит револьвер...

«Откуда она знает, как зовут мой меч?!»

–...вдруг ты испугаешься и выстрелишь. Бог тебе этого не простит! Не бери грех на себя, Кнаппе. Я не знаю, как тебя занесло в компанию этих ублюдков-головорезов, ты ведь белый мальчик, наверняка у тебя хорошие мама и папа, ты просто оступился, сбился с пути истинного. Это ничего, это не страшно. Пока еще можно все исправить. Тебя никто не будет ругать, я обещаю!

– Мама умерла, – буркнул я.

– Бедный. Бедный мальчик! Я понимаю тебя. Мама умерла, ты один, а тут эти негодяи. Такого хорошего, доверчивого ребенка легко запутать. Ну, вот видишь, ты уже начинаешь понимать, что нехорошо поступаешь, правда?

Я и вправду чувствовал себя как-то не совсем уверенно. А вдруг сеньор Бермундес и вправду не рыцарь? Мама ведь говорила, чтобы я был осторожней, что живем мы в черном квартале, что тут много нехороших мальчиков и мужчин, которые совершают плохие поступки. Она говорила, чтобы я с ними не водился. Ах, как жаль, что падре уехал, я бы спросил у него.

– Быть белым, бледнокожим плохо, – совсем уж невпопад сказал я.

– Что ты?! – ахнула тетя, – Что ты говоришь?

– Мама, он холосый? Этот бальсой мальчик холосый? – показала на меня пальчиком Белла. У нее была такая ручка... маленькая, будто кукольная, пухленькая, такая мягкая на вид. Просто сказочная. Да и личико походило на ангельское.

– Он очень хороший, милая. Правда. Кнаппе, а знаешь что?! Давай ты будешь жить у нас, а? Я не заменяю тебе маму, но буду любить, и, может, со временем ты сам скажешь мне «мама», а моих ангелочков назовешь сестрами. А?

– Мама, я не хочу такого брата! – возмутилась Роззи.

– Тихо, Солнышко. Кнаппе...

Она все говорила и говорила. А я все больше путался. А как же мечи? Да ведь это же просто пистолеты и ружья. Я играл такими же, только ненастоящими, когда еще была жива мама. Кажется, дома даже валяется парочка пластмассовых пистолетов. Мама еще не любила, когда я ими играл, хмурилась и говорила, что стрелять – это плохо. Но потом целовала, и я убегал играть на улицу.

А драконы? Или это просто были большие собаки? Да, наверное, собаки. Падре говорил, что драконы большие, как дом. И они летают... огонь выдыхают. Неужели?..

Что я здесь делаю? Зачем все? В чужом доме, с пистолетом... Я?

– Кнаппе, отдай мне револьвер. Ты ведь все понял, да? Только не пугайся, не стыдись, ты ни в чем не виноват! Отдай мне пистолет...

И я уже протянул ей руку с револьвером, она сделала шаг, отодвигая Роззи в сторону, но тут раздался выстрел и короткий вскрик мужчины.

– Антонио! – выдохнула тетя. Она моментально побледнела, из глаз ее ушла вся доброта, в которой я почти утонул. Это заставило меня отступити на шаг и напрячься.

– Мама? Что там, мама? Это папу убили?

– Ма-ма-а...

– Кнаппе, отдай мне револьвер, быстро! Или выкинь его и пойдем! Дай нам пройти, быстрее!

– Стойте... – робко ответил я, направив меч на нее. – Стойте!

– Да что с тобой? Ты совсем с ума сошел, молокосос? – закричала она. – Они сейчас придут сюда и убьют нас! И тебя тоже!

– Стойте! – я не знал, что со мной. Кто эта страшная тетя – колдунья? Или нет? Мне было страшно, я хотел, чтобы пришел большой и умный Рыцарь и все решил за меня. Но она продолжала наступать, и я боялся все больше.

Но ведь убивать – это плохо? У Беллы такая красивая ручка, у нее такое красивое лицо, даже сейчас, когда она плачет.

А вдруг она сделает мне больно? Эта тетя...

– Ну все, Кнаппе, хватит! Хватит, я сказала, дай это сюда! – она шагнула, и я упал, продолжая целиться в нее. Путь к двери освободился, и она отступила.

– Сейчас мы уйдем. Если хочешь, пошли с нами. Только не вздумай стрелять! Иначе я сделаю тебе очень-очень больно... Пошли Роззи, бери за ручку маленькую и проходи к двери у меня за спиной.

– Стойте, – совсем уж прошептал я.

АВТОР

«Ну и что? Убить или отпустить?» – закусил губу Олег. Он был человеком добрым и делать из своего героя окончательного негодяя не хотел. Но если отпустить заложников, то как закончить смачно? А ведь конец, считал он, обязан быть смачным, четким...

Роковой выстрел и окончательное сумасшествие, или даже полное раскаяние и прозрение – это сильный конец, драматичный. Качественную слезу вообще выдать из читателя куда проще, чем сочинить интересный хеппи-энд, вызывающий благодарную улыбку.

С другой стороны, и нынешний читатель, и современный издатель предпочитают концы хорошие, счастливые. Тем более, покупая журнал, человек рассчитывает расслабиться, а не нагружаться негативом по самые уши.

Что делать?

Автор думал-думал, пока не появилось легкое, почти неуловимое чувство «правильного» конца. Конец, продиктованного не только мыслями отвлеченными, а и характером героя, его возрастом, взглядом на субъективный и объективный миры. Но тут зазвонил телефон:

– Олег, ну что?

– Э-э, что «что»?

В трубке вздохнули, и молодой талант похолодел: это ж тот самый издатель почтил его своим звонком! А он возьми да и сядь в лужу.

– Повесть готова?

– Да! Уже да! – не раздумывая, соврал Олег.

– Отлично, – голос заметно потеплел. – Жду «мылом» в течение полчаса.

– А-а, да-а... да-да.

– Молодец. Пока. – Пип-пип-пип...

«Уф, – перекрестился атеист Химмельман. – А ведь отчество-то забыл, забыл отчество...»

Не часто звонили ему издатели. Значит, его отношения с журналом перешли на новый, качественно новый, уровень. Это ли не повод почувствовать себя чуточку счастливей?

Й-и-и-а-х-у-у-у!

«Так, быстро заканчиваю и шлю. Черт, даже вычитывать некогда. Ну и ладно – у них там редакторы есть, пусть работают». Мысль о том, что самый захудалый редактор осчастливившего его журнала как литератор на голову выше молодого таланта, развеселила Олега окончательно. Пребывая в самом раскрепасном расположении духа, он поставил решительную точку в судьбе маленького Кнаппе.

ГЕРОЙ

– Стойте, – совсем уж прошептал я.

Тетя обернулась, глядя на меня настороженно и даже испуганно. За ее спиной торопилась выйти из комнаты Роззи, буксируя зареванную Беллу.

Весь мир для меня сузился до размера тетиных глаз. «Там правда, – верил я, – мне только надо ее найти!» Я видел в глазах страх и недоверие и теперь уже совсем не мог узреть той любви, которой она соблазняла меня раньше. Значит, она врала? Она все врала? И я предаю сейчас своего Рыцаря, сэра Бермундеса, который рассчитывает на меня, ждет моей помощи, доверяет успех своего дела, а может быть, и свою жизнь!

– Стойте! Вы мои пленники, и, клянусь честью своей, я не отпущу вас живыми! – крикнул я окрепшим голосом и уверенно сжал рукоятку меча.

– Ах ты!.. Девочки, бегите! – закричала тетя и кинулась на меня.

Такая большая и страшная. Я испугался, но взял себя в руки, вспомнив о том, что я не просто мальчик, я оруженосец рыцаря, смелый, бесстрашный и решительный герой. И я пронзил ее мечом, нажав пальцем спусковой крючок.

– Бах, – глухо кашлянул меч, и тетю отбросило назад. Она остановилась, схватившись за живот и выдохнула:

– Гаденыш...

– Мама! – закричал кто-то.

Кто это? Что я сделал? Эта тетя хотела стать мне матерью!..

Нет, эта колдунья чуть не погубила меня, едва не растоптала мою преданность Господу нашему. Колдунья! Колдунья! Колдунья-а!..

– Мама-мама, вставай! Ну пожалуйста, пошли, мама.

– Ма-а-а-а-ма-а-а

Колдунья! Я убил ее, ха-ха! Кто это рядом с ней? Ее птенцы, колдовские ублюдки, маленькие ведьмы.

– Бах! Бах! Бах! Бах!..

Я Кнаппе, оруженосец благородного... что это?

Окна разлетались хрустальными брызгами, открывая путь сначала тяжелым сапогам, а потом и телам огромных, страшных мужчин.

«Копы, – понял я, – берут крепость штурмом. Я защищу!»

– Клик-клик-клик, – жалобно кликнул разряженный меч.

АВТОР

У Олега Химмельмана сегодня был прекрасный день! В его руках, мягко шелестя страницами, покоился новенький, только из типографии, номер журнала фантастики. Да не просто номер, а номер особенный, с его повестью о маленьком оруженосце. Внюхиваясь в божественный аромат страниц, он бездумно и счастливо переворачивал страницу за страницей и мычал от удовольствия.

О гонораре честный автор даже и не думал, хотя тот обещал стать приятным дополнением к публикации, ведь объем впервые превысил стандартный авторский лист. Но главное – публикация! Еще одна. Еще один шагок на пути к гордому званию «Писатель». Теперь и о романе не грех подумать, теперь не отмахнутся, как от назойливой мухи, ни в одном приличном издательстве.

Благодарно вздохнув, Олег отложил журнал и взялся за телефон:

– Алло, Цыпа? Приве-ет, – промурлыкал он. – «Оруженосец» вышел, представляешь!... Да-да, я тоже не могу прийти в себя от радости... Спасибо, Цыпа, спасибо, милая... да, я думал о том же! Давай-ка ты после работы забеги в магазин и купи салатиков, курочку и... ну, сама сообразишь. А я схожу за вином... да, любимая, непременно. Вот и отметим. Будешь пораньше? Отлично. Целую, пока.

Накинув куртку и натянув на умную голову старую кепку, Олег отправился в винный отдел местного супермаркета, купил вина и полушку коньяка и, весело напевая что-то попсовое, направил свои стопы к дому. Молодеcki пнув пластиковую бутылку и незло ругнувшись на несознательных граждан, он набрал код на входной двери и нырнул в темноту подъезда.

И вдруг почувствовал на своей голове чужеродную ткань, моментально охватившую все лицо, замкнувшись на шее! Олег не успел испугаться, не успел ни о чем подумать, только услышал глухой звук удара, голова беспомощно мотнулась, и молодой талант провалился в небытие.

ГЕРОЙ И АВТОР

Олег почувствовал, что тонет, захлебываясь, падает на самое дно, и попытался работать руками. «Плыть, плыть, наверх!» – кричала душа, но руки совершенно не повиновались. И тогда он очнулся. И понял, что вода ему лишь привиделась.

Хотя нет, по лицу действительно стекали капли, да и в носу было мокро. Олег закашлялся, его голову тут же вновь окатили ледяной водичкой.

– Хватит, – прохрипел он, всерьез опасаясь захлебнуться. – Я в порядке.

– Очнулся? Карамба, ихо де пута! – услышал Олег чуть хрипловатый мужской голос. Круги перед глазами от воды и нокаута мешали ему рассмотреть своего, по-видимому, пленителя. – А ну, смотри мне в глаза, Мачос мьерда.

– Кх-кх-то вы?

– Зови меня Риттер, негодяй.

– Риттер Негодяй? – удивился дезориентированный Олег.

Тумс!

– Ай! – Химмельман получил чувствительный, несмотря на общее шоковое состояние, удар по лицу, вдвойне обидный оттого, что он, как человек интеллигентный и неконфликтный, совершенно не привык получать по морде.

– Негодяй – это ты, а я просто Риттер, понял-нет? Узнаешь меня, собака?

Олег попытался проморгаться и рассмотреть мучителя. Перед ним стоял молодой человек лет двадцати, худощавый блондин с острыми чертами лица, длинным прямым носом и полубезумными глазами. Нельзя сказать, что выглядел он как законченный рецидивист-уголовник, но глаза Олега испугали. Маньяк, да и только!

Ничего знакомого Олег в его чертах не увидел, и у него затеплилась робкая надежда:

– Извините, но я вас совсем не узнаю. Вы наверняка ошиблись! Я не сделал ничего плохого, меня зовут...

– Олег Химмельман, я знаю. И я не мог ошибиться, ведь я – Рыцарь! Страж добра, отряженный Господом бороться со злом. А ты – дермивый писака.

В голове у Олега зашевелилось легкое подозрение. Но он, будучи материалистом, несмотря на специфическую литературную специализацию, отнес его к последствиям удара по голове и отбросил, как невероятную глупость. К тому же его героя звали Кнаппе, а не какой-то там Риттер.

– Верно мыслишь, хилипойяс. По глазам вижу – узнал. Да-да, когда-то ты меня звал именно Кнаппе, да отсохнет твоя правая рука, но теперь я вырос и, идя по стопам своего господина, сделался Рыцарем. А заодно и взял себе новое имя.

Сумасшедший парень принял горделивую позу и задрал подбородок, театрально раскинув руки. По завершению патетического выступления оратор резко скукожился, глаза его вновь загорелись безумием, и, вытянув указательный палец, он прошипел загробным голосом:

– А ты, жалкий пес, козляная моча, сделал из меня чудовище, сломал мою жизнь и растоптал идеалы. Поэтому сегодня ты умрешь!

Олег запаниковал. Понимая абсурдность ситуации и обвинений, он судорожно силился понять, что же на самом деле с ним происходит. Спит? Нет, слишком реально. Бредит?... Может, это видения, сопровождающие клиническую смерть? Как версия – вполне правдоподобно. Но что-то мешало ему поверить в столь простое и безопасное объяснение.

Скорее всего – это просто маньяк, каких, если верить киноиндустрии, пруд пруди. Только этот свихнулся на его, Олега, скромной фигуре. А точнее, на его свежей повести. И пусть она только-только вышла, есть еще сотрудники журнала, естественная утечка материала, и к тому же у него на компьютере давно устаревшая антивирусная база – текст могли украсть и у него.

– Где я? – ни на что особо не надеясь, спросил Олег. Поджилки его не то что тряслись – ходуном ходили, но молодой талант был достаточно умен, чтобы не потерять голову окончательно. Он тянул время.

– Где? – удивился Риттер. – Неужели не видно? В междумирье. В проходной между вашим и нашим мирами, там, где мы только и сможем с тобой побеседовать, никого не стесняясь и сбросив маски повседневности,

навязанные вам обществом, а нам – авторами. Не правда ли, здесь уютно?

Последнюю фразу маньяк произнес так тепло и искренне, что Олег невольно обвел взглядом обстановку и вынужден был молча не согласиться с заявлением похитителя. Он увидел лишь темно-серые, в потеках и паутине стены, угрожающе нависший в полутьме потолок, ржавые, сочащиеся неприглядной жидкостью трубы, пыльный пол и одинокую железную дверь, какая может украсить лишь вход в преисподнюю или карцер самой строгорежимной тюрьмы.

Ну а посреди комнатухи лицом к двери на стуле сидел он сам, безнадежно связанный по рукам и ногам.

– Что? Не нравится? – обиделся Риттер. – А я старался...

Его бесцеремонно прервал жуткий скрип двери. В едва наметившейся щели проема показалось смутно знакомое остроухое лицо.

– Карамба! – заорал на это лицо Риттер, оно тут же исчезло, испуганно захлопнув лязгнувшую дверь. – Чертовы эльфы, нигде от них спасу нет. Итак, о чем я?

Надежда, заглянувшая в душу Олега, испарилась вместе с эльфом. Но в нем самом что-то переклинило, утратилась способность соображать.

– Погодите. Вы утверждаете, что вы и герой моей повести об оруженосце – одно лицо?

– Это абсолютная правда, провалиться мне на этом самом месте!

Было бы неплохо, – проворчал про себя Олег и вновь перехватил инициативу.

– Но постойте, мой Кнаппе маленький мальчик, девяти, если не ошибаюсь, лет...

Безумец расхохотался. Вот тебе и разумные доводы.

– Ты! – вновь вытянул палец в сторону связанного Олега Риттер. – Ты заблуждаешься, недоумок, полагая что время равномерно течет в наших мирах. Пока ты облизывался на кусок бумаги и в уме распределял жалкий гонорарец, я трубил свой срок сначала в детской тюрьме, затем и в колонии строгого режима. И каждый день меня избивали, унижали, смешивали с дерьмом, ломали душу...

Безумец окончательно съехал с катушек и орал, так, что стены тряслись. Но дальше началось совсем страшное: грозясь утопить Олега в брызгах своей слюны, каждую фразу маньяк подтверждал хлестким ударом по лицу несчастного пленника.

– Меня насиловали за то, что я белый, я убирал парашу не только в своей камере, но и на всем этаже, охранники, узнав о моем преступлении, не только не защищали, но и сами норовили ударить побольнее при каждом удобном случае. На меня мочились и опорожнялись, ломали пальцы, резали крайнюю плоть, ржали над моим криком и слезами, мне ломали кости и отбивали внутренности, мне...

И он зарыдал, продолжая хлестать Олега. Олег тоже заплакал от бессилия и обиды.

Наконец, оба они устали и успокоились. Допуская, что все рассказанное преступником о пережитом в тюрьмах правда, Химмельман понимал причину его безумия, но легче от этого не становилось.

– Но я, – просипел он, – я-то тут при чем? Я не сажал Кнаппе в тюрьму, я не придумывал все эти зверства, и вообще я просто писатель! Я не сделал вам ничего плохого!

– Не кричи, мать твою, – совершенно спокойно, даже устало ответил Риттер. – Я вижу, ты мне не веришь. А еще фантаст... Послушай, за что ты

наградил мою маму онкологическим заболеванием?

– Чем-чем? – удивился Олег. – Ничем я ее не награждал. Она вообще в повести осталась практически за кадром.

– Не помнишь? А кто, желая подробней раскрыть тему ее смерти и влияние этого события на мою психику, писал о раке? «Умирала она медленно и мучительно»... А?

– Постойте! Этот кусок не вошел в повесть, я написал его и тут же удалил!

– Ага, бестрепетной рукой. Ну вот и прикинь, откуда сие известно мне?

Олег опешил. И действительно, никому о предполагаемой болезни матери своего героя он не говорил, даже Цыпе. Да и сам давно забыл о неудачном экскурсе в прошлое Кнаппе. Откуда же?..

– А первый вариант конца? – усмехаясь, продолжал Риттер. – В котором не было ни детей заложников, ни драматизму!

Последнее слово он произнес с нескрываемым отвращением, будто передразнивая.

«Предположим, если текст был украден с моего домашнего компьютера слишком рано, альтернативный конец мог попасть в чужие руки, но абзац о болезни мамы Кнаппе я даже не сохранял!.. Кто-то читал с экрана?»

Понимая несостоятельность объяснений, Олег Химмельман постепенно начинал верить в самое невероятное, но упорно навязываемое ему объяснение происходящего.

«Спокойно, Олежек, спокойно».

– А разве в Пуэрто-Рико есть детские тюрьмы? В которые сажают выдуманных героев?

– Не финти, папаша. Есть тюрьмы, есть.

– Слушайте, Риттер, не зовите меня папашей, это еще не доказано!

Риттер только усмехнулся, присев перед Олегом и скрестив ноги перед собой.

– Между прочим, вы тут явно матерились по-испански. Я кроме слова «карамба» не понял ни слова. Откуда, спрашивается, мой герой знает слова языка, которого не знаю я?

– Угу, на «кнаппе» лингвистических познаний хватило, значит...

– Интернет подсказал, – огрызнулся Олег. – Не уходите от ответа.

– А что тут отвечать? Тюрьма не проходит бесследно, – Риттер улыбнулся так широко, что сверкнул сразу двумя золотыми жевательными зубами.

– Но при этом дурь о рыцарях и их правом деле, сумасшествие, которое довело Кнаппе до греха, она из вас не выбила?

– А ты сам виноват. Сделал меня окончательно сбрендившим пацаном, теперь не удивляйся.

Он оставался доброжелательным, спокойным и рассудительным собеседником, без следа былой буйности.

– Ну хорошо, предположим, весь этот абсурд действительно правда, – размеренно проговорил Олег. – Пусть так. Вы – герой моей повести, некогда Кнаппе, теперь Риттер. И что? Я-то в чем виноват? Миллионы писателей создают образы негодяев, но я не слышал, чтобы им за это что-то было. Это же нормально! Есть плохие, есть хорошие, вся литература на том стоит.

– Карамба! Ты меня доведешь все-таки, папаша! – вскочил Рыцарь. – Во-первых, отвечай за себя, не думай о других. Во-вторых, если ты чего-то не знаешь, это не значит, что ничего не было. В-третьих, ты написал неправду,

и я пострадал незаслуженно!

– Что?! Это почему еще неправду-то? Я автор что напишу, то и есть правда. Тем более что пишу я фантастику, то есть вру как хочу, а коли не нравится кому, пусть публицистику читают.

– Чушь, все в жизни закономерно. Поведение героев, как отражение живых людей, должно подчиняться логике.

«Кто бы говорил о логике», – подумал Олег.

– Если ты говоришь, что твой главный герой замызганный «очкарик» и никогда не касался турника, а потом он у тебя начинает показывать чудеса физической подготовки, то это неправда. Пример доступен?

– Ну, предположим, – нетерпеливо кивнул Олег. – Однако не помню, чтобы я допускал подобные промахи в повести о Кнаппе. Разве у него не было пальцев, чтобы спустить курок?

– Не у него, а у тебя, то есть у меня, – поправил Риттер. – Были! Но это лишь грубый пример, чтобы ты понял о чем я говорю. Ум-то у тебя не шибкий, приходится изощряться.

– Пф! Учит курицу яйцо...

– Цыц, хилипойяс! Физически я мог совершить преступления, приписанные мне тобой. А вот психологически – нет.

Олег опять хотел фыркнуть, но сдержался, поймав выразительный взгляд своего героя. (Зубы пожалел).

– Ну вот прикинь, описал ты маленького мальчика, хорошо описал, мол, маму любит, папу любит, в бога верит, в церковь ходит. Никогда никого не обижал, не бил, подставлял вторую щеку, получив кулаком по первой.

– Это где я про щеки писал? – возопил Олег, уже понимая, к чему ведет его собеседник.

– Не перебивай. И учись читать между строк.

– Угу, между строк, которые сам же и написал. Вопрос, кто начиркал то, что ты увидел в этом междустрочье?

– Вопрос риторический, не прикидывайся совсем дураком. Ты как автор даешь читателю реперные точки, отталкиваясь от которых он строит все остальное, видит реальность, созданную автором, такой, какой она должна быть.

– А что дальше? – наигранно удивился Олег. – Дальше мальчик сошел с ума, погрузился в мир грез, вымыслов, сказки, а поведение сумасшедших логике поддается слабо.

– Вот! – торжествуя ткнул пальцем в нос Олега Риттер. – Вот ты сам и сформулировал всю противоречивость моего поведения.

– Где? – оглянулся в поисках противоречия Химмельман.

– А здесь. Кнаппе вроде как от страданий, выпавших на его долю (слабовато оправдан такой финт, ну да ладно), съезжает с катушек и живет как бы в вымышленном мире, уходит в мир СКАЗКИ! В мир добрых рыцарей, злых драконов, благородных дам, которые на деле были проститутками, в мир возвышенных идеалов, подкрепленных божьими заповедями.

– Слушай, Кна... Риттер, развяжи меня, а? Нехорошо как-то получается, я все-таки создал тебя, а теперь общаемся не как родные люди, а как арестант с учителем.

– Во-первых, не перебивай! Во-вторых, лучше бы ты меня не рожал! В-третьих, не развяжу. Начнешь глупости творить, сбежишь ненароком, потеряешься, а там и пропадешь. Междумирье тебе незнакомо, а в нем, между прочим, не всякий закон физики работает. Короче, сиди и слушай.

– Подожди, последний вопрос – откуда ты такой умный взялся, если я

по твоей же логике ограничил тебе доступное. А?

– Есть создатели и повыше тебя рангом, Карамба! – озлился Риттер.

– Сам Карамба! То есть Дьявол, по-нашему!? – Олег закрыл рот в притворном испуге.

Проигнорировав неумелое лицедейство своего создателя, герой продолжил:

– Итак, наивный мальчик с чистой душой, хоть и заблудившийся немного в мире грез, идет на уголовное преступление. Ну ладно, пусть, он продолжает играть и не понимает серьезности происходящего. Бандюганы убивают направо и налево, их тоже мочат по мере возможности, а мальчик и в ус не дует? Хорошо, совсем заигрался. Даже зверски расстрелянную собаку, как и ее отравленных собратьев, которых добрые маленькие мальчики вообще-то любят, простить можно. С большой натяжкой можно было оправдать убийство мальчиком «злого колдуна» или его слуг, охрану – они мужчины, которых хоть как-то можно представить воплощением зла. Но женщина?..

– Она колдунья!

– Она женщина, которая напомнила ему мать. Женщина, которая вытащила его в реальность. Он, вернее я, должен был, просто обязан был опуститься на колени и зарыдать. Ну да ладно... автор – сволочь, автор чуть ошибся в исходных точках, рисуя портрет своего героя. Неопытный автор, да и дурак... Но скажи мне, умник, как я мог убить в приступе ярости двоих детей, девочек, едва оторвавшихся от мамкиной сисыки? Убить жестоко, в исступлении? От страха? Нет. Окончательно съехала крыша? Так она могла съехать у взрослого дебила, но никак не у малого мальчика. Что ты молчишь? Ты осознал? Понял, что сотворил со мной?

Риттером вновь овладело безумие, от его ора Олег скукожился, ежесекундно ожидая удара по лицу. Но тот вдруг успокоился и продолжил уже совершенно нормальным голосом:

– Так что неправду ты написал. Не мог я сотворить подобного. А сотворил. По твоей вине.

– Это суд? Твои доказательства и мое признание вины слышит кто-то... там? – упавшим голосом спросил Олег, кивнув на потолок.

– Да нет, суд уже состоялся, наказание было определено и приведено в исполнение. И никто там исправить ничего уже не может.

– Тогда чего ты от меня хочешь? – сдерживая рыдания, выдавил Химмельман. – Я исправлю конец, и все здесь, в мире выдуманных героев, случится иначе. Хочешь?

– Не поможет, – покачал головой Риттер. – Как и в твоём мире, у нас ничего нельзя повернуть вспять. Повесть уже предана бумаге, опубликована и прочитана, пусть пока и немногими.

– Что тогда? Что я должен сделать? – отчаявшись, выкрикнул Олег. И заискивающе продолжил: – А давай, знаешь что, давай я напишу продолжение, а? Напишу так, чтобы ты не попал в тюрьму, чтобы ты оказался, скажем, в приюте для душевнобольных, быстро вылечился и потом тебя усыновят хорошие люди!

Риттер опять покачал головой, словно отмеряя автору неумолимое наказание.

– Тоже не выйдет. Во-первых, у меня жив отец. Вернее, был жив. Во-вторых, это не отменит главного – я, рыцарь Господа, не могу зваться таковым, потому что на моей совести останутся невинно убиенные дети. Великий грех, ничем не искупаемый.

– Придумаю! Я все придумаю! Грех искупишь, как ты хочешь его искупить? Отца твоего убить проще пареной репы... ой.

– Вот-вот, отцеубийца чертов! Только это ты и можешь – всех убить и чушь молоть.

– Но чего? Чего ты хочешь от меня теперь?! Моей смерти? Моих мучений? Я уже мучаюсь, я боюсь, я раздавлен страхом!

– Фи, слабак, – презрительно сплюнул Риттер. – Не хочу я твоей смерти. Хотя соглашусь и на нее, если откажешься искупить свою вину. Не прощаемую в общем-то, но Господь учит милости. Может быть, я и прошу. Может быть...

– Я согласен! Я на все согласен! Говори! Все сделаю, – Олег молил своего похитителя о милости, он забыл о гордости и скепсисе, он бы упал на колени, если бы не веревки. Он умолял своего героя о прощении, кляня себя за то, что сделал его в итоге довольно жестоким и совершенно невменяемым.

Риттер долго молчал, задумчиво глядя на Олега, будто оценивал – врет или нет, проняло его или это просто проявление страха, раскаялся или лишь цепляется за жизнь.

– В общем, так! – сказал он, наконец. – Ты будешь писать. Ты напишешь роман, не повесть, не рассказ – роман. Героями его станут мой сын и одна из убитых мной девочек – Белла. Ты этого не знаешь, но я видел, что она дышала, когда в комнату ворвалась полиция. Ты вылечишь ее и отдашь на воспитание родственникам. Хорошим людям. Мой сын пусть родится, пока я буду сидеть в тюрьме, раз уж его отец законченный грешник. Пусть его воспитывает мама, красавица Розалина, – глаза Риттера мечтательно закатились. – А зовут моего сына, между прочим, Карло. Мальчик Карлито... Он, конечно же, узнает о том, что сделал его отец, я сам ему расскажу, когда он придет ко мне в тюрьму. И тогда он начнет заботиться о Белле, будет защищать ее, помогать деньгами, мирить с друзьями, поможет найти себя в профессии и сделать карьеру. Ах, какие же у нее ручки!

Естественно, все это он станет делать анонимно, не показываясь ей на глаза, а если и покажется, то не расскажет о своей миссии. Потому что она тоже будет знать о судьбе своих родителей и сестры, о том, при каких обстоятельствах все случилось. Но, конечно же, со временем она полюбит своего ангела-хранителя, он ответит ей взаимностью и обо всем расскажет. И, если она простит его (простит меня), – только смотри у меня, все должно быть без лажи, правдоподобно – тогда твой грех будет прошен мной, а моя вина будет отчасти искупленной, и я смогу стать Рыцарем, посвященным Господу нашему, и со спокойной душой встану в ряды его рати, пусть и совсем с краю.

И роман этот должен быть опубликован, чтобы его прочитало как можно больше людей, чтобы их сочувствие стало мне ступеньками на небеса. Чтобы эти ступени были куда крепче и надежнее тех, что ты проложил мне в ад. Понял-нет?

– П-послушай, Риттер, но ведь Белла будет лет на десять старше твоего сына!

– Так мне что, идти за своим праведным мечом?

– Нет-нет, что ты! – испугался Олег, поняв, что десять лет разницы в возрасте не преграда для любви, заботы и прощения. – А если скажут, мол, неформат, не читают теперь такого?

– Я все-таки иду за мечом... – обреченно вздохнул Риттер.

АВТОР

– Где ты был, милый? О господи, что с твоим лицом? Тебя били?

– Потом, Цыпа, все потом.

Олег Химмельман вихрем вбежал в квартиру, чуть не сбив опешившую Цыпу, но, вдруг опомнившись, повернулся к ней, порывисто обнял, поцеловал и прошептал:

– Спасибо, любимая!

– За что? – удивилась напуганная Цыпа.

– За все, милая, за все! Ты прости меня, но я пойду поработаю.

– А как же?... Как же празднование выхода твоей новой повести? Я вот салатиков купила, и курочку, и торт... вкусный.

Олег только огорченно махнул рукой.

– Не могу, Цыпа. Никак не могу. Ты поешь, милая. Скушай торт, выпей шампанского, а я пойду, ладно?

– А ты? Как же ты?

– Потом, все потом...

– Ну хоть переоденься, умойся, – обреченно вздохнула Цыпа в спину Олегу. – Покушай, наконец, хоть чуть-чуть!

Олег опять махнул рукой, послал ей воздушный поцелуй и сел за компьютер:

«Карлито рос мальчиком сильным и смелым, но сегодня он почему-то оробел. Его мама донна Розалина сказала, что они отправятся в тюрьму навестить отца. Карло видел его редко и всякий раз страшился новой встречи, сам не зная почему. Зато мама навешала папу часто и всегда возвращалась со свиданий одухотворенная и счастливая, только в глазах ее таилась тихая грусть. Наверное, этой грусти и боялся Карло.

– Карлито, – сказала Розалина, обнимая сына. – Сегодня папа попросил привести тебя к нему, чтобы рассказать что-то очень важное. Он говорит, что ты вырос и должен кое-что знать. Выслушай папу внимательно, потому что твой отец необычный человек, он Рыцарь без страха и упрека, воин Господа нашего...

Цыпа, которую вообще-то звали Евдокией, души не чаяла в Олеге. Любила его так, как только и умеют любить женщины: самоотреченно и всепрощающе. Терпела любые его выходки и лелеяла все достижения. Ведь он же гений! Самый-самый лучший на земле.

Улыбнувшись, любимая женщина молодого и талантливого автора поспешила на кухню, чтоб приготовить своему гению бутерброды, которые он сможет схрумкать без отрыва от производства.

АВТОР АВТОРА

Сеньоры, благородные господа мои, не соблаговолите ли вы в награду мне, сказителю убогому, за сказ да развлечение преподнести посудинку с текилой, чтобы я мог выпить ее за ваше, сеньоры, здоровье и за благодать Господню, что моими молитвами непременно наполнит ваши тела и души?

Спасибо, сеньоры, спасибо вам и Деве Марии, нашептавшей мне повесть о маленьком оруженосце и его негладкой судьбе.

Андрей ЯКОВЛЕВ

Неподаренные цветы

Мимолетная бабочка-рифма, так, ни о чем,
промельком крыльев-листьев,
легкая буря в мире пылицы и тополиного пуха,
мимо глаз, в обход обрюзглой души, мимо уха...
Поднимая приятную тяжесть винтовки,
По-эстетски, с двух пальцев,
прицелясь в «десятку» солнца,
время – унылый снайпер –
нежит курок –
Хлоп!
И, притворно обидясь,
плачет небо над нами.
Слезинки-снежинки
покрывают визжаших на горке детей,
летний день превращая
в воспоминанье о летнем дне.

Андрей ЯКОВЛЕВ. Родился в 1963 г. в Ленинграде. В 1989 г окончил Хабаровский пединститут. Работал главным редактором журнала «Бизнес безопасность». С 2011 года живет в Москве. Работал в военном отделе газеты «Известия». Автор двух стихотворных сборников (1990 г., 1993 г.).

* * *

Ты опять не со мной поделила свое одеяло,
вот окуклось я на зиму в спальном мешке,
а цветущей весной стану бабочкой яркой, как день,
ну а суженый твой, как слежавшийся снег,
станет так неопрятен и скушен,
что сбежишь от него по полям и лугам
ты за бабочкой яркой в любовь манящее лето!

* * *

Скажите, кто вы, старый человек?
Я молод, но передо мною вы в ответе
за годы горестные эти, за прожитый ваш век.
Быть может, это ваш, теперь такой усталый глаз,
смотрел на невинного в прищеле,
и по уставу выполнен приказ – убита совесть,
вы ж поныне целы и при деле?
Знамена.
Имена.
Цветы.
Святыни.
Седые времена в глазах чужих проплыли,
о том, что было, нам не говорили,
и мы почти что позабыли
о лучших, что в земле остыли.
Как спится вам?
Чья молодость в архивной пыли
пронумерованной, подшитой были?
Моя страна.
Ты столько боли на себе носила,
ты столько по убитым голосила,
ты столько подлости простила!
Скажите, кто вы, старый человек?

Послание мэтру

Вы знаете тайну, и я ее знаю,
и мы, головами приникшие к небу,
пытаемся землю потрогать ногами.
Вы знаете тайну!
В руках беспокойных терзаете ручку,
игрушечной саблей, шуруя в камине,
рисуете знаки и ловите звуки,
так музыка сфер обращается в пепел,
скопившийся на конце сигареты,
мы тихо внимаем дыму иллюзий.
Пора освежиться!
Прогулки по краю, беседы со смертью,
веселые торги на бирже души,
падение акций, взрыв демографии,
звонок в Ноосферу, лицо с фотографии...
Так долго, так тихо, так скучно...
Не страшно!
Шагать по Шпалерной в фуражке манерной
смешно почему-то,
наверное, где-то и что-то затлело.
Быть может, рассвет? А быть может, ковер?
Хихиканьем красным иль жарким смешочком
мы выдохнем разом, поднимется ветер,
огонь возгорится, и хохотом в небо вонзится костер!
Вы знаете, сударь, пора возвращаться,
палач очень нервен, и острый топор
все время тупится от света луны,
мы скоро увидим Лицо Тишины,
в глазах отразимся, как два парашюта,
в лесные озера, порхнувшие с неба...
Пора! Вы шагнули под дула винтовок.
Пора! Прижимаю к виску пистолет.
Он убит в двадцать первом,
я слегка опоздаю –
в две тысячи восьмом
к нему приглашен на обед.

* * *

От ночного звонка сорвусь
И не усну досветла,
Выгорит голос дотла,
Не могу говорить – злюсь.

Помолчим через всю страну,
Через всю весну помолчим,
Через время, разлуку и дым,
Через любовь помолчим!

Словно в разные стены
Два вбитых гвоздя,
Мы в эфире ночном торчим,
Через все самолеты, через поезда,
Помолчим.

Об отсутствии тех причин,
Чтобы рядом «Он» и «Она»,
Мы с тобою опять молчим
И друг друга до слёз огорчим
До потери смысла и сна.
– Говори! Хоть слово... Не молчи!
– А ты?..

Неподаренные цветы,
В холод снежной постели
Ушедшие ночи,
Сумасшедшие дни без тебя,
И не очень...

Неизвестно только зачем,
За чертом каким?! Не пойму!
Мы друг другу звоним по ночам,
И молчим через всю страну.

Вопль

Хоть кто-нибудь, сюда придите!
Меня спасите от меня,
О чем-нибудь таком спросите,
Присядьте рядом у огня.
Он пляшет, пожирая ветки,
И разгоняет темноту,
Хоть кто-нибудь, войдите в клетку!
Мою разруште немоту!
Свои богатства – краски, звуки –
Я вам без корысти отдам,
В пустом доме звенящей муки
Любови с болью пополам
Мне одному, всё одному
Уже не вынести...
Никому
Души моей не надо даром,
Пускай она горит пожаром,
Хоть миг один,
Хоть много лет,
Её потушит пистолет,
Мой воронёный господин,
С простой фамилией «Макаров».

* * *

Осень – это мужчина:
Бродит пьяный вчерашним,
Плачет о лете последнем
В своей одноразовой жизни,
Использованной, как шприц,
Которым ввели под кожу Земли
Смертельную дозу зимы.

ХОЧУ УВИДЕТЬ ТВОИ ГЛАЗА

Рассказ

Кучкар НАРКАБИЛ

Заканчивался август, лето подходило к концу. Дул осенний ветерок, похолодало...

Настало время отпуска. Пришла пора осуществить мой давний замысел: съездить в Хорезм!

...Вокзал для меня – какое-то особенное место. Кажется, что пассажиры, сидящие в многолюдном зале, связаны какой-то невидимой нитью ожидания. С прибытием на платформу состава беспорядочная толпа, где все друг друга задевают, толкают, спотыкаются, бежит к поездам. Всем хочется поскорее добраться до места. Опустевшее пространство занимают другие. Вообще-то на вокзалах никогда не бывает пустот. Такова и жизнь человека: если не определишь себе цель и не станешь двигаться к ней, то надолго застрянешь на месте и наверняка будешь мешать другим. Но вокзал имеет определенные преимущества перед жизнью: и принц, и нищий, и богатый, и бедный – все одинаковы, все пассажиры! Они всего лишь ждут своего поезда. А в жизни... в жизни у всех людей свое место... Зная, что однажды поезд жизни заберет их, они зачастую забывают приобрести на вокзале билет человечности.

Но не буду отнимать время своей болтовней. Вот и мой поезд прибыл, прибыл на первый путь, вплотную к платформе.

То ли от жарких лучей полуденного солнца, то ли от звука и запаха прибывших вагонов в носу зашекетало. Это был запах застоявшейся смазки стучащих по рельсам колес.

Я подумал, что давненько я не бывал на вокзале. Шум, гам, суета, присущая всем вокзалам, напомнили мне мои студенческие годы. Поезд «Ташкент – Андижан»... По субботам проводы, по вторникам встречи. Э-эх, свидетелем скольких моих страданий и слез был этот вокзал! Молодость. Романтика. Любовь!

Многолюдно. Возвращаются домой после тестовых испытаний студенты. Стоящему у дверей вагона в ожидании окончания потока пассажиров проводнику что-то объясняют двое. Разочарованные его

Кучкар НАРКАБИЛ. Родился в 1968 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей Узбекистана. Заслуженный журналист Узбекистана. Главный редактор газеты «Инсон ва конун».

безучастным видом, умолкают...

– Вон идите к плашкартному вагону! Нельзя, не могу брать лишних людей.

Когда поезд тронулся, я запрыгнул в тамбур вагона.

– У вас же оказывается есть билет! Чего же вы до сих пор ждали? – уступил мне дорогу проводник. – У вас четвертое купе.

Я сунул голову в полуоткрытую дверь, соседи по купе тут же обернулись ко мне.

Это были два прекрасных создания. У одной из них собранные в пучок черные, как смоль, волосы. Большие искрящиеся глаза луноликой могли околдовать кого угодно. Рядом с ней не менее прекрасная голубоглазая красавица златовласка. Ее прекрасное лицо украшали дугообразные брови. Сидевший напротив этих чудесных созданий и чувствующий себя неловко худощавый, горбоносый, угристый подросток подвинулся к окну, освобождая мне место.

– Братишка, можно встать? Мне нужно поставить багаж под сиденье.

Юноша встал. Разместив сумки, я достал целлофановый пакет с едой и расположился за столом.

Заметив морщинки на гладком лбу голубоглазой блондинки с распущенными до плеч волосами, которые не мог скрыть макияж, я мысленно дал ей лет тридцать пять. Другая красавица не отводила красивых глаз от окна вагона. Она будто не замечала нас, как бы всем своим видом подчеркивая, что вот так и будет до конца поездки. Юноша, скрестив руки на груди, облокотился на спинку сиденья и закрыл глаза.

Голубоглазая женщина краем глаза зыркнула на меня. Это было естественно. Обычно так и поступают гордые женщины, умеющие скрывать свои чувства и уверенные в своей красоте. Но и мы не лыком шиты: на шее галстук, пиджак, брюки... Грех жаловаться на свою внешность. Однако, все-таки неприлично сидеть молча, когда рядом такие красавицы. Это не по-мужски. Как говорил один поэт, пред неземной красотой ее склоняли колени даже боги... Тут гордость ни к чему.

– Позвольте представиться, – сказал я по-русски и уверенно посмотрел на женщину.

Девушка, глядевшая в окно, слегка пожав плечами, усмехнулась подруге. Та улыбнулась в ответ.

– Да, конечно. Давайте, познакомимся...

Женщина говорила спокойно и неторопливо, я почувствовал искренность в ее голосе.

– Я писатель. Еду в Ургенч, точнее, в Каракалпакстан. Друзья позвали. Задумал попутешествовать.

Женщина удивленно прикусила губу, казалось она вот-вот рассмеется. Хотя глаза ее оставались серьезными:

– Вы писатель? А что, писатели не представляются по имени-отчеству? Ну да ладно, я первая представляюсь. Меня зовут Ирина. Ирина Николаевна! Это моя дочь Мария. Мы живем в Москве. Тоже едем в Ургенч, точнее, в Хиву, путешествуем.

Девушка была неразговорчивой. Она снова отвернулась к окну.

– Ваша дочь, наверное, студентка... Я угадал? – спросил я нарочито громко.

– Да, я студентка. Вы действительно угадали. Может быть, вы еще и тему моей дипломной работы знаете? – спросила она иронично. Она оказалась «язвочкой», острой на язык, и с самого начала невзлюбила меня. Кто знает, может быть, она была недовольна тем, что я разговаривал с ее матерью?

Мы замолчали. Юноша, сидевший рядом как мумия и не подававший признаков жизни, вдруг оживился и протяжно свистнул, будто говоря: «как же ты меня достала»... Он тоже молчал, будто считая столбы, мелькавшие за окном вагона.

Женщина покачала головой. Видно было, что она смутилась из-за резкости своей дочери.

– Не обижайтесь. У Марии сегодня нет настроения. В Ургенч мы хотели лететь самолетом. Весь день пытались купить билеты, но не смогли. Сказали, мест нет. Как оказалось, в Ургенч летает много народу, в основном туристы. Мы плохо знаем Ташкент. Впервые в Узбекистане. Дочка наотрез отказалась ехать в поезде, – женщина с улыбкой взглянула на дочь. – Люди, – говорит она, – здесь плохие, разве можно целых два дня мучиться в поезде?

– А почему она думает, что здесь плохие люди? Это не так. Наш народ гостеприимный, милосердный, покладистый, скромный и неприхотливый. Маша, вы плохо знаете узбеков! Так? – вопрошающе посмотрел на девушку я.

Маша нахмурилась. Я заметил в ее взгляде какой-то непонятный страх и панику и принял это за беспокойство, которое охватывает некоторых людей, когда они оказываются в незнакомых местах. Ответ девушки был краток:

– Мама мне много рассказывала об узбеках...

– А что мама говорила про нас?

Едва улыбнувшись и подняв брови, девушка саркастически поджала губы. Ей богу, эта ужимка была ей к лицу. Она напомнила маленькую обиженную девочку. Поэтому я несколько не обиделся на ее гримасу.

– Спросите об этом мою маму, а я лучше посплю. Я сегодня очень устала, – и, встав с места, девушка стала поправлять постель на верхней полке.словно хорезмская танцовщица, чернобровая, со смоляными волосами и сверкающими глазами, сияющим лицом и стройным станом, девушка с ловкостью взобралась наверх.

Я толкнул локтем юношу, который все еще неподвижно сидел с безучастным видом. Но я был уверен, что он внимательно слушал наш разговор. Юноша посмотрел на меня.

– Что вам? – спросил он на хорезмском диалекте.

– Как тебя зовут?

– Адамбай.

– Ты из Хорезма?

– Ховво¹.

– Адамбай-ука², пожалуйста, завари чай. Видишь, на твою родину гости едут, а ты дремлешь...

Адамбай не полез за словом в карман:

– Ладно, чай так чай. Хотя гости, по всей видимости, хотят кофе. Уважаемый, я узнал вас. Видел по телевизору. Вы писатель. А гости не узнали. Вы не смущайтесь. Возможно, они узнают вас при трансляции по телевизору

¹ Ховво – «да» по-русски.

² Адамбай-ука – вежливое обращение к младшему по возрасту мужчине.

в Москве...

Я еле сдерживал смех. Адамбай неуклюже вышел из купе. Ирина поправила свои волосы длинными красивыми пальцами. Я с восхищением взглянул в ее бездонные голубые глаза и увидел в них глубокую печаль, способную тронуть душу. Как мне показалось, женщина старалась казаться беспечной. Она беззаботно улыбнулась:

– Ну и что вы устались, уважаемый писатель? Вы до сих пор не представились... Ладно, можете не говорить... Так лучше. Мне понравилось называть вас Писателем.

– Я рад, если вам понравилось. Значит, меня зовут Писатель!

Мы оба засмеялись. Взяв лежавший рядом целлофановый пакет, я вынул оттуда лепешку, кусок казы¹ и положил на столик.

– Может, подкрепимся? Не знаю, как вы, но я проголодался.

– Да, я тоже с утра ничего не ела. Кроме того, меня замучили Машины капризы. Вы не обижайтесь, она хорошая девушка.

– Ничего, бывает в молодости. Надо понимать молодых и признавать иногда их правоту. У вас очень красивая дочь, как бы ее не сглазили! Но она на вас не похожа, красота у нее больше восточная. Правда, вы еще красивее ее и моложе. Вы будто два разных мира...

Я с беспокойством искоса посмотрел на женщину, подумав, что переборшил. Но нет, к счастью, на ее лице я не увидел недовольства. Наоборот, она, как женщина, избалованная похвалой, звонко рассмеялась.

– Ирина Николаевна, садитесь поближе к столу... У меня есть это... Как его... Как вы смотрите, если по пятьдесят граммов?..

– Даже не знаю. Вам самому хочется?

Мне нравилось, что женщина не чувствовала себя скованно.

– Конечно, я с удовольствием. Это снимет усталость и дорогу скрасит, – сказал я уверенно и, достав из целлофанового пакета бутылку «Каратау», поставил на стол. Женщина посмотрела с интересом.

– Это узбекская водка?

– Да, нукуская... Отличная. Я всегда пью такую. В командировки и в дорогу беру с собой.

– Ну ладно, давайте попробуем узбекскую водку.

Ирина, встав с места, стала шарить в кожаной сумке, которая лежала под сиденьем, и вытащила оттуда изящную стеклянную баночку.

– Это грибы на закуску, сама готовила. Попробуйте.

Я наполнил пиалушки с хлопковым узором, лежавшие на столике. Ирина открыла красивую баночку.

– Извините, вилок нет. Поэтому придется обходиться руками.

Красивыми пальчиками вытащив грибочки, похожие на белые пуговицы, она положила их на хлеб.

– Ну, давайте! Выпьем за ваше здоровье, – сказал я.

Ирина улыбнулась. Мы на равных залпом выпили свои пиалушки и закусили грибами.

В это время открылась дверь и вошел Адамбай. В руках у него был медный чайник. Увидев на столе водку, он вытарашил на нас глаза.

– Поставь чайник. Садись, Адамбай, – сказал я. – Ирина Николаевна, – знакомьтесь. Этого парня зовут Адамбай.

¹ Казы – колбаса из конины.

Ирина кивнула головой. Адамбай сел возле меня.

– Уважаемый, вы прекрасный организатор, – сказал он.

– Да, пожалуй..., – ответил я с иронией. – Адамбай, мы не знаем, чем разрезать казы и колбасу...

– Э... разве это проблема? Сейчас я попрошу у проводника нож, – встал он с места. Ирина посмотрела вслед парню.

Я снова наполнил пиалы.

– А куда он пошел?

– Сейчас придет. Давайте, выпьем!

– За что?

– За встречу. Вообще-то трудно сказать что-то оригинальное...

– Вы же писатель. Придумайте что-нибудь, – женщина робко улыбнулась.

– Сердце человека – океан. А в нем скрывается столько тайн... а еще больше желаний. И если мечты в океане поднимают волны, то человек находит в себе силы и желание жить. Горит желанием жить. Давайте выпьем за то, чтобы это пламя не погасло.

– Ах, как прекрасно сказано! То есть вы хотите сказать, выпьем за то, чтобы не погасло пламя любви...

– Может быть.

Я снова замолчал. Женщина глубоко задумалась, глядя на пиалу в моей руке.

– Да, пламя любви, пламя любви... Оно не гаснет, но сжигает человека дотла, – сказала она тихо, словно для себя. Казалось, что вскрылись все ее душевные раны, и она не находит сил превозмочь боль. Крепко зажмурившись, она залпом опустошила пиалу. И на ее лице внезапно засияла улыбка. Я понял, что эта женщина с ослепительной улыбкой способна преодолеть все удары судьбы. Этим она и отличалась от большинства хитрых, лисоподобных женщин. В ней не было фальши.

В купе снова появился Адамбай. В руке у него был нож и две тарелки.

– Молодец, Адамбай! Присаживайся к нам, братишка.

Адамбай, нарезав казы и колбасу, учтиво подвинул тарелку Ирине Николаевне. Женщина благодарно кивнула головой.

– Что это? – спросила она, кивком указывая на казы.

– Это? Казы, – помялся Адамбай, не находя слов для объяснения. Затем, взглянув на меня, сказал:

– Уважаемый, я не знаю русского языка, сами объясните.

– Казы – это конина! Колбаса, приготовленная из конины, покруче вашего сала, – сказал я, – Ну-ка, Адамбай, давайте с Ириной-опой еще по стопочке. Ты будешь пить?

– Нет, уважаемый. Мне нельзя... Не буду.

– Да? Ну, ладно. Ирина Николаевна, Адамбай – студент, он не пьет. Не будем его заставлять...

Я снова наполнил в пиалы. Ирина попробовала казы. Адамбай оказался приветливым, ловким и сообразительным парнем.

– Уважаемый, мне надо поспать, если что – разбудите, – сказал он и поднялся на верхнюю полку.

– Правильно, братишка! Ложись и спи спокойно.

Мы опустошили всю бутылку. Ирина еще больше расцвела. Я

чувствовал, что и у нее кружится голова. Она подала мне закуску и, глубоко вздохнув, встала с места и под села ко мне, глядя мне в глаза. Огонь ее голубых глаз сжигал мое тело. У меня аж сердце зашемило. Она же, положив голову мне на плечо, тихо заплакала. Почувствовав ее дыхание, я совсем потерял голову и замер.

– Знаешь, Писатель, я... я... мы, – у нее задрожали плечи... – зачем мы едем в Хорезм?

Теперь она плакала навзрыд. Я не знал, как быть...

– Ты хороший человек, Писатель... Прости меня.

– Успокойся, Ирина... Дочь разбудишь. Адамбай проснется. Успокойся! Ирина замолчала. Тяжело вздохнув, она встала и пересела на свое место.

В этот момент сверху раздались глухие звуки. Оказалось, что девушка с силой стучала кулаками по подушке.

– Скажи, мама! Скажи, что мой отец узбек! Скажи, что ты уже двадцать лет рассказываешь мне сказки о каком-то узбеке. Расскажи о своей многолетней несбывшейся мечте и моих страданиях! Этот человек найдет тебе твоего узбека, – с ненавистью кричала девушка и, отвернувшись, визгливо зарыдала.

От ее воплей Адамбай вскочил с места и спрыгнул с полки вниз. У меня сердце оборвалось. Я был ошеломлен. Ничего не понимающий Адамбай с удивлением смотрел то на меня, то на Ирину, то на всхлипывающую Машу.

– Что за шум, что случилось? – спросил он по-узбекски.

Поезд остановился на очередной станции. Свет прожекторов осветил наше купе.

– Ничего не случилось. Не беспокойся, братишка. Пожалуйста, возьми деньги и сбегай за минералкой!

– Не надо денег. Сейчас принесу.

Ирина, сжав голову руками, сидела с потерянным видом. Девушка замолчала. Адамбай принес воду. Поезд тронулся.

– Ложись, ложись, братишка. Спасибо тебе большое! Хороший ты парень...

Я налил в пиалу воды и поднес Ирине. Она подняла голову. Ее протянутая рука дрожала.

В окне вагона тускло отражались наше освещенное купе и мы с Ириной. За окном вагона в ночном мраке постепенно растворялись широкие просторы. Иногда мелькали светящиеся столбы. Позади остались полные света и тепла дома и поселки. Поезд летел в ночи, преодолевая не только дорогу, но и время. Казалось, что он напевал свою какую-то вечную таинственную мелодию.

После недолгого молчания Ирина подняла голову и тихо проговорила: – Писатель, воздуху не хватает. Давай, выйдем в тамбур!

Я поплелся за ней по шаткому коридору вагона. Ее золотые, струящиеся по плечам волосы, стройная фигура, розовая юбка выше колен, полные упругие бедра, модные белые туфли, украшавшие ее крепкие ноги... – все буквально чаровало меня. Крепкая, стройная, красивая Ирина настолько сильно отличалась от тех предприимчивых женщин, которые, рассказывая о своих проблемах, входили в доверие, а затем обманным путем добившись своего, окончательно овладевали тобой... Ирина была из тех, кто играет в

открытую, с азартом, раскрывая все карты. Я подумал, что такие женщины, пожалуй, встречаются лишь в романтических рассказах Холмирзаева. Поезд летел как стрела, прохладный ветер, врывающийся из открытого окна тамбура, напоминал, что лето закончилось. Я дрожал от холода. Женщина, прислонишись к дверям тамбура, созерцала ночную тьму.

– Дай закурить, – сказала она, не отрывая глаз от окна.

– Пожалуйста...

Ирина курила одну сигарету за другой. В ее глазах стояли слезы.

– Знаешь, время идет, а у меня все тяжелее на сердце. Стук колес усугубляет мою боль. Может быть, я неправильно делаю, что еду к нему. Может, мое сердце не выдержит встречи с ним и остановится. Понимаешь, такое ощущение, будто не поезд движется вперед, а земля мчится ему навстречу. Я даже не представляю, как я увижусь с ним, как подойду, что скажу... О боже, ты хоть понимаешь меня, Писатель?!

Ирина начала всхлипывать. Я не знал, как ее успокоить и чувствовал, что, скажи я что-нибудь лишнее в этот момент, это слово перевернет весь мир этой женщины. Но, что очень важно, я стал понимать ее. Ее чувства, как полыхающий огонь, взбудоражили меня. В этот момент я думал о том, кто заставил страдать эту женщину, принес столько боли в ее жизнь.

– Ты до сих пор его любишь?!

– Уф... Может быть, я не знаю, что такое любовь... Но я столько лет храню его в своем сердце. Он превратился в частичку моей судьбы. Он где-то в глубине моей души. Он стал для меня воплощением памяти, прошлого, сегодняшнего и завтрашнего дня, воплощением продолжения моей жизни – моей дочери. Возможно, это и есть любовь... Я не собираюсь напоминать ему об отцовском долге. Кажется, я еду к нему для того, чтобы хоть один раз его увидеть и понять, действительно ли ОН присутствует в моей жизни или я выдумала его? Я хочу убедиться в этом.

– Сколько лет ты его не видела?

– Двадцать. Ровно двадцать лет.

– Он пишет тебе?

– Какое там! Кто знает, может быть, он давным-давно забыл меня.

– Извини, что я расспрашиваю тебя... А как ты познакомилась с ним? Ты все время говоришь «он», «он», у него есть имя? Где он живет? Как ты собираешься найти его? Может, моя помощь нужна?..

– Живет в Хорезме, в Хиве. Зовут его Рома! Двадцать лет назад познакомилась с ним в Московском военном госпитале. Я работала тогда заведующей хирургическим отделением. Когда его привезли, он еле дышал. Пуля пробила ему грудь. Голень левой ноги и затылок ранило осколками.

Он, бесчувственный, лежал на носилках. Целый год лечился в госпитале. Рома был парнем крепким, сильным и энергичным. Его гордый пристальный взгляд невозможно было выдержать. Шатен с широким лбом, носом с горбинкой, густыми усами... он был очень красив. Всякий раз, когда я входила в их палату для осмотра, при виде этого богатыря у меня ноги подкашивались. Несмотря на свое тяжелое состояние, при виде меня он старался улыбнуться, даже если сильная боль заставляла его бледнеть. Я не спала ночами, молилась Господу за этого парня, находившегося на грани жизни и смерти. Но у него была крепкая воля. Он сумел выдержать несколько хирургических операций подряд. На нем, можно сказать, не было

живого места.

Прошли месяцы, парень стал выздоравливать. Хотя я и была заведующей отделением, часто брала ночные дежурства и до утра сидела возле него. За год я очень привязалась к нему. У парня никого не было, кроме старой матери и двух сестер. Он говорил, что его отец погиб в автокатастрофе. Единственный сын в семье, отца нет... Несмотря на это, его забрали на военную службу. Я заметила, что чаще на войну забирали тех ребят, у которых не было родителей, детей из бедных семей, не считались с тем, что сын в семье единственный. А сыновей обеспеченных, особенно руководителей, туда не посылали.

– Ирина, я не понимаю. Что ты подразумеваешь под словом ТУДА?

– На афганскую войну.

– А-а-а... Значит, он там служил...

– Его там ранило. Оттуда раненых отправляли прямо в Москву, в госпиталь, где я служила.

– Я тоже был в Афгане, – сказал я.

Ирина резко повернулась ко мне. Ветер, врываясь в окно тамбура, трепал ее волосы, она долго молча смотрела на меня, потом покачала головой.

– Вот как... Значит, я не зря раскрываю тебе душу?

– Кто знает... Ты говорила про Рому.

– Да... После выздоровления Рома год жил в моем доме в пригороде Москвы. Я вышла за него замуж. У нас родилась дочь Маша. Рома стал работать прорабом в строительной бригаде. Я понимала, что он тоскует по родине, по дому, и мне не хотелось, чтобы из-за меня страдали его старая мать и сестры. Вряд ли мы могли продолжать жить вместе! Наконец, Рома не выдержал и признался, что тоскует по матери и сестрам. Смотрю, у него губы дрожат, на глазах слезы: «Прости меня. Я перед тобой в долгу... Ты сделала мне много добра. Я люблю тебя, но что делать, у меня сердце разрывается, когда я думаю о матери и сестрах», – признался он. Я не хотела плакать перед ним и молча вышла на улицу. Вернулась, а он лежит на диване, свернувшись калачиком. Незаметно для него взяла из шкафа его документы, поехала в аэропорт и купила билет на самолет до Ташкента. Рома должен был лететь ночным рейсом. Взяв в руки дочь, я вышла его провожать. Он плакал, прощаясь, обнимал меня и дочь, обещал через некоторое время вернуться. Но внутренним чутьем я чувствовала, что мы расстаемся навсегда.

– Значит, он больше не появлялся? Негодяй, – сказал я резко.

– Зачем ты так? Его можно понять.

– Что бы там ни было, твой Рома поступил не по-мужски.

– Нехорошо, что ты о нем так отзываешься.

– А что ты хочешь услышать от меня?

– Ничего не говори... Я не хочу это обсуждать. Прошло столько лет...

Со временем человек прозревает. Я нашла силы обуздать свои чувства и обиды, но не смогла подавить бунт в душе моей дочери.

– Твоя дочь...

– Да, дочь... Она была готова на все, лишь бы увидеть отца! Еще учась в школе, она все расспрашивала меня о Роме. Иногда я злилась и говорила, что найти его будет нелегко, что живет он очень далеко, там, где люди злые и дикие. Иногда она верила моим словам. Когда она иронично сказала: «Спросите у мамы, почему узбеки плохие», – она намекала на это. Сейчас она

учится в Московском государственном университете на факультете истории. Я больше не могу противостоять ее желанию. Невозможно бесконечно обманывать уже повзрослевшую дочь. Я даже за ее здоровье опасаясь. Когда она злится, кричит: «Да, я дикая, я дочь дикаря!». Как будто судьба надо мной мало пошутила, теперь я еще должна мучиться, видя страдания дочери. Она тоже человек, у нее есть душа, сердце, мечты. Она хочет увидеть своего отца, видимо, кровь требует...

Ирина говорила будто сама с собой, а я, испытывая неловкость, задымил сигаретой. Поезд летел в ночную тьму, неся душевную боль и тяжесть, и, казалось, они намного тяжелее, чем боль и тяжесть всего мира. Да, поездам и самолетам дано перевозить не только пассажиров, но и их радости и беды. И на земле, и в небе люди радуются и печалются...

– Ирина...

– Что?

– Ты очень красивая.

– Да ладно... Я женщина, потрепанная судьбой и, несмотря на это, научившаяся сиять, как солнце. Я несчастная женщина, которая не показывает своих страданий.

– Нет, ты воплощение настоящей любви. Кто бы он ни был, твой Рома, Рахмат ли, Рузмат ли, Рузыкул или Рузыбай, – он счастливый человек. Эх...

– Почему ты вздыхаешь?..

– Не знаю.

– Хотелось бы, чтобы ты правильно меня понял. Я, наверное, надоела тебе своими воспоминаниями... Ух какой холодный ветер! По-моему, пойдет дождь.

– У нас только в середине осени начинается сезон дождей. Так что еще рановато.

– Все равно холодно. Пойдем в купе. Пора уже спать.

Я поплелся за ней. Как только мы вошли в купе, ее дочь что-то пробурчала. Оказывается, она не спала и снова ядовито съязвила что-то матери.

...на Ургенчском вокзале меня встретили друзья – Реимбай-ага¹ и Нурилла. Мои лучшие друзья. Обычно про таких говорят «друзья навеки». Реимбай-ага у себя на родине известный предприниматель. Человек богатый, но очень скромный и немногословный. О том, насколько он обеспеченный мужчина, можно судить даже по выражению его лица, поведению. Он один из тех богачей в Хорезме, которые не кичатся своим богатством. А Нурилла из Берунийского района, расположенного слева от Ургенча, на другом берегу Амударьи. Возможно, вы знаете, что на территории Каракалпакстана есть понтонный мост, который объединяет Ургенч и Беруний – два берега Амударьи.

Я всегда восхищался открытым характером Нуриллы, который по праву гордился тем, что родился, вырос и живет на родине великого мыслителя Абу Райхона Беруни, на берегу Аму, на территории древней долины Кият. Вечный балагур, весельчак и по-детски непосредственный парень, Нурилла – руководитель районного отдела народного образования. Он человек, видевший на своем веку и взлеты, и падения. При необходимости он умел сглаживать острые углы, когда нужно – выслуживаться перед руководством.

¹ Ага – у кочевых народов уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине.

Я обнялся с друзьями, познакомил их с Ириной Николаевной и ее дочерью Машей. Мои друзья рты пораскрывали от красоты моих русских спутниц и обменялись многозначительными взглядами.

– Ну ты даешь! Куда же мы их поведем? – спросил растерянно Нурилла и подал пухлую руку для знакомства, выражая почтение. Ирина усмехнулась. А Маше, вчерашней беспечной Маше, ни до кого не было дела. Она казалась такой безучастной ко всему вокруг, будто ей надоела эта жизнь, и была занята только собой. На вокзале Маша абсолютно изменилась: с волнением озираясь вокруг, она с надеждой смотрела сияющими глазами то на Реимбая-агу, то на Нуриллу, будто гадая, кто из них ее отец, и не могла скрыть волнения.

Мы уехали в роскошный алый «Опель» и отправились в престижный отель города. Ага был за рулем, Нурилла сидел впереди, я, Ирина и Маша – сзади. По дороге в гостиницу Нурилла познакомил гостей с Ургенчем. Они с неподдельным интересом слушали его рассказы, не скрывая своего волнения.

Оставаясь в гостинице, Маша на прощанье приветливо улыбнулась:

– Не обижайтесь, вы хороший человек. Простите меня, – сказала она. Мне стало не по себе. Ирина, прислонившись к косяку двери, тихо проговорила:

– Писатель, как думаешь, я найду его?

Я пожал ей руку и посмотрел в глаза. Наши взгляды встретились.

– Обязательно найдешь, ты прекрасно знаешь, как его найти. Спросишь о нем в областном военном комиссариате. Скажешь, что в такие-то годы он служил в Афгане – и все, – успокоил я ее.

– Знаю, так и сделаю, – сказала она.

– Звони, если будет нужна моя помощь...

Оставив ей номер своего телефона, я вышел. Нурилла, следовавший за мной, пробурчал:

– Как мы могли оставить такую красивую женщину и ее ангельски прекрасную дочь?

– Иди быстрее. Хватит... Куда поедем отдыхать? На реку или озеро Акчакуль? – резко сменил я тему разговора.

– Сегодня будем отдыхать у меня, а завтра после обеда поедем на озеро Акчакуль. Там все уже готово и лодка есть. Реимбай-ага даже охотничье ружье приготовил. Если хочешь, будем рыбачить, нет – стрелять уток, тетеревов и зайцев.

На обочине нас поджидал Реимбай-ага.

– Что-то вы быстро вернулись... – сказал он, многозначительно улыбаясь.

– Эй, вот этот помешал! Есть же пословица – и сам не гам, и другому не дам, – хихикнул Нурилла.

Через понтонный мост мы перебрались на другой берег – в Беруний. По дороге я рассказал им историю Ирины. Оба замолчали.

Нурилла у себя накрыл стол... а на следующий день после обеда мы поехали на озеро Акчакуль. Ах, какая прелесть эти просторы! Пустыня, сливающаяся на горизонте с небом. Бесконечные кустарники: саксаул, верблюжья колючка... Узик летел через пустыню, оставляя за собой клубы пыли. Через четверть часа мы повернули налево. И тут... О чудо! Посреди барханов на солнце переливалось и блестело, как алмаз, прозрачайшее чистое озеро с берегами, поросшими густыми зарослями высокого камыша.

На берегу кто-то соорудил шалаш. Развели огонь, водрузили над ним котел. Разносился аромат свежего вкусного жареного мяса. У очага возились трое мужчин. Кто-то подбрасывал дрова в огонь, кто-то помешивал шумовкой в казане, полным мяса, заваривал чай в чайнике. Узик остановился. Тот, что с шумовкой, сразу подбежал к нам и уважительно протянул руку сначала Нурилле, затем мне и Реимбаю-аге.

– Пожалуйста к дастархану, гости. Вы приехали вовремя. Ну-ка, Нурилла-ага, приглашайте своих гостей в шалаш.

В шалаше уже был накрыт дастархан. Появились бутылки «Каратау», следом – фрукты и минеральная вода. На большом деревянном блюде подали куурдак¹. Я впервые пробовал мясо тетерева. Оказывается, это хорошая закуска. Под оживленную беседу мы втроем опустошили две бутылки «Каратау». Слегка закружилась голова. С чистейшего изумрудного озера веяло прохладой. Шумел камыш, надувная лодка покачивалась на поверхности воды, в воздухе чувствовались песчинки. На закатном небе золотились облака в лучах уходящего солнца. Если долго смотреть на них, кажется, будто на небосклоне разгорается жаркое пламя и на степь сыплются искры. Эта красота отражалась в озерной глади, все вокруг пылало.

В веселом настроении мы сели в лодку и отплыли от берега. На поверхности воды стали появляться небольшие волны, камыши редели и уходили под воду. Отплыв от берега, мы услышали, выстрел. Нурилла, приложив указательный палец к губам, дал понять, что надо сохранять спокойствие. Ловко зарядив двустволку, он выстрелил. Большая стая уток с шумом вылетела из зарослей камыша. В воздухе запахло порохом. В камышах что-то барахталось в воде, потом утихло. Реимбай-ага поспешно стал грести в ту сторону. Вода покраснела от крови. На кровавой поверхности воды плавали три утки, одна из них была еще живая и, раскрыв крылья, барахталась, пытаясь взлететь или скрыться в зарослях камыша. У меня сердце сжалось. От веселья не осталось и следа. Нурилла, наклонившись, достал уток и бросил в лодку. Я отвернулся, а мешочек с пулями как бы невзначай бросил в воду. Нурилла удивленно посмотрел на меня и недовольно пробурчал:

– Ты что сделал? Ты в своем уме? Столько пуль пропало зря!..

– Хватит. Не надо стрелять. Не будешь охотиться!

– Мы ведь для тебя старались. Э-э... какой ты человек интересный...

– Пожалуйста, друг, помолчи. Если будешь много говорить, то и ружья лишишься.

Мы вернулись на розовый берег. В очаге потрескивал огонь. Трое мужчин по-прежнему возились у котла.

Я ступил на берег, у меня зазвонил мобильник. Женский голос тихо произнес:

– Здравствуй, Писатель. Это я, Ирина...

Послышались всхлипывания. У меня сердце защемило.

– Что случилось? Ты нашла его? Почему плачешь?..

– Какое там! Нет. Его нет в списках ни в военном комиссариате, ни в области. Весь день мы отправляли запросы во все районы. Не нашли!

Ирина не могла успокоиться.

– Такого быть не может, чтобы человек пропал бесследно!

– Так ведь говорят, что нет его. Что теперь делать? Помогите, Писатель.

¹ Куурдак – жареное мясо с луком и специями.

– Что надо делать? Где ты сейчас?

– В гостинице. Очень устала. Голова кругом, не знаю, что предпринять. И Маша замучила своими вопросами. А ты где?

– На озере. Охочусь.

– Значит, не сможешь приехать... Мне плохо.

Ирина тяжело вздохнула. В ее голосе ошушались боль, грусть и печальная мольба. Я почувствовал, что сейчас она хочет встретиться со мной, почувствовал ее глубокую тоску и одиночество на чужбине.

– Хочешь, я отправлю за тобой машину? Вместе будем любоваться вечерним озером?

– Я бы с удовольствием поехала, но Маша не согласится. Она обижена, лежит в постели и не встает. Ее нытье замучило меня. О боже! Писатель, скажи, что делать!.. Если можешь, приезжай сам. Вместе поужинаем...

– Ладно, приеду, – сказал я решительно. В этот момент сердце мое готово было выпрыгнуть из груди... я мечтал оказаться рядом с Ириной.

Теперь меня не могли удержать ни степные просторы, ни бескрайнее озеро. Наступила ночь. Запахло жареной рыбой. Мы лежали в шалаше. Один из ребят наполнил керосином стеклянную лампу, зажег фитиль. В шалаше стало светло. Нурилла открыл бутылку «Каратау». Наполнив до краев три пиалы, отбросил пустую бутылку в сторону. Мы залпом выпили и перевернули свои пиалы.

– Значит, ты должен ехать, так? – учтиво спросил Нурилла.

– Да... Да, пойми же, она ждет меня!

– А как ты собираешься ехать? Я ведь тоже выпил... Не надо портить такой отдых, – недовольно сказал Реимбай-ага...

– Я обещал. Подбросьте меня до большой дороги...

– Ты не вернешься? Ты что, хочешь остаться там? – Нурилла не скрывал своего удивления.

– Этого я не знаю.

– Ладно, придумаем что-нибудь. Вот и рыба уже готова, – Нурилла указал на очаг. На большом блюде принесли жареную рыбу. Нурилла крикнул одному из ребят, стоявших у очага:

– Эй, Контуж, что ты возишься! Где украшение дастархана? Принеси еще бутылку! Сначала водка, а потом рыба. Давай быстрее! Пошевеливайся! Гость торопится.

Один из ребят принес еще бутылку «Каратау» и поставил ее на дастархан.

– Ну-ка, Контуж, открой ее! И себе налей полную. Ну-ка...

– Уважаемый, я не пью, – сказал парень твердо.

Стройный, широкоплечий, длиннорукий парень, который сидел сгорбившись, улыбнулся. В нем было что-то привлекательное. Слабый свет керосиновой лампы освещал его широкое плоское лицо, скулы, нос с горбинкой, густые усы, которые ему очень шли, огромные пронзительные глаза, густые брови...

— Контуж, есть дело для тебя. С гостем съездишь в Ургенч. У тебя права с собой? На машине Реимбая-аги. Готовься.

Парень, приложив руку к груди, поклонился, но не издал ни звука. Затем взглянул на меня, словно прося разрешения удалиться, и исподлобья посмотрел на Нуриллу.

– Контуж, сейчас поедете. Завари в дорогу крепкого зеленого чая.

Реимбай-ага протянул ему ключ от машины. Контуж, встав с места, пошел к очагу.

– Как его зовут? Вы зовете его Контуж? – спросил я Нуриллу.

– Не знаю, как его имя... Все зовут его Контуж. Он сторож на озере. А еще охотник, каких стоит поискать. Одним выстрелом попадает в летящую птицу. Да и сам он привык к прозвищу Контуж.

– А с головой у него все в порядке?...

– Не бойся. Даже если он контуженный, машину водит отлично. Никто с ним не сравнится.

– Ты хорошо его знаешь?

– Честно сказать, не знаю, откуда он взялся в этих местах. Летом он на озере, а зимой живет у людей, выполняет всякую работу по дому. У него нет постоянного места жительства, но он весьма благоразумный – не пьет, не курит.

– А что, у него нет родственников?

– По-моему, нет. Он одинокий. Хватит о нем. Давай угошайся. Сейчас Контуж на уазике отвезет вас обоих ко мне. Оттуда пересядешь на «Опель» и поедешь в Ургенч. Не смей там ночевать. Возвращайся, даже если будет поздно. Мы с Реимбаем-агой будем ждать тебя дома.

– Давай лучше вместе поедем...

– Куда?

– К тебе, а потом в Ургенч.

– Ты сдурел?!... Отказаться от такого удовольствия... Мы сами доберемся до дома. К тому времени и ты вернешься из Ургенча. Прямоком домой езжай. Заночуем у меня. Ты вернешься или... – Нурилла снова захихикал.

– Ладно, зови Контужа... Не наливай мне, я больше не буду пить, – и я встал с места.

Уазик отправился в путь. Я оглядывался назад, в заднем окошке машины, казалось, горящий костер, шалаш, все вокруг постепенно таяло и исчезало...

Подъехав к дому Нуриллы, уазик оставил нас и повернул обратно. Мы пересели в «Опель»... Прав был Нурилла, Контуж вел машину профессионально, с особой ловкостью. Он будто чувствовал, что творилось у меня на душе. Как только мы въехали в Ургенч, все время молчавший и хмурый Контуж, наконец, заговорил.

– Куда едем, ага?

– В гостиницу «Джайхун».

Мы остановились у роскошной гостиницы, расположенной в самом центре Ургенча, сверкающего в ночи всеми красками радуги. Я сильно волновался. Как бы ни старался я казаться нарочито безразличным, у меня не получалось. Если б в ту минуту Контуж предложил возвратиться, я б, наверное, молча согласился.

– Ага, что дальше делать?

– Что делать? Идем в гостиницу, – еле выговорил я.

Чтобы отодвинуть момент встречи, я заглянул в магазин возле гостиницы.

– Что-нибудь возьмем, ага?

– Конечно, конечно, возьмем! Не могу же я пойти с пустыми руками...

«Что-нибудь» уместилось в два целлофановых пакета.

– Ага, давайте я понесу.

– Как знаешь.

Пройдя через фойе из мрамора и стекла, мы поднялись в лифте на четвертый этаж. Я шел по длинному коридору. Позади меня Контуж. Он прижимал к груди два пакета. Казалось, ему было безразлично все, даже если земля разверзнется.

Добравшись до двери номера, мы оба на миг остановились. Контуж ухмылялся. Я постучал. На пороге появилась Маша.

– Заходите, мама вас ждет, – с интересом посмотрела она на моего спутника.

В прихожей два одинаковых дивана, мягкий стул, створка окна приоткрыта, рядом празднично, со вкусом накрытый стол. У меня мелькнула мысль, что Ирина и в самом деле меня ждала. Контуж, не снимая пыльной изношенной обуви с прилипшей к подошве глиной, с шумом прошел в середину комнаты и остановился.

– Мама сейчас выйдет. Проходите к столу, – Маша ласково улыбалась нам, словно, мы были давними друзьями.

Из другой комнаты в бархатном халате вышла Ирина. Золотые волосы ниспадали легкими локонами на плечи, голубые глаза сияли, она слегка улыбалась.

– Дядя писатель! Сегодня День рождения моей мамы. Прекрасный день настал во время путешествия, – от былой резкости и упрямства Маши не осталось и следа.

Я взглянул на Ирину. Она остолбенела, в это мгновение пакеты выскользнули из рук Контужа и с грохотом рухнули на пол. Слышно было, как разбились бутылки. Я стоял ошеломленный. Маша, прислонившись к стене, тупо смотрела то на мать, то на меня, то на Контужа. Контуж застонал, побледнел, у него задрожали губы. Он пытался что-то сказать, но не смог. Я не понимал, что происходит. Контуж рухнул на колени, с отчаянием обхватив обеими руками голову. Лицо Ирины побледнело, какое-то время она потерянно смотрела на Контужа, затем тихим хриплым голосом произнесла:

– Рома, это ты? Это ты, Рома?! – и горько, навзрыд расплакалась.

Перевод с узбекского Лиры Пиржановой.

Лира ПИРЖАНОВА. Переводчик. Окончила персидское отделение Ташкентского государственного института восточных языков. Владеет несколькими языками.

Наргиза АСАДОВА

Пророчество звезд...

Ненастное утро
Мокрый дрожащий сад.
Что надеть мне
Сегодня? –
Думаю,
Просто думаю...
Офис,
Тянется время.
Здесь не упустят своего
Сплетни.
Счастье,
Которое мне не досталось,
Лучше чего?
Просто слушаю,
Просто...
Вечер,
Улица, бульвар...
Просто мы забыли мир,
Забыли вдвоем...
Волшебные чувства...
Остались они где-то в прошлом...
Вспоминаю, вздыхая,
Вздыхая!..

Отец,
Твой взгляд задумчив.
Сегодня ветер добр,
Как сердце твоё.
Твоя тоска
Изо дня в день растёт,
Предчувствуя дорогу.
Ты соберешь мне любимый виноград
И яблоки, что на ветвях пока,
В дорогу...
Приготовил ты мне
И кишмиш, и сладости.
Прощально махали ветвями
Знакомые тополя.
Замер порог мой.
Моя мама
Ждет с нетерпением
Моего возвращения,
А сердце моё
Полно городской суеты.
Не зря тревожилась мать:
Пока я поняла, кто есть кто,
Поздно уж было.
Не заметила я встречи с тобой.
Жалко...

Наргиза АСАДОВА. Родилась в 1984 году в Ташкентской области. Окончила Ташкентский институт культуры и Высшие литературные курсы при НУУз. Автор поэтических сборников "Ишқ остонаси", "Юрагимнинг сархадлари", "Настарин". Член Союза писателей Узбекистана.

Пророчество звезды (или О телефоне)

Прийти бы мне на миг,
Чтоб сказать тебе все,
Но не хочу тебе надоедать.
Если я однажды растаю,
Как годы, ты даже не заметишь,
Когда вернусь.

1.
Улица.
Люди.
Сердцу противна мелочность.
Кажется мне, люди
Перестали смотреть в небо.
2.
Люди.
Улица.
Сердцу противно высокомерие.
Кажется мне, люди
Давно не смотрят под ноги, на землю.

Еще о телефоне

Я не жду
Минуты встречи.
Мой путь длится тысячу ночей.
Не боюсь,
Когда передо мною
Дивы и драконы,
Что достанется мне смерть Ширин.
Можно
На миг умереть и воскреснуть
В улыбке твоих глаз,
Милый мой,
С нетерпением сейчас я
Жду...
Боюсь...
Твоего звонка.

Тихо звонит телефон –
Надежда.
И в тот день ты понимаешь –
Любовь.
Тревожно звонит без конца –
Тоска.
Тогда, притворно не слыша его, –
Ты уходишь.

Всё готово: положила на место
Чемодан, красный шарф
И мягкие перчатки.
Смотрите, уцелела ли
Для января
Моя бессильная душа,
Что сохранила я,
Провожая декабрьскую ночь?
Когда идёт снег,
Будто бы сон волшебный,
Все осталось позади...
Сейчас у меня
Лишь чемодан и память о тебе.

1.
Вы не знаете... милый мой,
Я другая.
Вы не замечаете,
Как я страдаю,
Когда наблюдаю за вами...
Когда вы уходите...
Судьба – тоска.
2.
Что случилось,
Достойна ли я
Хоть капли слёз
Из ваших глаз?..
Я счастлива, если скажете,
Что мне до сих пор
Восемнадцать лет...

Отец...
 Долгие думы твои...
 Мечтаешь о великом,
 Потом...
 Скажешь шепотом,
 По-своему грустно:
 «Мечта – небо, дитя моё,
 А у меня так руки коротки».

Грохочет небо, все грохочет вокруг,
 Едва успеваю закрыть окно.
 Когда так бушует ветер,
 Пугается даже шенок.
 Дитя мое, не знавшее войны,
 Испуганно прижимается ко мне.
 Все пройдет – и буря, и ураган,
 Открой глаза, доченька моя!

На подоконнике цветок вглядывается в дорогу...

Дрожащей рукою ласкаю

Любимый цветок.

Непогода с утра –

Снег и дождь...

Может быть, вас они

Не пускают в дорогу?..

На деревья с надеждой смотрю...

Листопад,

Беспокойные думы терзают.

Когда ждёт тебя кто-то

В городе, тоскуя...

Не хочется ли узнать тебе –

Кто он?!

Сверкает

На подоконнике снег.

На мои ресницы опустилась ночь.

А ты не знаешь даже,

Почему

Я снюсь тебе сегодня...

Перевод с узбекского Ойгуль Суюндиковой.

Ойгуль Суюндикова. Родилась в 1957 г. Окончила Литературный институт им. М. Горького в Москве. Автор поэтических сборников «Зумрад томчилар», «Умр куйлари» и др.

Образы исчезнувшей эпохи

Владимир ДОЛГУШИН

Театр «Колизей»

Порою мне память дарует виденья,
Вскрывает фрагменты из жизни иной.
Сквозь стену молчанья, сквозь вату забвенья
Театры из детства встают предо мной.

Их стиль элегантен, затейлив, но робок,
Ведь их не старались вперёд протолкнуть.
На фоне безликих бетонных коробок
Так взгляду приятно на них отдохнуть.

Здесь видятся тени великих талантов,
Слышны отголоски литых голосов;
Изящество модниц, излишества франтов,
Богатство причёсок и пышных усов.

Хрустальные люстры, следы позолоты,
Лепные узоры в сиянье огней...
Куда-то уходят дневные заботы,
Лишь яркая сцена и всё, что на ней.

Вот занавес тёмный, бесшумно спадая,
Коснулся подмостков и замер в пазах.
И, может быть, мама, совсем молодая,
Вверху на галёрке застыла в слезах...

Порушенный купол и небо всё в блёстках,
Каким подивится любой ювелир.
А ветер гуляет на старых подмостках,
Где прежде страдали Отелло и Лир.

Владимир ДОЛГУШИН. Родился в 1956 г. Окончил Ташкентский государственный институт культуры, работал в данном институте на кафедре технических средств и информационных технологий, зам. начальника типографии Ташкентского института связи (ныне ТУИТ).

Секрет мой пагубен, безумен, но бесценен.
Таков уж есть – моя ли в том вина,
Что в полночь лунную, когда играют тени,
Я уношусь в былые времена...

Брожу по улицам, вернувшимся из мрака,
Чего-то жду у стареньких ворот...
И даже жалкая облезлая дворняга
Такой родной из детства предстаёт!

Фигурой, вырванной из выцветшего кадра,
Стою я вновь у трубочных перил,
И искры светят мне того кинотеатра,
Что целый мир мальчишке подарил.

С годами прошлого стираются детали,
Тогда порой придумываешь сам:
И розы красные, что крыши оплетали,
И голубей, что рвутся к небесам.

И окна дивные, что вспыхивают к ночи...
Где абажур с кудрявой бахромой,
Где есть аквариум с подсветкой и прочим,
И чайный гриб какой-то неземной...

Чудные образы исчезнувшей эпохи...
Ваш лёгкий шаг неслышим, невесом.
Из бездны времени, как яркие сполохи,
Вы чередой тревожите мой сон.

Тот город в зелени, что в памяти остался,
Он где-то есть во времени ином.
И сквер таинственный, что в центре разметался,
И добрый друг – старинный Гастроном.

Я так им радуюсь, ночным моим прогулкам.
Я воскрешаю заново во сне
И мальвы нежные по старым переулкам,
И терпкий хмель, скользящий по стене...

Лето 61-го

Застыло всё в безветрии сухом.
Тянулся жар за тающим припасом.
И только я на лошади верхом
Отчаянно метался по пампасам.

Меня трепал песчаный ураган,
Да в голове стучала канонада:
Предупредить индейцев-могикан
О подлости английского отряда.

В меня стреляли полчища врагов,
Но я сумел рогаткою отбиться.
Вот только шорты лопнули с боков,
Сандалии успели прохудиться.

Видны уже вигвамы в тростниках,
Но между нами озеро клокочет...
А что Гагарин видел в облаках?
А деньги стали маленькие очень...

А может, через мостик, напрямик?
Столярный клей из досок, что ли, варят?
За что у Мишки новый грузовик?
А мне такой и старый не подарят...

Июльский зной, чудесная пора!
Вскипает мир в бесчисленных вопросах...
А я – фигурка в глубине двора
С картонною лошадкой на колёсах.

* * *

Я люблю этот город приветливый,
Простоту коммунальных дворов.
Неширокие улицы светлые,
Их живой изумрудный покров.

Невысокие милые здания,
Всюду парков раскинулась сень,
Где влюблённые ищут свидания,
Где уютно и радостно всем.

Здесь каштаны цветут и акации,
Здесь и шуткам смеются теплей.
Этот город не в глянцевой Франции,
А среди азиатских степей.

Времена оставляют пробоины,
Собирая невзгоды в кулак.
Но дубы, как столетние воины,
Охраняют Романовский парк.

Пахнет воздух сиренью и мятою.
Тополя – не бывает прямой.
В синем небе бумажной заплатою
Серебрится мальчишеский змей.

По-весеннему небо нахмурится,
Пара капель на лоб упадёт.
На соседней извилистой улице
Патефон заиграет фокстрот.

На столбах фонари загораются.
Заспешили соседи в кино.
Разговоры «про жизнь» начинаются
Под сухой перестук домино.

Скоро полночь пройдёт тротуарами,
Торопя загулявших домой.
И под кровлями этими старыми
До утра воцарится покой.

Но лишь занавес ночи раздвинется,
Солнце золотом вспыхнет, маня,
Голубиная стая поднимется,
Словно вымпел грядущего дня.

* * *

Отчего так нравятся нам сказки,
Сказки из далёких детских дней?
Принцы, королевы, куклы, маски...
Разве мы не сделали умней?
Неужели жизнь не научила
Болью, расставанием, нищетой?..
Почему же мы с такою силой
Верим в детский ключик золотой?

В сказках перевёрнутые страны,
В сказках золотые города.
В сказках и обманы – не обманы,
Просто это сказка, господа.
В сказках есть герои и злодеи,
Светлые и тёмные миры.
Сказки – это «взрослые» идеи,
Дремлющие в детстве до поры.

Кто из нас, устав от испытаний,
Черпая запас душевных сил,
После продолжительных скитаний
В сказочную гавань не входил?
Вспомнив оловянного солдата,
Сгорбленные спины распрямим.
Сказку мы придумали когда-то,
Чтобы не расклеиться самим.

С детским восхищением на лицах,
Шуря утомлённые глаза,
В непрочитанных жизни страницах
Мы, как прежде, ищем чудеса.
Нужно только пламенное сердце,
Верить, загораясь каждый раз,
И тогда та маленькая дверца,
Может быть, откроется для нас.

* * *

Детство далёкое, милое детство,
Нет ли вернуть тебя верного средства?
Нет ли какого волшебного слова –
Может быть, детство появится снова?
Может быть, детство за тем поворотом
Так, незаметно, мелькнёт ненароком,
Просто покажется: вот я какое...
Детство далёкое и дорогое.

Крикнет петух, распахнётся калитка,
Мальчик навстречу мне выбежит прытко:
Светловолосый, с глазами, как море,
Что-то родное таится во взоре.
«Здравствуйте, дяденька!» — «Здравствуй, мой милый!»
Тут моё горло тисками сдавило,
Веки намокли и голос подводит –
Сам я с собой повстречался, выходит.

Вот я стою у зелёной калитки.
Мать что-то варит на кухонной плитке.
Сколько ей лет? Да уж старше её я...
Сяду сейчас – и по-волчьи завою.
Мальчик смутился: и что это значит?
Дяденька взрослый как девочка плачет...
Как объяснить тут, какими словами...
Было ль такое когда-нибудь с вами?

Ашот ДАНИЕЛЯН

КАСАЯСЬ СТРУН КОТО

Рассказ

«...мы с тобой в чудеса не верим,
оттого их у нас не бывает».

Д. Самойлов

Порой я ловлю себя на мысли, что очень отчетливо и ясно могу представить себе молодого человека или девушку в старости или, скажем, какими они будут лет через 5-10, даже мельком взглянув на них.

В метро ли, в парке или книжном магазине, попадись мне на глаза кто-нибудь не старше 45, мое воображение (если оно не занято вселенскими измышлениями) мгновенно включало свой странный механизм: я называл себе возраст – 20-30-45 лет – и какой-нибудь патлатый парниша, уныло жующий жвачку, в считанные секунды превращался в седовласого старца, горделиво причмокивающего беззубой челюстью.

Пика натуралистичности эти способности достигали при виде полненьких девушек невысокого роста: я мог представить их молодыми мамами или лучше бабушками в огромных очках и выцветших платьях в горошек из коллекции «Весна-Лето 2000», ругающих своих внучат за то, что те неаккуратно едят шоколадный пломбир. Все это случалось произвольно, то есть это видение было скорее неким тайным праздником подсознания и управлению практически не поддавалось.

Порой бывало жутко, иногда я смаковал момент, временами это просто бесило. Я смирился с этим «даром», приготовился прожить с ним всю оставшуюся жизнь и, чтобы не прослыть чудаком, помалкивать об этом. О видениях знали только несколько моих друзей, которые прожигали каждый час своего существования бездумно и легкомысленно, подобно тому, как дети прожигают через увеличительное стекло сухие листья.

Люблю зоопарк осенью: немного сентиментально, но это одно из тех мест в Городе, где можно укрыться от суеты и шума, снять все свои маски и просто расслабиться, спокойно прогуливаясь по аллее вдоль клеток

Ашот ДАНИЕЛЯН. Переводчик с японского. Музыкант, основатель ташкентской рок-группы «Крылья Оригами». Поэт, прозаик. Родился в 1983 г. в Ташкенте. Окончил Ташкентский государственный институт востоковедения.

с хищными птицами и обиженными неволей зверюгами. Зоопарк в большом городе похож на один из этажей известного всем ковчега.

В этот ярко-желтый осенний день я пришел в зоопарк провести камышового кота и даже припас для него гостинец – невкусный леденец, доставшийся мне на сдачу при покупке сигарет. Еще в прошлый визит меня обеспокоили его гипнотические, колдовские, неподвижные глаза, в которых отражалась вселенная.

И вдруг меня осенило: если при помощи своего странного механизма я могу видеть, как люди будут выглядеть в будущем, то наверняка смогу увидеть и себя – хотя бы таким, каким стану лет через 6-7. Мне срочно нужно было отыскать что-то неподвижное, глубокое, отражательно-волшебное. Зеркало! И, зная, что зоопарк, несмотря на все его дополнительные развлечения, не место для поиска, я стремительно направился к выходу.

Меня остановила надпись неподалеку от вольера со львами, которая гласила: «Комната страха и смеха всего за 100». Наименование валюты указано не было, это меня несколько заинтриговало: может быть, речь шла о морских раковинах или детских шелчках по лбу? Зная, что в комнате смеха найдется хотя бы одно зеркало, не искажающее реальность, я отправился к аттракциону.

На входе никого не было, и заветная сотня чего-то пока осталась при мне. Я вошел внутрь. Справа, насколько я понял, была комната страха – из нее доносился истошный вопль какого-то вурдалака, но приключение мне показалось сомнительным, и я сразу повернул в комнату с кривыми зеркалами. Не обращая внимания ни на что другое, я отыскал то самое «нормальное» зеркало, пододвинул случившееся рядом плетеное кресло и, удобно усевшись, пристально стал смотреть в глаза и чуть выше переносицы парню, сидевшему напротив...

...Зима в средней полосе Японии выдалась на редкость холодной. Холод был везде: в гипсокартонных стенах маленьких квартир, в запотевших окнах автобусов, в прохожих, греющих руки в рукавах, и, казалось, даже кондиционер «зима-лето» не греет, а только перемешивает холодный воздух с еще более холодным. Вот уже полгода я жил в маленьком провинциальном городке к северо-востоку от Токио.

Как и все провинциальные города Японии, мой город славился своими бескрайними рисовыми полями, енотовидными собаками, сплетнями и душешипательным названием – «Остров Счастья» (в переводе, конечно).

На Острове Счастья я зарабатывал себе на хлеб тем, что преподавал или, точнее, проповедовал русский язык в небольшом частном институте. За полгода усердных занятий мои не по годам способные студенты выбрали для себя из всего курса лекций несколько расхожих понятий вроде «привет», «Катюша», «балалайка» и «гласность» и ничего, кроме них, не знали. Однако я по этому поводу не стал сильно переживать, всем поставил «отлично» по русскому языку за зимнюю сессию и отправился на каникулы.

Жизнь моя текла спокойно и размеренно, как небольшая река в сумрачном лесу, где ухают совы. И лишь иногда, возвращаясь с работы поздним поездом и заведя там какого-нибудь старичка или молодую

девчонку, дремлющих неподалеку от моего сидения, я ошушал смутное чувство раздвоенности.

Далеко не каждый иностранец, живущий в Японии, мог бы похвастаться тем, что у него есть друзья японцы. Странно, но многие японцы до сих пор считают, что иностранец обязательно заразит их какой-нибудь неизлечимой болезнью, совершит покушение на семью императора или, как минимум, плюнет в спину. Поэтому при любом удобном случае они не преминут дипломатично спросить: «Какова цель вашего пребывания в Японии?» Недоверие и подозрительность к иноверцам прививается с малых лет вместе с инъекциями от кори и краснухи, и, чем лучше ты знаешь культуру и язык, тем выше твой статус как шпиона-профессионала.

Единственным наглядным примером взаимопонимания и доверия между инородным и японским началами для меня был союз Йоко Оно и Леннона, но я до сих пор не могу успокоиться и простить Йоко развал моей любимой группы, так что пример предлагаю считать неудачным.

Я всегда любил правила за то, что в них случаются прекрасные и необъяснимые исключения. И именно зимой 2010 пьяного года японские боги Изданами и Изданаги в виде исключения снова слились воедино на равнине Высокого неба и окунули свое нефритовое копье в пучину Великого океана. Я пока был занят изучением иероглифов, которые, казалось, изучали меня, пуча свои глазки-квадратики, то ухмыляясь, то змеясь причудливыми изгибами, никак не желая поддаваться дрессировке, и вел интеллектуальную войну с сигаретным автоматом неподалеку от института, надеясь облапошить его на пару-тройку бесплатных пачек Lucky Strike. И однажды именно там, возле института, прямо за моей спиной, именно с того божественного копья упали две капли и превратились в двух замечательных друзей – Ямакисана и Норикуна.

– Вы, европейцы, ни черта не смыслите в алкоголе, – пробубнил Ямакисан заплетаящимся языком так, будто я был единогласно выбран всеми европейскими народами их главным представителем. – Вы пьете слишком крепкий алкоголь только ради того, чтобы, напившись, отплясывать джигу на столе или под аккомпанемент расстроенного пианино бить друг друга по морде, не ведая, что творите.

– Ну, скажем, джигу танцевать я не умею, да и пианино в такой час тут вряд ли достанешь, но если ты будешь продолжать в том же духе, то я охотно угошу тебя настоящей европейской оплеухой! – сказал я обиженно, прикуривая сигарету, купленную во вражеском сигаретном автомате, который все еще не сдавал своих позиций.

– Я говорю совсем о другом, – не унимался Ямакисан, – ведь алкоголь – это великий Сенсей, к которому нужно прислушаться, который может научить многому. А тут, получается, ты, смертный, приходишь без приглашения к нему домой, не постучавшись, не вытерев ноги, будишь его и заявляешь: «Вот он я, такой расчудесный, явился! Сыграй-ка мне что-нибудь из Led Zeppelin на своем шямисене, а я плясать буду!» Сенсей тебя бац бамбуковой палкой по башке, и ты спишь без задних ног, и снится тебе всякая чушь, а наутро – похмелье. Сенсей достоин уважения!

Ямакисан говорил страстно и возбужденно и был похож на хитрого

дракона с одной из средневековых гравюр.

– И чему же может научить меня твой Сенсей, о великий красный дракон? – спросил я.

– Да чему захочешь, если ты, конечно, готов к уроку. Он может ускорить силу твоей мысли в сотни раз, может дать тебе друзей, ведь это он нас с тобой познакомил, может научить тебя видеть людей такими, какие они есть на самом деле. Но, если будешь дурака валять, он позовет демона и станешь ты его рабом.

Он подозвал официанта, одетого на манер крестьянина времен атаки японских ВВС на Перл Харбор, который наполнил наши стаканы с горкой подогретым Сенсеем. Мы сидели в нашем излюбленном месте под названием «Джин бей». Там было тепло и уютно, подавали бесплатную капусту под соусом на закуску и, конечно, превосходное сакэ как для учеников Сенсея, так и для рабов демона. Самое главное, в этом заведении не было ни малейшего намека на пафос, наверное, поэтому мы и полюбили его. Ямакисан пил только в определенных местах и в определенные дни, и я взаправду начал подозревать его в некой тайной связи с Духом вина...

Меня разбудила песня «Last Christmas» в пронзительном исполнении Джорджа Майкла (никогда не мог понять, где у него имя, а где фамилия!) – это звонил мой мобильник. Взглянул на часы: 8 часов утра, пасмурного, серого и холодного. В такой недобрый час мог звонить только один человек, который жил вне времени и человеческих приличий, – это был Норикун. Я нехотя взял трубку и хриплым голосом выдавил:

– Алло...

– Алло, это говорит с тобой Норикун, надеюсь, что не разбудил, – как ни в чем не бывало проговорил он, хотя точно знал, что по субботам я встаю не раньше 12. – У тебя есть время? – начал он свои штучки, в голосе была одышка.

– Ближе к делу.

– Срочно приходи ко мне, это очень важно, я купил кран!

– Э-э-э... кран, из которого вода течет?

– Да нет, большой черный кран!

– И что, из него ничего не течет? – я попытался разлепить веки.

– Да нет, приезжай – увидишь.

Мне стоило немало усилий встать, сварить кофе, одеться и оседлать свой скрипучий велосипед. Через полчаса я был у него.

Картина была очень странной, она напомнила мне почему-то далинианскую «Предчувствие гражданской войны», только в более урбанистическом варианте. В небольшой комнате в псевдояпонском стиле ютилось огромное железное чудовище – шестиметровый кран для профессиональной видеосъемки, сложенный неимоверное количество раз. Под этим монстром сидел Норикун в позе лотоса с блаженной улыбкой на лице, левой рукой поглаживая своего питомца по железной лапе.

– Ну как? – спросил он.

Я не знал, что отвечают в таких случаях, и просто сказал:

– Да, действительно большой и черный.

Норикун работал в небольшой частной фирме, которая занималась

тестированием принтерной техники на износ. Зарплата небольшая, перспективы нет, но работа ему явно нравилась. Целыми днями он заряжал принтер чистыми листами и печатал одну и ту же картинку до тех пор, пока почерк принтера не становился неверным и, вконец обессилев, принтер выпускал душу в виде густой дымки со сладковатым запахом. Таким образом, Норикун шесть дней в неделю одерживал маленькие победы человека над техникой и являлся единственным в своем роде собирателем принтерных душ, что ему импонировало.

Он жил в мире вещей, любил вещи, и, похоже, они отвечали ему взаимностью. Его квартира напоминала маленький, но добротный экспоцентр «Техника-2010»: 3 больших телевизора, аудиосистемы с колонками и без, тостеры, микроволновки, пылесосы, 5 хороших электрогитар и одна акустическая (впрочем, ни на одной из них он играть не умел, и поэтому постоянно просил меня сыграть что-нибудь из Radiohead).

Может быть, он умел слышать те звуки, которые могли бы издавать незадействованные предметы – потенциальную музыку? В туалете хранился неисчерпаемый запас туалетной бумаги, которую он в течение нескольких лет выкрадывал из туалетов ресторанов и супермаркетов, мотивируя это тем, что так можно надолго продлить хорошее впечатление от ресторана, и советовал мне делать то же самое. Помимо прочего, у Норикуна было 3 цифровых видеокамеры, и я полагаю, что в глубине души он все же хотел стать независимым и гордым кинорежиссером, снимающим малобюджетные, но очень содержательные фильмы о жизни вещей.

Пока же он снял один единственный фильм – получасовое дрожащее видео, повествующее о печальной судьбе мертвой крысы. Все полчаса – ничего, кромедохлой крысы, которую он случайно нашел возле своего гаража однажды летним утром, шипения цикад на заднем звуковом плане и редких комментариев самого режиссера. Я видел это видео много раз, потому что каждый раз, когда я приводил гостей, Норикун предлагал всем чаю и обязательный просмотр своего безымянного фильма.

Внимательно, как хищник, наблюдая за смотрящим, который начинал морщиться и косо поглядывать на Норикуна, он заливался истерическим хохотом так, что становилось жутко.

Порой мы с ним общались даже не разговаривая. Я просто сидел за столом, пил кофе и наблюдал, как Норикун сидит в центре своей сокровищницы с электрической мухобойкой в руках, истребляя надоедливых мух, посягающих на его богатства (мухи были настоящие).

С таким мироощущением я встретился впервые в жизни, это было то самое пьянящее чувство первопроходца, ступившего на terra incognita чужой загадочной души. Надо отметить, что все причуды не мешали Норикуну быть просто хорошим человеком, интересным в общении, добрым и по-детски наивным. Мы с Ямакисаном сразу полюбили его и принимали таким, какой он есть. А он, найдя в нас понимание, высунул, хоть и ненамного, голову из вешней среды и в знак благодарности постоянно покупал Ямакисану выпивку, а мне дарил электробритвы, видимо, слегка завидуя ежедневным всходам на моем лице, что для японцев – редкость.

Однажды после небольшой прогулки по городу мы забрели в кафе,

примыкающему к прачечной, вывеска которой гласила «Good sleep and no rain». Я перевел название, и Ямакисан, подумав, заявил, что в подвале этого здания находится подпольный центр по эвтаназии, и если он ошибается, то мы обедаем за его счет. Мы подошли ближе и заглянули в маленькое окошко цокольного этажа. Горы добровольно и безболезненно уходящего из жизни белья мирно покоились на стеллажах в ожидании всех стиральных кругов ада, центрифужного колеса Сансары и последующей реинкарнации.

В кафе было тепло. Я заказал двойную порцию жареной говядины с рисом, Ямакисан предпочел сукияки и варенный тофу, а Норикун попросил чайник с кипятком и касу. С видом истинного гурмана он достал из кармана пакет с быстрорастворимой лапшой и состряпал незавидный обед. Оказалось, что Норикун уже длительное время питается исключительно растворимой лапшой, считает ее необычайно вкусной и полезной. Он перепробовал практически все виды лапши, выпускаемой в Японии. Но, как выяснилось позже, на этом его любовь к ней не заканчивалась. Чтобы переключить тему разговора, Ямакисан начал болтать о женщинах.

– Норикун, тебе нравятся женщины? – этот вопрос интересовал нас обоих, потому как мы ни разу не видели Норикуна в дамской компании.

– В общем, да, – помедлив, ответил тот и добавил: – Я не общаюсь с ними, потому что нахожу их скучными.

– Ну хорошо, а если тебе захочется покувыркаться там... ну... ты понимаешь... – не унимался Ямакисан.

– Мне это не нужно, слишком проблематично, и в итоге можно заболеть чем-нибудь, – ответил Норикун и, выждав минуту, нерешительно поведал, что знает один очень проверенный и эффективный способ, как заняться любовью с растворимой лапшой. Этот секрет он заберет с собой в могилу, иначе мужчины потеряют интерес к женщинам, и человечество вымрет.

– Шутка? Глупость? Философское предвидение? В тот вечер мы больше ни о чем серьезном не разговаривали.

Рождество в Японии празднуется с размахом: мерцающая иллюминация заливает своим дрожащим светом каждую узкую улочку даже самого периферийного городка, счастливые детишки проверяют на прочность и подлинность бороды Санта Клаусов, кстати, абсолютно трезвых и вменяемых, отчего они сильно проигрывают нашим Дедам Морозам по атмосфере волшебства и праздника.

Это рождество я провел без своих друзей.

Я подрабатывал тем самым Санта Клаусом, развлекая детишек в детском саду танцами а-ля «лезгинка» или «казачок», рассказывая про своих друзей северных оленей, одного из которых зовут Рудольфом, что лично у меня вызывает ассоциацию со словом «штурмбанфюрер», а никак не с красноносым оленем. Но 31 декабря, выдыхая густой пар, я спешил по обледелой мостовой в «Джим бей», где меня ожидали Ямакисан и Норикун. Там было полно народу, все были довольные и кричали что-то веселое и невнятное. Ближе к 12 хозяин заведения раздобылся и подарил нам пятилитровый бочонок специального новогоднего саке.

Несмотря на то, что моя голова все еще оставалась ясной, все

остальное было парализовано сладким ядом Сенсея, и мои попытки встать закончились звучным падением на деревянный пол вместе со стулом, что было встречено с пониманием и даже веселым одобрением. Мои друзья ташили меня до самого храма, где проходила новогодняя служба.

Храм был прекрасен: весь окутанный снегом, громадный, тяжелый и в то же время живой, похожий на спящего Атланта, подпирающего новогоднее небо угловатым мощным плечом. Теплые пальцы прожекторов бережно гладили его могучий торс и, как наброшенную циновку, крышу храма, с любовью убаюкивая его.

Когда подошла моя очередь бросать монетки в жертвенник и бить в колокольчик, я уже стоял на ногах сам. Никогда не мог запомнить этот ритуал в правильной последовательности. Я дернул за канат, и колокольчик глухо зазвенел бронзой, я хлопнул в ладоши два раза и с надеждой попросил о прощении и еще о чем-то хорошем. После чего полез в карман и с пригоршней звенящих монеток случайно бросил в жертвенник единственный ключ от своей квартиры.

– Ну и ладно, – подумал я, – будем расценивать это как хороший знак!

Ямакисан заметил, что ключ улетел, но не стал задавать вопросов, а вместо этого достал ключи от своей «Volvo» и тоже бросил их. Норикун пожертвовал своим ключом от велосипеда.

Мы почувствовали, что боги, видимо, хотят от нас чего-то большего, нежели стоиеновая монета. Может быть, показывали, что вот такие минуты, как сейчас, в жизни человека – самые правильные и главные. Не цени то, что ценится меж людьми, смело жертвуй всем в эти мгновения просветления! Пытайся все твои земные поступки превращать в священный ритуал!..

Все пошли в главный зал храма, который назывался залом плачущего Дракона. Мне стало душно, и я двинулся дальше – в плохо освещаемое помещение, где никого не было. В конце зала я заметил нечто тускло светящееся, манящее. Стало страшно, но все же я рискнул подойти ближе. И внезапно увидел свое отражение сразу в четырех старинных бронзовых зеркалах...

...В зоопарке стало тихо: зверье разбрелось по своим берлогам, пахло пылью и жжеными листьями. Припозднившийся ветер тихими аплодисментами шелестел над головой растопыренными ладошками клена. Всё в природе ожидало появления изогнутой сабельки молодого месяца. Слегка подгулявший сторож слегка дрожащей рукой вставлял ключ в висячий замок аттракциона «Комната страха и смеха»...

КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ

Рассказ

Олег СЕЛЕДЦОВ

Сейчас будет развилка, затем метров через двести мостик над оврагом, за ним – яблоневый сад выживающего совхоза и поворот налево. А там, можно сказать, почти приехали. Шурик стоял, вернее, висел на поручне битком набитого людьми автобуса, из последних сил выдерживая давку, жару и духоту. Завтра Красная горка – народный праздник, привязанный русским полурелигиозным сознанием к православной Пасхе. Есть, конечно, в пасхальной традиции день особого поминовения умерших родственников – Радоница, но за десятилетия воинствующего атеизма в стране возник полуподпольно, полупротестно, выпестованный слезами стариков, вынужденный головными платочками вдов, свой праздник. И до сих пор по воскресеньям, когда в храмах возносятся к Небу песнопения антипасхи, русские мужики и бабы семьями с детворой текут на кладбища. Помянуть, поговорить, в том числе и с усопшими, выпить, уложить на дорожную могилку крашеное яичко, рассыпать конфет и стопочку белого вина. Предрассудки, что поделаешь. Всё бы ничего, но именно накануне этого дня шеф вызвал Шурика и тоном, не терпящим пререканий, объявил срочную командировку в районную тьмутаракань, где должно было завтра с утра состояться грандиозное, по меркам этой самой тьмутаракани, событие – чествование земляка-генерала, впервые едва ли не за двести лет заглянувшего на малую родину. Ну а бензина для радийной машины, естественно, нет. Кризис... Так что получай, Шурик, в бухгалтерии суточные и прогонные – и чтобы послезавтра был репортаж. А что? Журналист – тот же солдат. Сказали: «Надо!» – отвечаю: «Есть!». Рассуждать потом будешь, на пенсии, когда мемуары писать станешь, а пока давай, в путь.

Шурик не раз бывал в этих забытых прогрессом и небожителями всех мастей краях. Здесь родилась его жена, здесь проживала любимая тёшенька. И всегда, когда необходимо было проведать сельскую родню, автобус, ходивший туда один раз в сутки, бывал забит людьми до отказа, но сегодня то, в чём они ехали, уже не было общественным транспортом, – это был последний день Помпеи, а заодно и верховная рада Украины в день

Олег СЕЛЕДЦОВ. Член Союза писателей России. Автор 8 поэтических сборников и 11 книг прозы. Публиковался в журналах «Москва», «Наш Современник», «Дружба народов», «Молодая гвардия» и др. Лауреат различных литературных конкурсов. Заслуженный работник культуры Республики Адыгея.

голосования по Черноморскому флоту. И всё это каким-то чудом помешалось в раздутом телами многих десятков земляков салоне, поддерживаемом просто возмутительно как не лопнувшими от натуги шинами всего четырёх колёс.

Уже на полпути Шурик понял, что не доедет. Что умрёт прямо здесь – в этой братской могиле спешивших на кладбище людей, каждый из которых в отдельности, пожалуй, славный человек, а то и заслуженный даже. У Шурика начинала кружиться голова. Чтобы хоть чуть-чуть хлебнуть подобие свежего воздуха, он подтягивался на готовом в любой миг обрушиться под тяжестью висящих на нём тонн человеческих туш поручне поближе к крыше и люку, из которого обильно вместо воздуха тёк поток раскалённой полуденным солнцем дорожной пыли. Не очень-то это помогало, и Шурик понял, что ещё совсем немного – и на одного пассажира в автобусе станет меньше.

К счастью, перед поворотом к конечному пункту их механизированного марш-броска водитель сделал остановку: нужно было высадить одну истерзанную дорогой и локтями попутчиков старушку. Сделать это было нелегко. Требовались усилия половины спрессованного салона, и Шурик, повинаясь тектоническому сдвигу человеческих плит, а также, пожалуй, и инстинкту самосохранения, неожиданно для самого себя двинулся вслед за едва живой бабушкой. С каждым шагом в глазах его всё больше темнело. Хотя (Шурик это хорошо помнил) за бортом их боевой машины солнце тормознуло на уровне двух часов дня. Удивительно, но ближе к выходу идти становилось легче, возможно, оттого, что в руке Шурик внезапно обнаружил зажженную пасхальную свечу, подобную той, да нет, что вы, именно ту, с которой он шёл неделю назад крестным ходом в ночь святого воскресения. Появление свечи Шурика не поразило, напротив, прибавило уверенности. Сходя с подножия автобусных дверей, он твёрдо знал, что, несмотря на внезапно наступившую ночь, свечу надо задуть, чтобы, как это там... не метать бисер перед... Господи, кем?

Шурик задул свечу и огляделся. Это был узкий коридор небольшой квартирки в блочной пятиэтажной хрущёвке. Напротив Шурика стоял, глядя сквозь гостя пустыми белыми глазами, старичок, очевидно, хозяин квартиры.

– Проходите, мы вас давно ждём.

– Как давно? Договорились же на десять.

– Да, на десять. Но нам, старикам, знаете как? Вот позвонили, что корреспондент придёт, с тех пор мы и ждём. Проходите.

Шурик сразу всё вспомнил. Четыре дня назад по ходатайству городского отделения общества слепых ему поручили делать радиоочерк о герое-танкисте, потерявшем зрение на войне. Правда, дозвониться до ветерана было непросто. Что поделывать, в таком возрасте они бывают не только слепыми, но и, к несчастью для журналистов, глухими. Кричал Шурик в трубку так, что сорвал голос и перепугал молоденьких сотрудниц соседнего, за стенкой, отдела. Наконец, через жену героя, тоже, кстати, инвалида, договорились о встрече. И вот в условленный час, не без труда отыскав в старом микрорайоне нужный адрес, Шурик приехал записывать героя-фронтовика. В коридоре до тошноты пахло котами. Хозяин проводил Шурика на убогую кухню, где, несмотря на незаконное буйство цветения сирени и черёмухи, горели вхолостую все четыре газовые конфорки.

– Это мы так согреваемся, – сказала, приветствуя гостя, женщина в инвалидной коляске, с ног до головы укутанная платками и одеялами. – Может, чайку горяченького с дороги?

Шурику бы минералочки прохладненькой хлебнуть или пивка, а чай, да ещё и горячий... Он поморщился.

– Нет-нет, спасибо. Работа прежде всего. Ну, дорогой Александр...

– Иванович, – подсказала жена фронтовика.

– Дорогой Александр Иванович, давайте поработаем.

Шурик достал магнитофон, присоединил микрофон, расположился поудобней за укутанным в старую сальную клеёнку кухонным столиком и нажал на «запись».

– Итак, сегодня мы в гостях у ветерана Великой Отечественной войны Александра Ивановича Тегунова. Герой-танкист, он с боями прошёл, уничтожая фашистов от Кубани до Зееловских высот, где получил тяжёлое ранение и инвалидность. Но потеря зрения не лишила Александра Ивановича мужества и жизненных сил, он по-прежнему в строю. В строю наших неутомимых ветеранов. И вот сегодня он расскажет нам о своей боевой юности. Дорогой Александр Иванович, давайте начнём разговор с воспоминаний о том дне, когда вас призвали в армию, вспомните, как это было.

Шурик перенёс микрофон к лицу слепого танкиста. Тот молчал.

– Говорите, говорите, можно. Я держу микрофон.

Ветеран откашлялся. Помолчал немного. И вдруг улыбнулся неестественно, не улыбнулся даже – оскалился и странно вывернул голову, словно шею ему свела судорога.

– Не знаю, с чего начать, – наконец выдал он.

Шурик терпеливо – ветеран ведь! – вернул микрофон к себе.

– Начните с того дня, как вы стояли у военкомата, когда решалась ваша судьба. Как это было?

Ветеран, всё также скалясь, молчал. Пауза затягивалась.

– Я не знаю, с чего начать, – вновь записал магнитофон Шурика.

Да, весёленькая получается запись... Беда с этими ветеранами! Тут нужно терпение, помноженное на двукратное терпение.

– Я не знаю, с чего начать, – твердил ветеран, словно у него в голове размешался магнитофон с одной единственной фонограммой.

– Я не знаю, с чего начать...

Замкнуло беднягу. Шурик выключил магнитофон.

– Александр Иванович, вы не волнуйтесь. Соберитесь. Может, ему водички или чайку?

Жена кинулась на помощь мужу.

– Саша, прошу тебя, не волнуйся. Расскажи, что помнишь. Вот человек пришёл. Корреспондент. Специально пришёл. Это ведь не шуточки. Как ты в училище поступал? Вспомни.

– Я не знаю, с чего начать...

– Училище же помнишь? Этого... Мишу Кондратенко... помнишь?

– Я не знаю, с чего начать...

– Саша, Саша, позор-то какой! Человек ждёт. Расскажи, умоляю тебя.

Женщина зарыдала. Сразу. Без предварительных всхлипываний и редких слезинок. Шурик бросился к крану, налил в замусоленный стакан

воды, протянул хозяйке.

– Успокойтесь. Пожалуйста, успокойтесь. Я ничего не буду записывать. Как-нибудь в другой раз. Ничего страшного не случилось.

– Саша! Что же ты наделал!! Ты всё забыл. Он всё забыл, товариш корреспондент. Это всё они. Соседи. Они травят нас. Через розетки травят. Чувствуете запах газа? Это они. Чувствуете?

– Да-да... Что-то вроде того... Я, пожалуй, в другой раз.

– Я не знаю, с чего начать...

– Дорогой Александр Иванович, я приду потом... после. Вы всё вспомните, а я приду. Хороший репортаж получится. Вот увидите... вернее, услышите.

– Саша! Что же ты наделал!! Позор-то какой!!!

– Я не знаю, с чего начать...

Шурик, лихорадочно сматывая микрофонные шнуры, двинулся к выходу, стараясь не замечать убогости кишасей тараканами стариковской квартиры.

– До свидания! Всего вам доброго! Поправляйтесь!

– До свидания! Простите нас! Он всё забыл. Это всё они. Они!

– Да-да, конечно, извините.

Последнее, что донеслось вслед Шурику, в панике покидавшему квартиру танкиста, был металлический скрежет гусеничных траков немецкого танка «Тигр»:

– Я... Не... Зна... ю... С че... го... На... чать...

Шурик не видел уже, как содрогалась от рыданий хозяйка, как ещё минут двадцать твердил одну и ту же фразу заново контуженный танкист, перед мёртвыми, сгоревшими глазами которого проносились в эти минуты горящие танки, рвущаяся в клочья земля, падающие с неба чёрные птицы-авиабомбы.

Замкнуло человека. Бывает. Вообще-то он настоящий танкист. Герой. Столько немцев уничтожил, столько танков подбил. Да и после войны был активистом ветеранского движения. Много выступал, в президиум совета ветеранов входил. Вообще был сверхактивным. Из тех, кому всё время нужно что-то делать. Кому нельзя останавливаться. Кого, даже если прошёт навывлет вражья пуля, нужно ещё и повалить на землю, иначе долго ещё будет бежать в свою вечную атаку.

Шурик очнулся. Не было атаки, не было немцев, не было горящих танков. Был день. Вокруг толпились люди. Кто-то методично засовывал ему в нос кусок ваты, пропитанный нашатырём. Шурик встал. Голова вновь закружилась, и перед глазами заметались чёрные мухи.

– Мужчина, вам полежать нужно.

– Нет, мне нужно идти.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

В глазах вновь потемнело, и Шурик осел на землю. Рядом оказался шеф.

– Вот и посылай тебя после этого на ответственные задания.

– Я сейчас... Это случайно... Я всё исправлю... Мне нужно идти.

– Ну-ну, успокойся. Никто тебя не винит. Всякое в жизни бывает. Короткое замыкание. А помнишь того ветерана-танкиста, которого ты так и не записал? Он на второй день после твоего визита умер. Такие вот дела. Это

правда. Дайте же ему, наконец, валидол!

– Дайте ему валидол!

Шурик вновь почувствовал, как в голову ударила волна нашатыря, и открыл глаза. Кто-то настойчиво засовывал ему в рот таблетку валидола.

– Не надо. Я в порядке.

– Молчи уж, в порядке он. В автобус ему больше нельзя. Не довезём. Товариш водитель, давайте остановим для него попутку.

– Да оставьте вы его. Поехали уже скорее, а то ещё пол-автобуса выносить придётся!

– А этого куда? Бросить, что ли?

– Не надо меня никуда. Я сам. Я в порядке.

– Ты уверен?

– Уверен. Езжайте уж.

Шурик встал. Голова почти не кружилась. Правда, маленькие мушки ещё вертелись в предательской полке перед привыкающими к дневному свету глазами. Шурику вручили ватку с нашатырём, показали, где лучше ловить попутку, и, ничуть не став легче от двух потерянных пассажиров, автобус, тяжело урча переполненной утробой, пополз по дороге. Шурик сделал несколько шагов и зашатался. Он до сих пор не понимал, что же с ним происходит. По своему характеру он был неугомонным живчиком. В школе – культмассовый сектор, в институте и армии – комитет комсомола. Он не мог стоять на одном месте, всё время должен был стремиться вперёд. Пожалуй, попадись такому на пути пуля, – и не заметил бы, шёл бы себе дальше, пока сердце продолжало стучать. А может, и после остановки сердца всё равно шёл бы, не веря в то, что можно вот так глупо умереть, когда вокруг жизненная метель кружится.

Мимо проехала машина. Затем ещё. Шурик вдруг сообразил, что это и есть попутки, именно их и нужно ловить, чтобы добраться до пункта назначения. Минут через пять проехала очередная машина. Шурик поднял руку. Водитель остановил, открыл дверцу. Шурик сел на сиденье.

– Привет, землячок, куда путь держишь?

Шурик не ответил. Но не очередная волна дурноты сжимала его губы. Он вдруг отчётливо увидел надвигающийся на него среди бесконечных разрывов чёрный силуэт горящего танка, услышал голос своего наводчика:

– Командир, горим! Горим, прямое попадание. Борьку убило.

– Всем покинуть машину!

– А ты, командир?

– Я сказал, покинуть машину!

А в оптике опять фашистский танк. Горит, но прёт, сволочь. Что ж тебе неймётся-то? Саша на месте механика даёт газ. Тридцать четвёрка, обьятая пламенем, слушается. Слушается! Давай, родимая, не подведи! Вперёд! На Берлин!! За Родину!!!

– Так куда везти-то, землячок? Слышишь?

Шурик вдруг улыбнулся, оскалив ровные зубы, и, неестественно вывернув голову, выдавил из себя:

– Я не знаю, с чего начать...

ЛЮДИ ИНСТАГРАМА

Рассказ

Алексей РОТАНОВ

Утро началось, как обычно, серым небом, не сулящим ничего хорошего. Стоял конец ноября, неумолимо приближающий зиму с ее заснеженными дорогами, морем цветных огоньков и, конечно же, предпраздничной суетой, за что я и люблю это промозглое время. Впрочем, до этого пока далеко. Вставать совершенно не хотелось ни мне, ни моей собаке. Красные цифры на часах сообщали, что если я позволю себе полежать еще минут пятнадцать, то неминуемо опоздаю. Опаздывать же я не любил, хотя и сам себе начальник. Мягко пихнув Арто (это мой пес), я все-таки выполз из-под теплого одеяла.

Готовить завтрак помогал эфир музыкального канала. Пою я из рук вон плохо, но кто же запретит мне это делать? Никто, ну... если не считать Арто. Но он пес воспитанный: когда я слишком уж фальшивил, он деликатно ложился и закрывал лапами уши. Где уж он подсмотрел это – не знаю, но выглядит уморительно и обеспечивает заряд энергии на весь день. Если же песня ему нравилась (а у него есть свои предпочтения!), то и Арто начинал подпевать, подвывать, точнее. Теперь приходила моя очередь закрывать уши, на что он сразу же обижался и уходил в другую комнату. Никакие уговоры не действовали: если уж его величество было оскорблено, то надолго и демонстративно. Но сегодня мы пели вместе, так что яичница удалась. После завтрака прогулялись по сонному двору, воздух которого еще не пропитался привычными для городского жителя выхлопами. Но наступило время прощаться – пора на работу. Арто всегда провожал меня весело, зная, что скоро придет домработница, которая весь день будет его баловать и позволять делать все, что при мне запрещается. С одной стороны, мне это не нравилось, но, с другой... если вспомнить историю его появления, то можно, наверное, и побаловать. Позже расскажу, а сейчас – в офис.

Офис фирмы, помогающей людям, пострадавшим от социальных сетей, совсем недавно перебрался в самый центр немаленького города. Да, фирма «Арто» (правильно, в честь моей собаки!) занималась вопросами реабилитации тех, кто испытал пагубное воздействие социальных сетей. Нет, конечно, эти сообщества не несут вред всем и вся, и мы, напротив, даже

Алексей РОТАНОВ. Родился в 1991 г. в Алматы. Окончил факультет зарубежной филологии НУУз, публиковался в журнале «Гармония», в «Звезде Востока». Магистрант кафедры мировой литературы НУУз.

возвращаем своих клиентов снова в их Твиттеры и Инстаграммы, но человек – натура увлекающаяся, а наши привычки, как известно, нас и разрушают. Одни жалуются, что жизнь стала скучной и однообразной, другие просто с головой уходят в виртуальный мир, но попадают и те, кто готов обменять свою жизнь на водопады лайков, угробить ее ради безликого толпища фОлловеров (пользователь, подписавшийся на обновления аккаунта в Твиттере). Таких, к сожалению, направляют к нам узкие специалисты и делают это все чаще. Но моя команда знает, как работать и с такими сложными случаями. Опыт нарабатывался методом проб и ошибок, в итоге система заработала, отметили уже третий год существования центра.

Работы было, как всегда, невпроворот, поэтому я и не заметил, как день подошел к концу. Вечером, по обыкновению, от компьютера меня оторвала наш менеджер Катя, работающая со мной с начала основания центра. Так случилось, что она была нашей первой клиенткой. Пришла девушка лет двадцати, внешне ничем не привлекающая: вечно зареванные глаза, несуразный пучок выгоревших волос... Теперь же передо мной стояла шикарная дама, которая отлично знает свое дело и болеет за него душой, но при этом не уходит в работу с головой, оставляя время и для себя.

– Как ты умудрилась впихнуть в сегодняшний день аж десять тренингов? – удивился я, – на них же банально не хватает территории!

Она лукаво улыбнулась:

– Новенькая дама-тьютор¹ предложила проводить курс в фойе, мотивируя тем, что так легче проходит адаптация. Поэтому я огородила часть фойе. Все остались довольны.

– В фойе? Ну, это уже перебор! – возмутился я.

– Отнюдь. Если клиент доволен, значит все в порядке, – Катя прислонилась к краю стола и стала внимательно изучать бумаги в своей папке. Помолчав некоторое время, она продолжила: – Думаю, что тренинг прошел отлично. Мне нравится подход новенькой, знаешь, живенько у нее все, энергично. Кстати, завтра будет готов месячный отчет по доходам. Мы не ушли в минус из-за ремонта, а, наоборот, есть даже некоторый доход, хотя и небольшой.

– Это радостная новость. Я как раз работал над проектом реорганизации центра. Планирую сделать массовый выезд тьюторов и клиентов за пределы города. Что-то вроде путешествия с пользой.

– Интересненько. Покажешь? Хотя... – она посмотрела на часы, – ты ведь почти опаздываешь!

И в самом деле уже опаздываю! Наспех собравшись, я завел машину и помчался к северному берегу реки – прямо под мост, где должен был быть ровно в девять вечера. Уже в пути получил смс от Кати с трогательным сообщением: «Не расстраивайся сильно. И не плачь. Помни, я с тобой». Я невольно улыбнулся, хотя не мог обещать не расстраиваться. Все-таки я ехал, чтоб почтить память талантливой актрисы, с которой был знаком всего месяц, но в душе она осталась навсегда.

Утро двадцать третьего октября 2017 года выдалось неудобным, промозглым. Холодный дождь, начавшийся еще ночью, по прогнозам

¹ Тьютор – наставник.

синоптиков, обещал лить весь день, поэтому пришлось запастись дождевиком и терпением. Я пил кофе, смотрел в окно и думал о жизни: зачем мне все это? чего хочу добиться? могу ли вообще добиться чего бы то ни было? На все вопросы в графе «ответы» мозг беспощадно ставил жирные прочерки.

Самобичевание могло длиться бесконечно долго: ругать себя – мое любимое занятие, хотя удовольствия от этого я не получаю, но зачем-то делаю это с пугающей регулярностью. Благо, атмосфера, да и вся жизнь в целом этому способствуют. Нельзя сказать, что я совсем уж безнадежен, потенциал есть: я получил образование (пусть не высшее, но все же), у меня богатое воображение, я компанейский (причем не я люблю собирать людей вокруг себя, а они ко мне тянутся). Одним словом, есть с чем двигаться. Но я этого не делаю. Сам не знаю почему... Может, лень, а может, апатия... Но факт налицо: я деградирую.

Впрочем, деградация может быть даже полезной, ведь горе человеку с большим умом: лишние мысли не дают покоя, постепенно превращая жизнь в сплошное размышление о ней. Мое положение было ничуть не лучше: ни жизни, ни размышления о ней, а самое страшное – работы тоже. Да, буквально неделю назад меня уволили за мой просчет. Такова участь бухгалтера: одна цифра может лишить всего, даже свободы. Проанализировав ситуацию, я решил, что работа по специальности – явно не мое, надо попробовать себя в чем-то ином. Никаких вариантов, из которых можно было бы выбрать, – только флаер о семинаре, в котором, если верить рекламному объявлению, всех научат раскручивать интернет-площадки, суля колоссальный успех. По правде, я не сильно верил в эту затею, но, с другой стороны, почему бы и нет, ведь миллионы людей что-то там зарабатывают, так чем я хуже? Вроде, ничем... А вдруг именно это изменит мою жизнь?..

К вечеру дождь все же сжалился и дал небольшую передышку, однако небо продолжало оставаться свинцовым, плотные тучи тяжелыми валунами напоздали друг на друга, отчего казалось, что еще немного – и небо рухнет под их тяжестью. Семинар, как ни странно, начался вовремя. Я с любопытством разглядывал публику. Сразу же бросилось в глаза, что все намного моложе меня, ярко одеты, с неизменными телефонами в руках и с наушниками, некоторые со скейтбордами... Странного цвета волосы, ногти, лица пугали еще больше. Неужели все эти люди живут в сером и скучном городе? Откуда берут столько радости, чтоб беззаботно болтать и улыбаться уже на протяжении получаса? Или, может, где-то наливают? Но нет, все были по-настоящему довольны тем, что находятся здесь, лишь я невыгодно отличался и уже собрался было уйти, но внезапно передумал: это всего лишь зона комфорта противится тому, что ей надо измениться. В результате я потратил полтора часа, слушая истории разных людей о том, как они поднимали с нуля свои странички, аккаунты и прочую лабуду в интернете. По сути, все говорили об одном: надо найти свою фишку, и, если будет интересно, люди потянутся, реклама им в этом поможет, а потом на этой же рекламе можно заработать. Главное – создавать качественный продукт... Прописные истины маркетинга, только под ярким соусом. А под конец вечера тем, у кого проблемы как раз с поиском этой самой фишки, предложили записаться на курс, где, якобы, помогут ее найти, развить и заработать свои первые деньги в интернете. «Хорошая идея, – подумал я, – но не для меня. Надо искать нормальную работу». Однако все

равно оставил свои координаты организаторам курсов. Вдруг передумаю.

Домой решил пойти пешком. Не скажу, что путь близкий, но было не слишком поздно, да и дома ничего интересного не ждало... разве что ужин, который надо было еще приготовить или купить, да телевизор, от которого тоже мало радости. Думать ни о чем не хотелось, поэтому я просто брел мимо домов и спящих туда-сюда людей. И откуда у них энергия двигаться так быстро в одиннадцатом часу ночи? Незаметно дошел до центральной площади, где с наступлением темноты всегда становится шумно: тут и там небольшие компании молодежи, песни, смех, танцы... Неожиданно я поймал себя на том, что думаю об этом отстраненно, будто старый дед, ностальгирующий по молодости. А ведь я вроде как тоже еще молодежь...

Еще больше помрачнев, я поспешил домой, решив, что, во-первых, так жить дальше нельзя, а во-вторых, непременно нужно записаться на эти курсы, чтоб что-то изменить в себе. Осталось решить, что именно менять, хотя особой принципиальности не требовалось: менять, похоже, надо было все.

Дома, как всегда, было холодно и скучно.

Уже на первом занятии на курсах меня удивила необыкновенная энергичность слушателей: все активно влились в рабочий процесс, участвовали в странных психологических играх и радовались происходящему. Если не вдаваться в подробности, то целью сегодняшнего занятия было распределить публику по группам с отдельным коучем в зависимости от поставленной цели. Так я и попал в компанию с молодым блогером, который к тому же и пел (кстати, довольно неплохо). В нашей группе оказалась также удивительная особа – актриса погорелого интернет-театра. Именно так она и представилась. А потом назвала свое имя. Так мы и встретились: актриса Наталья, певец Ринат и я, по ощущениям – полный неудачник, а по паспорту – Артем. После занятия мы благополучно разошлись по домам, даже не догадываясь, что это был последний нормальный вечер в ближайшем будущем.

Две недели нас всячески мотивировали, засыпали дичайшими заданиями, которые были призваны раскручивать наши интернет-профили, и, что удивительно, это помогало. У многих число подписчиков резко пошло в гору. Но это не оправдывало того, что по факту наш тренер просто банально над нами издевался. Хайповые фишки типа обливания соком в супермаркете были уже в прошлом, теперь от нас требовалось что-то экстремально-дурное, например, прыгнуть в ледяную прорубь, сыграть на гитаре, стоя на перилах автостреды и прочее в таком духе. И многие на это подписывались и, самое ужасное, шли и делали это в надежде получить еще больше публики, которая так и жаждала зрелищ (видно, хлебом она уже пресытилась!). Но радовало, что были и подобные мне, которые не раз подумают, прежде чем лезть на крышу в одних трусах холодной ночью (видимо, не настолько хотелось получить заветные просмотры и перепосты!). Правда, и дела у них шли много хуже, однако деньги за обучение были уплачены, поэтому нас держали для массовости, хотя коучи¹ давно уже махнули на таких рукой, не удосуживаясь

¹ Коуч – специалист-психолог, который посредством непрерывного сотрудничества помогает клиенту найти ответы внутри себя самого. В отличие от наставника, коуч занимается не общим развитием человека, а формированием у него оговоренных умений.

даже объяснять, зачем выполнять то или иное задание. В итоге первый этап занятий завершился творческим заданием для каждого участника. Нам дали три дня на раздумье и исполнение.

– Надо сделать что-то трешевое, такое, чего еще никто не делал, – горячился Ринат, аж подпрыгивая на диване.

Мы сидели в уютном кафе под названием «Как дома». Здесь была приятная атмосфера: мягкая мебель, комнатные растения, ненавязчивая музыка и вкусная еда – все располагало к спокойствию и умиротворению. Пришли мы, чтоб обсудить, чем же наша команда сможет поразить тренеров и публику по ту сторону сети, но уже битый час не могли ничего придумать. Наташа зычно смеялась и отпускала матершинные шуточки, отчего Ринат невольно краснел, кипятился, постоянно напоминая, что мы здесь по делу, а не просто поболтать пришли. Я же, не зная, что предложить, просто кивал головой, со всем соглашаясь. Кивание и поддакивание достигло автоматизма, мысли ушли блуждать по деталям интерьера. Заметив мою отрешенность, Наташа вернула меня к действительности:

– Не спать, Артем. Еще не все немцы подбиты.

– А? Какие немцы?

– Никакие, в том вся соль, – я с удивлением обнаружил, что на нашем столе появилась бутылка водки, которую уже пригубила наша актриса. – Какие идеи, товариш?

– Ну не знаю, ты же актриса, мне кажется, тебе надо делать ставку на это.

– Фи, – артистично взмахнула она рукой, – была бы актрисой – играла бы сейчас в Большом, а я так, все по мелочи: зверушки да снегурочки всякие.

– Не, серьезно, Нат, – встрял Ринат, – тебе надо сыграть какой-нибудь запоминающийся образ. Что-нибудь из жизни каждого из нас.

– Ага, чокнутую соседку! Такой экземпляр у всякого найдется.

– Вот видишь, уже идея. Будешь бабкой средних лет с огромным прибабахом, которая никому жить не дает. Людям нравятся фрики.

– Ну не знаю, – она закатила глаза, однако было видно, что идея ее зацепила. – Эту мысль надо обдумать или обмыть, – как ни странно, содержимое бутылки уже наполовину убавилось, хотя ни я, ни Ринат к ней не прикасались. – А ты чего будешь делать?

– Буду петь. Сделаю крутой кавер, моим подписчикам вроде это нравится. Надо просто композицию выбрать сильную, и все.

– Посоветуйся с коучем, – вставил я, – он же фонтанирует идеями.

– Да, так и сделаю. А ты что надумал?

– Да, тихоня, – Наташа уже заметно повеселела от принятого на грудь, – чем ты нас удивишь? Чем-то же надо!

– Не знаю. Я вообще думаю, а надо ли мне оно? Ну не мое это – кривляться на камеру ради каких-то мифических лайков.

– То есть я, по-твоему, кривляюсь на камеру?!

– Нет, ты играешь. У тебя это хорошо получается. А у меня не лежит к этому душа. Не мое просто.

Мои слова нисколько не убедили девушку: было видно, что она обиделась. Хотя у актеров никогда не поймешь, где они играют, а где серьезны. Вот и сейчас непонятно. Однако вечер был изрядно подпорчен, говорить больше

не хотелось. Мы дошли до метро, почти не разговаривая, обмениваясь лишь дежурными фразами о планах на завтра да о чудных прохожих, и разошлись по домам. Почти у дома я получил от Рината сообщение – ему в голову пришла крутая мысль. Если опустить все ахи и охи, то суть заключалась в том, что он будет петь песенку о несчастной любви, а в это время мимо будут проноситься машины, а потом он ляжет на землю, и они будут проезжать над ним. Представив эту картину, я оценил ее масштабность: в профессиональном кино с каскадерами – да, но в рамках Инстаграма...

– Идея крутая, и однажды это можно будет использовать в твоём клипе, но не сейчас. Это опасно, – наговорил я текст и отправил сообщение.

Как выяснилось позже, сообщение Рината – не самое тревожное событие этого вечера. Перед сном, согрешившись в постели, я решил проверить телефон: две недели курсов выработали привычку все время держать интернет включенным, чтобы постоянно мониторить ленту в своём аккаунте. Оповещение о том, что Наташа запустила прямой эфир, пришло в тот момент, когда я уже собирался выходить. Немного замешкавшись, решил все же посмотреть, что она там выдумала на ночь глядя. Когда я присоединился, эфир смотрело больше сотни человек, хотя шли только первые минуты. «Все-таки хорошо, когда у тебя много подписчиков», – подумалось. На экране перед глазами предстала странная картина: Наташа в одной ночнушке сидела на какой-то дедовской, обшарпанной, деревянной табуретке и вешала о смысле жизни. Комментарии были отключены, хотя «курсантам» категорически запрещено было это делать. Я увеличил громкость.

– Моя жизнь пуста. Да, именно так. Я поняла это сегодня, когда мне наконец-то открыли глаза на то, кем я являюсь. И никакая я не актриса вовсе, – по тому, как у нее заплетался язык, было видно: что-то добавилось после выпитого в кафе, – а я... – тут она выдержала страдальческую паузу, которую я оценил по достоинству, – я всего-навсего кривляка на камеру, – (чего-то в этом духе я и ожидал! Неужели ее так сильно это задело? Почему она зацепилась именно за эти слова? В голове возникли вопросы, которые хотелось задать, но комментировать в эфире было невозможно). – Простите меня, мои дорогие, что я обманывала вас своим кривлянием и пошлыми шуточками. Я не должна была так поступать. И... – (в этот момент я уже набирал ее номер по домашнему телефону. Однако ответа станции не последовало, а эфир продолжался. Значит, она вытащила сим-карту, а эфир вела по Wi-Fi. Умно! Мне ничего не оставалось, как продолжить смотреть), – я осознала, что надо все исправить. И я исправлю, я смогу, – она так резко вскочила с табуретки, что та с грохотом опрокинулась.

Несколько минут все наблюдали, как Наташа, пошатываясь, враскоряку пыталась установить стул на прежнее место. Сквозь ткань сорочки пробивался контрастный цвет нижнего белья. Почему-то стало неприятно на это смотреть. И, судя по тому, что количество посетителей уменьшилось, – не мне одному. Смотреть и в самом деле было не на что: зареванная пьяная деваха, которая заплетающимся языком несет бред, понятный, вероятно, только мне. Я пролистал список зрителей. Ни нашего коуча, ни Рината... От этого стало еще более грустно.

Тем временем Наташа слишком близко подошла к объективу телефона (видно, он был установлен на треноге) и подняла ракурс съемки.

– Я решила покончить с этим раз и навсегда. Я старая должна уйти, чтобы пришла я новая, – она произнесла эту пафосную фразу, даже не удосужившись отойти от камеры, отчего хорошо просматривались содержимое носа и поверхность верхних зубов. Внутри разлилось мерзкое чувство брезгливости, но я все же решил досмотреть. Нас, таких стоически-сильных, осталось пять человек. Неожиданно она открыла комментарии в эфире. – Идите, все идите, оставьте меня! Мне никто не нужен, я сильная, я смогу!

Догадавшись, наконец, что она задумала, я вскочил с постели. Перед глазами разворачивалась картина неопишемого кретинизма, которую никто даже не удосуживался комментировать. С трудом Наташа вскарабкалась на табуретку, но не для того чтоб прочитать стихотворение, а чтобы засунуть голову в петлю, которую стало видно при новом ракурсе съемки. «Не думает же она повеситься в прямом эфире?! – пронеслось в голове. – Хотя... это органично вписывается в концепцию старой и новой "я"».

Трясущимися пальцами я начал набирать текст. Ничего лучше «Не надо, стой!» не придумалось, но Наташа уже не могла видеть мое сообщение. Второй (и последний оставшийся!) зритель поразил цинизмом своего комментария: «А чо, пусть прыгнет»...

– Я ухожу, – эпично выкрикнула Наташа и спрыгнула с табуретки.

Послышался неприятный хруст, будто оторвалось что-то... Однако это была не веревка: тело беспомощно обмякло, язык вывалился, глаза выкатились, лицо посинело. Тело медленно повернуло к камере спиной.

Я смотрел и не мог осознать того, что сейчас произошло. «И это всё? Х**ня какая», – оставил комментарий последний зритель и отключился. Это вывело меня из оцепенения. Стало понятно, что все это произошло в самом деле и нужно что-то предпринять. Я набрал номер полиции...

А дальше все закрутилось: допросы за допросами, один неприятнее другого, но все это вроде как проформа, потому как самоубийство было доказано. Судя по всему, финал задумывался совсем иным, потому что последнее, чем интересовалась Наташа, были ложные узлы. Скорее всего, она обыграла бы свою смерть: воскресла и воскликнула бы что-нибудь типа «а вот и новая я», но опьянение помешало сделать правильный узел...

На похороны я не пошел. Во всей этой кутерьме я напрочь забыл о Ринате. Кроме того, мне пришла мысль почтить память подруги так, как она этого заслуживала. Я знал пароль аккаунта Наташи (по условиям мы должны были обменяться полными данными с членами своей группы) и разместил у себя и у нее в сторисе объявление, что сегодня в девять вечера мы провожаем в последний путь Наталью под северным мостом реки. Приглашались все желающие. Многие сделали перепост, писали, что обязательно придут, но ни Ринат, ни наш коуч не объявились. Тогда я решил позвонить сам. Ринат взял трубку лишь с третьей попытки и произнес, запыхавшись:

– Привет, ты как, старик?

– Ты же знаешь, что произошло с Наташей?

– А, да, бро, я видел твой пост..., – по ответу было неясно, понимал ли

он, о чем речь.

– Придешь?

– Я постараюсь, честно, но ты же помнишь про мою задумку? Как назло, съемку поставили именно на сегодня, и я могу не успеть.

– Серьезно? Ринат, ты решил сделать это, даже зная, что произошло? Ринат, это же глупо!

– Что глупо? Это мое творчество. Наш коуч меня поддержал и даже помог найти профессионального оператора.

– Наш коуч просто тупой адреналинщик! Ты слишком молод, чтоб так бездумно рисковать жизнью.

– Там нет никакого риска.

– Ну да, кроме того, что ты будешь лежать под движущейся машиной...

– Но они же профи. Все нормально будет.

– Ринат, не делай этого! – вскипел я.

– Знаешь что?!

– Что?

– Это моя жизнь. И мне самому решать, что с ней делать, что рискованно, а что нет. Если не хочешь меня поддержать, тогда хотя бы не мешай!

– Ты себя слышишь?

– Я тебя слышу, и этого достаточно. Ты просто нам завидуешь, потому что у тебя нет крутых идей. Вот и пытаешься затянуть нас в свое болото!

– Это тебе твой коуч внушает?

– И он прав. Теперь я отчетливо вижу, что ты просто завидуешь...

На этом наш разговор и закончился. На душе и без того было тошно, но в одном этот шестнадцатилетний паренек был прав: это его жизнь, и не мне вмешиваться в нее или влиять на его решения. Я со своей-то жизнью никак не разберусь, куда уж мне советы давать!

Решив, что я не вправе влиять на мнение Рината, я продолжил плыть по течению. Это уже потом стало понятно, что тогда я просто трусил, спасовал, что я должен был поехать в тот вечер не на мост, а к Ринату, на место съемок, и помешать ему совершить страшную ошибку. Но нет, я поехал к мосту...

Ехал с мыслью, что там меня будет ждать много людей, но как же я ошибался! Никого... Только старые бочки с шинами, которые стояли там всегда в память о погибших в автокатастрофах на этом мосту. На улице было холодно, от воды несло тиной и отходами.

Ровно в девять вечера я поджег одну из бочек и закурил. Курю очень редко – у меня нет к этому тяги, но иногда понимаю, что именно сейчас необходимо покурить.

Так я и стоял на пронизывающем ветру с сигаретой в руках, пытаюсь понять, что же происходит. Пламя из бочки весело прыгало по поверхности шин, отравляя воздух запахом жженой резины. Мысли никак не могли собраться воедино, но одно я осознал точно: мне не нужна слава в социальных сетях, цена которой – собственная жизнь. Меняться надо, но не терять при этом головы.

Из раздумий меня вывел внезапный звонок телефона. Сестра Рината!.. Он рассказывал как-то, что их телефонные номера различаются лишь одной цифрой. Я смотрел на экран, не понимая, что делать, но отвечать точно не хотелось. Если Ринат осуществил свою идею, то явно ничем хорошим это не

закончилось, а слышать о страшных переломах или его смерти я не был готов. Жаль, что два молодых человека загубили себя из-за мнимой славы, инста-цифр, за которыми даже не всегда живые люди. И мое одиночество здесь, под мостом, красноречиво это доказывало. Следовавшие один за другим вызовы я не отклонял, просто дождался, когда телефон наконец замолчал. Немного подумав, я удалил приложения всех социальных сетей и мессенджеров.

Домой я не поехал.

Утром меня разбудил запах маминых блинчиков. Родители жили в небольшом городке неподалеку от столицы, куда я и отправился сразу после «ритуала» под мостом. Ругать, что появился почти в два часа ночи, меня не стали, правда, утром отец все-таки высказался по этому поводу, но, несмотря на выговор, видно было, что он рад мне и был бы не против, чтобы я вернулся жить в родительский дом. Однако я совсем не собирался этого делать, просто надо было немного успокоиться. Мысли о смерти Наташи и Рината (почему-то я был уверен, что вчерашний звонок был как раз об этом) здорово выбили меня из и так неуверенной колеи моей жизни.

Вечером я с удовольствием прогулялся по улицам детства, немного даже ностальгируя по быломu. Это был первый шаг к тому, чтобы восстановить утраченное равновесие. Второй шаг – встречу со старыми друзьями – я решил не откладывать, а совместить с первым. Поэтому день завершился очень весело: мы шутили, вспоминали разные случаи, делились новостями, и я, наконец, понял, чего мне так сильно не хватало, – живого человеческого общения, которого теперь так мало в больших городах. Но, к сожалению, пришло время расходиться по домам.

Вернуться я предпочел пешком. Почти у самого дома внимание привлек странный шум со стороны гаражей. Обычно я не реагирую на подобное – мало ли что, но в этот раз меня потянуло туда, откуда раздавались звуки. На земле лежала уличная собака, грязная, со сгустками запекшейся крови на загривке, видно было, что над ней сильно поиздевались. У нее даже не хватило сил зарычать на меня, она всего лишь подняла голову и печально посмотрела: мол, и ты хочешь меня пнуть или ударить камнем?.. Я сел на корточки рядом с несчастным животным и тяжело вздохнул, понимая, что уйти, зная, что здесь лежит беспомощный пес, я уже не смогу.

– Эй, приятель, кто тебя так? – обратился я к собаке, протянув к ней руку.

Никто мне, конечно, не ответил, но и от руки пес не шарахнулся. Тогда я продолжил:

– Сильно болит? Ты сегодня ел хоть что-нибудь? – а сам подумал, что вряд ли собака могла в нынешнем состоянии есть. Посидев еще минут десять, я просто сгреб ее в охапку, рискуя быть покусанным, и понес домой. Несмотря на начавшиеся дома причитания и ворчание, первая помощь псу была все же оказана, благо, он и не сопротивлялся вовсе, а спустя несколько часов даже поел с аппетитом. Закончив с обустройством нового члена семьи, объединившим всех, мы дружно решили до утра разговаривать и пить чай.

– Вот всегда ты таким сердобольным был, не мог пройти мимо пострадавшего животного, – добродушно ворчала мама.

– Разве? – удивился я. – А я этого не помню...

– Ну ты даешь, – усмехнулся отец, – сколько ты от меня получал за всяких уличных котов и собачушек? Забыл он, видите ли!

– Не ругай его, отец. Сынок, – обратилась она ко мне, – это твоя суть – помогать тем, кто в беде. Оставайся таким.

В тот самый вечер все и изменилось. Я понял, что надо делать. Так что это не я пса спас, а он меня. Тот самый пес, которого я и назвал Арто. Что было дальше – вы уже знаете.

– А я уже думал, что ты не приедешь и мне придется поджигать бочку самому.

– Ты что, как бы я мог пропустить такое событие! Просто забыл точное время. Видишь, я здесь, только чуть-чуть задержался.

Мы весело обнялись в знак приветствия.

– Вместе?

– Вместе, – подтвердил я и зажег спичку.

Я делал это уже третий раз в жизни, друг же мой – только второй. Но то, что этот день очень важен, было понятно сразу. Я смотрел на огонь и ни о чем не думал, даже не хотелось, просто было очень грустно.

– Знаешь, я ведь так и не сказал тебе спасибо, – тихо произнес Ринат.

– За что? – удивился я.

– За то, что ты тогда оказался единственным, кто за меня переживал, и именно ты старался достучаться до меня, объяснить, что всеми этими понтами с машинами и скоростью я ничего не добьюсь. Ведь, по сути, ты мне жизнь спас, – сказал Ринат, более известный сейчас как популярный певец Рино.

– Мы никогда это не обсуждали... Помню, как ты пришел в «Арто». Я тогда решил, что передо мной призрак. Даже испугался, если честно.

– Серьезно? – рассмеялся он. – Все настолько плохо было?

– Нет, но я же думал, что ты погиб. Фу, ужасно звучит!

– Да уж.

На какое-то время мы оба замолчали.

– Я до сих пор помню тревогу в твоем голосе, когда ты просил меня остановиться, – первым нарушил молчание Ринат. – Когда приступили к съемкам, мне вдруг стало страшно... И про Наташу я вспомнил... Я же потом посмотрел ее эфир. Наш коуч сделал видеозапись и слил ее на своей странице.

– Так это он был тем последним зрителем?

– Да, он смотрел со своего фейкового аккаунта.

– Вот же мразота! Знал бы я, что это был он...

– А я узнал. И понял, что он поддержал мою идею только ради экшена, совсем не заботясь о том, что будет со мной.

– Носит же земля таких!

– Спасибо тебе. Спасибо, что дважды меня спас!

Было холодно, но мы этого не ошушали. Нас согревала память о нашей подруге, не позволяя забывать, что настоящая жизнь – за пределами аккаунтов. Пусть в реальной жизни мы не такие крутые и успешные, как на своих интернет-страницах, зато такие, которые нужны друг другу, – настоящие, а не в виде лайков и рейтингов просмотров...

АНГЕЛ ДОЖДЯ

Повесть

Нурилло АББОСХОН

* * *

Не перебивайте меня, Лейла, слушайте до конца. Да, ваша участь не легкая, но все уладится, я все понял, все. Считайте, ваша проблема уже решена. Потом можете отрицать сколько угодно, а сейчас не перебивайте, пожалуйста. Час за часом покидают меня силы, как видите, трудно дышать. В груди все горит, все. Дайте мне еще глоток водички... Спасибо вам, ангел мой, спасибо. Хорошая, приятная водичка...

Итак, в тот дождливый день вы появились на улице возле высокого железнодорожного моста. Вы были в белом платье. Черные волосы распущены, а бело-румяное лицо ваше пленительно, но вы совершенно промокли. Одним словом, передо мной предстало божественное видение, скрасило в непогоду угрюмую улицу. Я подошел ближе, заглянул вам в глаза, и мне стало грустно. Вы были очень расстроены. Постарайтесь, Лейла, вы должны меня помнить, как можно запомнить такую яркую историю?

Я подошел поближе и скромно поздоровался.

– Здравствуйте, – неохотно ответили вы.

– Возьмите, пожалуйста, мой зонтик.

– Спасибо, не надо.

– Вы же простудитесь!

– Ну и хорошо, быстрее умру!

– Если умрете, мир потеряет такую красоту.

– Вы не поэт случайно?

– Нет! – Почему-то, непроизвольно пожелав произвести впечатление, я начал сочинять небылицы: – К вашему сведению, я – художник.

Откровенно говоря, тогда ваш покорный слуга был всего лишь безграмотным неудачником. Вынужденный поменять несколько раз место жительства, естественно, я менял и школы, еле справляясь с учебой, короче,

Нурилло АББОСХОН. Писатель, драматург и переводчик, родился в 1958 году в г. Чартак, Наманганской области. Работал музыкальным руководителем, сценаристом, главным редактором в издательстве «Наманган нашриёти». Автор романов «Шуркишляк», «Дильмурат» и «Учитель», пьес «Жайдари келин», «Одинокая звезда» и «Узбекский танец». Публиковался в журнале «Жахон адабиёти».

не сумел я получить нормального образования. С двенадцати лет жил у бабушки. Бабушка тридцать лет проработала учителем в ПТУ и получала приличную пенсию. После ее кончины я остался круглой сиротой. Меня стали вызывать в военкомат, на комиссии врачи обнаружили у меня плоскостопие. К тому же я был глуп, неуклюж, ленив. Знакомые бабушки устроили меня на работу уборщиком на маленький рынок поблизости от нашего дома. Я грузил товары, подметал двор, иногда мыл машины у большой дороги. Единственной радостью для меня были оставшиеся от бабушки книги. Читал я много и беспорядочно – все, что попадалось в руки.

Вот уже почти десять лет думаю и не могу понять, Лейла, все-таки, почему я обманул вас в тот день. Вы осмотрели меня с головы до ног и сказали:

– Да какой же вы художник?

– Проверьте, если не верите, – я невольно увлекся своей легендой.

– Не приставайте, молодой человек, – сказали вы.

Я потерял рассудок от вашей красоты, вопреки своей натуре нагло смотрел вам в глаза, стремительно шагая рядом. Сам не знаю, что со мной тогда случилось.

Ваш покорный слуга с детства был робким и нерешительным. Когда я пошел в школу, мамочка моя покойная вышла замуж. Мы переехали в дом ее мужа. Прожив там немного, я стал слабодушным плаксом. Бабушка моя однажды сказала: «Сынок, человеческая судьба повторяется согласно небесным знакам. Твой покойный отец был точно таким же застенчивым идиотом, как ты. Он даже смотреть мне в глаза стыдился. Перед старшими не кушал, не повышал голос ни на кого и почти не разговаривал, не то чтоб там ругаться. Когда он умирал, я сокрушалась, что слишком поздно узнала о его болезни, он ничего не говорил. Три года болит живот, а он никому ни слова, молчит. А у него там язва, будь она неладна, вот и убила твоего отца глупая застенчивость. Тоже мне, восточное воспитание, вежливость! Ты в отца пошел. Как ты – шалопай – жить будешь без меня. Ничем не отличаешься от отца».

Вы медик, Лейла, это вам понятно, как никому другому. Судьба человека предопределяется еще в утробе матери, характер-то передаётся по наследству. С наследственной моей робостью в чужом доме жить было невозможно. Однажды отчим сильно избил мамочку за мой ничтожный каприз – просьбу купить цветные карандаши. Ну что стоит купить для ребенка карандаши? Я напугался до смерти, обнял маму за ноги и громко заревел. С того дня я прикусил язык, ничего не желая, и терпел все и всякое. Бросил свои детские капризы и шалости. Отчим меня не избивал, конечно, но все равно я дрожал от его холодного взгляда, хриплого голоса и звука шагов. Мы молча обедали вдвоем, я всегда терялся в его присутствии.

Ночью спал я один в большой комнате, а мама и отчим – в другой. Тогда я был слегка простужен, часто побаливал живот. Кувыркаясь в постели, старался терпеть до утра. Когда становилось невмоготу, выходил во двор, чтобы справиться нужду. Боялся включить свет, отчим нам велел экономить электроэнергию. Жутко было выходить одному в темноту ночи – чужие места, чужие люди. Деревья казались великанами с длинными когтями, в кустах чудились лешие злые-презлые. Ох, какими длинными были эти темные

и одинокие ночи... да, однако... ну ладно, хватит об этом...

Прожили там год, мне, видимо, это было не по силам, и однажды я серьезно заболел. Утром поднялась температура почти за сорок. Лежу на матрасе в той комнате, где я ночевал, будто в огне горю. Мама ждет на завтрак, зовет меня, потом вошла в мою комнату, посмотрела и сильно испугалась, бедная, обтерла меня мокрым полотенцем, поцеловала в лоб. А тут вошел отчим и остолбенел от гнева, увидев эту сцену.

– Ну что, жена, целуешь покойного мужа? – скрипя зубами, прошипел злодей. – Эх, зря я женился на вдове! Когда смотрю на этого шенка, вижу твоего покойника...

– Потерпите, хозяин, – заплакала мама. – Поправится, отправлю его к дяде Мустафе.

Я никак не хотел расставаться с мамой, никак! Где еще для ребенка есть убежище надежнее, чем теплые объятия милой мамы? Конечно, я отказывался ехать к дяде и упорно старался угодить отчиму. Но жить у него год с лишним стоило для меня целой жизни... да, целой жизни.

Мой отчим... а как звали-то его?.. Вот запоматывал, никак не могу вспомнить его имя. Ну уж, смехотише! Никак не приходит на ум его имя. Как звали-то его?.. Да ладно, Лейла, отчим есть отчим! Имя его вам ни к чему. Долгие годы я старался забыть его и его мрачный дом. Может, поэтому и имя отчима стерлось из памяти. Его глаза и хриплый голос ужасно пугали меня, мое сердечко трепетало, как маленькая пичужка в клетке. Я, только взглянув на него, виновато моргал глазами, ронял то, что держал в руке, и заикался.

– Здр... здр... здравствуй... те-е-е....

Или, скажем, когда сижу на топчане во дворе и рисую в тетради, слышу звяканье железных ворот... Для меня это сигнал, что скоро появится он! Его колющий взгляд пронзает мою крошечную грудь, как стрела, разрывает меня на части, я рассыпаюсь, превращаюсь в какую-то туманность и растворяюсь в этом мире. Стою где-то там, далеко за туманами, не чувствуя своих ослабевших ног, а на самом деле шагаю по двору, готовлю отчиму теплую воду, дрожащими руками ухватившись за ручку чайника, поливаю ему на руки. Он, присев под виноградником, моет руки, смотрит дико и хриплым голосом командует:

– Поливай, поливай еще, тряпка!

– Хор... хорошо...

Изо всей силы я стараюсь угодить отчиму, но проклятый страх не выпускает меня из того туманного мира, поэтому еле слышу, едва соображаю и часто заикаюсь. Мои слабость и растерянность раздражают отчима. Когда я начинаю шмыгать своим несчастным носом, он морщит лицо и раздражается еще сильнее. Ну что может сделать дошкольник, как он может угодить психованному сорокалетнему неудачнику?!

Отчим день ото дня становился все более невыносимым. А я, не желая расставаться с мамой, упрямо боролся за право оставаться с ними. «Если отчим будет реже видеть меня, – думал я, – меньше будет злиться». По детской глупости я нашел себе убежище от свирепо горящих глаз тирана. Стал надолго закрываться в туалете, наблюдая за ним через отверстие двери. Недельку спустя отчим заметил, что я прячусь от него, и начал кипеть как чайник.

– Эй, полоумный! Ты что там закрылся?!

– Я... это... это... я...

– Что ты там делаешь, а?

– Ма... мама...

Я выхожу из своего укрытия, стою у ног пьяного великана, от страха дрожа всем телом. Потом, собравшись силами, вымученно улыбаюсь, смотрю на него молящим взглядом, стараясь уловить зрачки его кошачьих глаз, чтобы вымолить у него пощаду. Однако он так ненавидел меня, что даже не замечал моих стараний. Однажды он сильно толкнул меня ногой в огород, я упал лицом в лужу, оставшуюся после утреннего дождя, весь в грязи, и, сколько ни старался, не мог встать на ноги, так как мамины галоши, большие и старые, скользили. Я громко заплакал.

Вот вы вчера рассказывали, Лейла, как ваши дети убежали от родного отца, что живете на съемной квартире. Прошу вас, не оказывайте давления на своих детей, пожалуйста. Пусть они сами выбирают, с кем и как жить. Нельзя удерживать детей рядом со злыми людьми, это искалечит их. Поверьте моим словам, я испытал это на себе. Берегите детей от ненормальных злодеев. Постарайтесь, чтоб ваши дети никогда не плакали. Человек плачет, чтобы освободить память от всего плохого, неприятного, но, когда он плачет, он частично теряет и разум.

На следующий день утром мама и я пошли на остановку и сели в автобус. Я был рад тому, что мы уезжаем из этого села, где поля, дома, люди и их дети казались мне злыми и уродливыми. «Эх, как хорошо! Мы с мамочкой уедем отсюда! Далеко-далеко! Навсегда! Навсегда! Отчим нас больше не найдет, нигде не найдет!» Но мама о чем-то договорилась с шофером и дала ему денег. А мне дала сумку с книгами и бумажный пакетик с несколькими карамельками.

– Слушайся дядю Мустафу, – сказала она. – За столом без приглашения руку не протягивай к еде. Самовольно никуда не уходи. Не смотри в глаза старшим, выполняй все то, что они велят. Ладно, сынок, будь осторожен в дороге.

Мне стало страшно, будто мир перевернулся вверх ногами, и я заревел.

– Вы не поедете со мной?! – я изо всей силы вцепился в шею мамы. – Нет! Вместе уедем, мамочка! Давайте вместе, а, мамочка?! Мамочка!

Мама крепко меня обняла, поцеловала в лоб и лицо. Я ощутил какой-то едко-кислый неприятный запах.

– Не могу, дитя мое, – вздохнула она, – не обижайся на меня...

Она вышла из автобуса. Мы, замерев, не отрываясь глядели друг на друга через стекло автобуса. «О, боже! – стучит мое сердечко, раздавленное разлукой. – Сделай так, чтоб этот автобус стоял здесь вечно! Останови его навсегда! Навсегда!» Мне показалось, что мамочка... моя бедная мамочка тоже молилась об этом. Когда автобус тронулся, ее глаза потускнели, она заплакала и помахала рукой вслед отъезжавшему автобусу.

Мы с ней больше не виделись. Да, ни разу не виделись. Это была наша последняя встреча на этом свете. Вы, Лейла, очень похожи на нее. Моя мамочка была такая же красавица, как вы. Но я верю: когда-нибудь или где-нибудь, мы обязательно с ней встретимся, а то я обижусь на бога, да, очень обижусь...

– О чем я вчера рассказывал, Лейла? – Ах, да, вспомнил. Рассказывал, как я расстался с мамой. Ну вот слушайте дальше.

– Я долго ехал автобусом и приехал в далекое горное селенье. Там меня ожидал мужчина средних лет, худощавый, высокий, с улыбкой на губах, но красными и хмурыми глазами. Мне показалось, будто он только что плакал или что-то попало ему в глаза. Это и был мой дядя Мустафа. Дядя молча взял меня за руку и повел к себе домой. Мы долго шли по грязным улицам и почти всю дорогу молчали. Мне не понравилась эта горная деревушка. Куда ни ступи – лужа, мои дырявые туфли наполнились водой. Непогода была в тот год, да, ужасная слякоть! Люблю дождь, но ненавижу сырость, сразу болею.

В тот день я пугливо вошел во двор дяди, где нас ждали его дети и жена. Я улыбнулся и поклонился всем, приблизившись, каждому протягивал руку, как учила мама. И вдруг наткнулся на дородную полную женщину с холодным взглядом и замер от страха. Знакомый, очень знакомый был взгляд хозяйки дома, он сразу напомнил отчима. От усталости или страха (не знаю) я расслабился, присел и потерял сознание. Кажется, приехала скорая помощь, как в тумане видел над собой медсестер в белом, почувствовал боль укола и потом крепко заснул.

Не помню, сколько времени прошло, может, месяц, может, два, дядя повел меня в сельскую школу и отдал в первый класс. Наша учительница хвалила и показывала всему классу мой красивый почерк. Начались в моей жизни приятные дни. На дворе бесновался холодный декабрь: то ветер, сырость, холод, дождь, снег, то лед, то грязь! Я ничего не боялся кроме холодных и ненавистных взглядов. Убирал снег, долбил лед на тротуаре, топил печку, заготавливая дрова, исполнял все, что велела хозяйка дома тетя Альмагуль.

После школы часто помогал дяде Мустафе: вместе с ним ухаживал за пушистыми баранами, за мирной коровой с большими и добрыми глазами. Даже вспоминать смешно, я много и долго беседовал с животными, когда оставался с ними наедине. Они отвечали на мои вопросы и рассказывали разные истории, я их прекрасно понимал. Может быть, тогда я разговаривал не с ними, а с самим собой, вторым, внутренним, «я», одному богу это известно...

Вот так и прошла зима. Я научился смеяться и играть с двоюродными братьями, но всегда знал меру. Я был благодарен за то, что донашивал их старую одежду, изношенные ботинки, часто грелся у чугунной печки. Закончив работу во дворе или на улице, в кухню не входил, пока не позовут: «Алишер, ты где?!» За столом, опустив глаза, я ждал, пока не начнут кушать, – как учила мама. Но, несмотря на мои старания, тетя Альмагуль не приняла меня в свою семью. Ее можно было понять: многодетная, и без меня у нее достаточно хлопот. Наверное, поэтому она при мне ссорилась с мужем.

– Он заразит моих детей!

– Да это же только простуда, – машет рукой дядя.

– А от чего умер его отец?

– Не гневи Аллаха!

– От чего умерла его мать?

– От беременности! Оставь в покое мою сестру!

– Он подозрительно кашляет! Свекровь уже на пенсии, пусть заберет его!

Стараниями Мустафы (царство ему небесное!) я прожил там три года. Дядя из-за своей жены тети Альмагуль не ладил с бабушкой, мать и сын годами не виделись. Причину этого скандала толковали по-разному: то ли свекровь дала пощечину невестке, то ли наоборот, точно не знаю. Когда мне исполнилось двенадцать лет, я попрошالся с двоюродными братьями и уехал в город.

Моя бабушка – злая ведьма – как нарекла ее тетя Альмагуль, жила одна в маленьком домике на окраине Ташкента. Да, характер у нее был не сахар, но она безгранично любила меня. Я переселился к ней, и мучениям моим пришел конец. Началось безоблачное детство бабушкиного баловня-любимца. Спрашиваете, почему она меня так баловала? Прошло два года, как скончалась мама, и бабушка никак не могла пережить эту утрату, почти каждую ночь рыдала до утра, ведь она мать, хоть и очень старенькая. После моего приезда сходявшая с ума от горя старуха постепенно возвратилась к жизни, увлеклась новыми хлопотами и, наконец-то, высохли ее глубокие, маленькие, усталые глаза.

Я поступил в школу, в четвертый класс. А бабушка баловала меня, как младенца:

– Мой внук красавец! Отличник! Алишер мой воспитанный! Нет в мире такого мальчика, как у меня!

Бабушкины похвалы возносили меня до седьмого неба, я радостно и самодовольно хихикал. Кривляясь у зеркала, любовался своей смешной внешностью, искал в ней восхитительные черты, хотя так до сих пор ничего и не нашел. Мне чудилось тогда, будто все интересуются мной. «Неужели я первый красавчик в школе? – тайно радовался я, поверив бабушкиным словам. – Конечно, это правда, все смотрят в мою сторону, когда я иду по улице!» Я даже стал стесняться и прятаться от людей. Уверенный в том, что меня любят девушки, учителя и соседи, я начал втайне влюбляться в своих одноклассниц, даже в молодую учительницу русского языка, стал одеваться красиво и стильно. Бабушка моя, для того чтобы поднять мне дух, придумывала всё новые сказки: я и красавчик, и отличник, сильный и прочее. Когда подрос, я понял, что далеко не самый красивый, никто меня не любит и не наблюдает за мной. На самом деле я был хилым плаксою. В школе боялся всех, меня лупили кому не лень, даже девочки. Бах-бах! Удар – и я валяюсь на земле. Вот и вы улыбнулись, Лейла. А улыбка вам очень идет. Улыбайтесь чаще. Люблю, когда люди улыбаются.

Главной причиной моей слабости был перенесенный в детстве рахит. Голова большая, шея тонкая, плечи узкие, руки, ноги худые и длинные, вот вам и красавчик... Часто спотыкался, иногда даже на ровном месте. К примеру, иду где-то задумавшись, неожиданно спотыкаюсь, ударяюсь, а потом кровь да слезы. Вот и повод для всеобщего смеха. Признаюсь, Лейла, я очень боюсь смерти. Вот и сейчас боюсь ее, хотя до смерти устал от всего. Пожить бы на белом свете еще немножко, но это решает только бог. Да, все-таки жизнь такая непонятная штука...

Однажды закружилась голова, я упал во дворе школы, ударился лицом о бетонный тротуар. Пошла кровь из носа и разбитых губ. Увидел много крови и сильно испугался. Подумал, что мне конец, я умру прямо здесь, в школе, и громко заревел:

– Бабушка-а-а-а!

Старших поблизости не было, никто не подошел. Мои одноклассники и другие школьники наблюдали со стороны, удивленно раскрыв рты. Я уловил взгляд любимой девочки, стоящей в толпе зевак. Это была моя одноклассница, Пери. Какой позор! Прикрыв платочком разбитые губы, я побежал домой. Мне было стыдно, и я перестал ходить в школу. Бабушка устала читать мне мораль о полезности науки человеку и человечеству.

– Без диплома ты никто! Все великие люди учились! Ну ты же после моей смерти от голода помрешь! Ты не больной, а лежебока, ленивец, дармоед! Пойдешь в школу или нет?

– Нет, не пойду! Там меня бьют! Смеются надо мной! Я не хочу быть ученым. Не надо...

Бабушка меня пожалела, и я провалялся дома почти полгода. На следующий год первого сентября она отвезла меня в другую школу. До последнего своего вздоха она ласкала и оберегала меня, но пришел час, и маленькая моя опора тоже покинула меня. Вошел утром в ее комнату и...

– Чай будет сегодня, бабушка? – спросил я приветливо. – Эй, бабуся!

А она не проснулась...

Бабушка не смогла перенести смерть дяди Мустафы. После похорон сына сильно упала духом, перестала есть, разговаривать, и через несколько дней ее не стало... Не понимал я ее тяжелый характер – то добрый, то злой. Ведь она до смерти ненавидела дядю. Молви слово о нем – и беги, куда глаза глядят. Но при всем этом она была добрая фея. Она улетела навсегда, а я остался один в этой долгой и недоброй сказке.

Ой!! Боже ты мой милосердный! Опять горит в груди! Горит!! Лейла, дайте мне глоток воды, пожалуйста... Спасибо, Лейла, спасибо... Ох, слава богу, прошло... прошло... Слава Всевышнему за то, что он создал воду...

* * *

А, вот и пришла наша красавица! Спасибо, Лейла, чувствую себя хорошо. Ну что, продолжим нашу беседу или я вас утомил? – О чем же я говорил вчера? Ах да, хотел объяснить, отчего я стал таким робким. Когда беседовал с психологом, он толковал, будто причина в том, что меня беспощадно избивали в детстве, но это не совсем правда. Я просто чувствительный человек – и все. Опять не туда повернул, да? Извините меня, Лейла, я после инсульта стал таким многословным. Давайте говорить по существу.

В тот день по асфальту рекою текли дождевые воды. Я опьянел от вашей красоты и упрямо шел за вами. Мое тощее тело и сердце просто горели огнем. В школе меня прозвали горбун – я сутулился. Желая показаться вам стройным, я поднял голову выше, выпятил грудь и нарочитым басом произнес:

– Прошу вас, возьмите зонт!

Вы резко повернулись.

– Оставьте меня в покое!

Я отступил на шаг и хотел было уйти, но меня удержали ваши сверкающие, как таинственный Кухинур (алмаз Амира Тимура), глаза. Я был поражен этим колдовским сиянием! Во мне все бушевало вопреки моей натуре. Мне было тогда двадцать четыре года, может, весна разбудила горячую молодую кровь. Не знаю... Скорее, мной овладел животный страх потерять вас, а не чувства самца. Я даже не попытался притронуться к вашей руке, боготворя вас, как художник.

– Вы же простудитесь! – уверенно произнес я своим неприятным голосом. – Если с вами случится беда, кого я буду рисовать?!

Не люблю я свой голос, да что там голос, мой смех, лицо и все, что есть во мне, противно, ненавистно мне. С детства не дышу через нос, всегда он как забитая канализация. Окаянный бронхит душит меня вот уже почти тридцать лет. Дышать невозможно, говорить неудобно. Видимо, вам тоже не понравился мой голос.

– Кто вы такой?!

– Я – художник. Если хотите, станем друзьями.

– Сыта по горло такими друзьями!

– Возьмите, говорю, зонтик!

Я проявил настойчивость, буквально насильно всучив вам свой зонтик, и сам удивился: «Неужели это я?»

– Вот прицепился!.. – Вы усмехнулись и пошли дальше.

Зонтик мой в ваших руках выглядел сказочно, ведь под ним шла первая красавица мира. Я, созерцая эту красоту, радостно семенил следом.

– Вы здешний? – спросили вы.

– Да, здешний, – кивнул я. – Если пожелаете, могу пригласить в столовую.

– В столовую? А почему не в ресторан?

– На ресторан денег не хватит.

– Ха-ха-ха-а!

До сих пор у меня в ушах звучит музыка вашего смеха. Я опьянел, сердце дрожало, подобно листку тополя на осеннем ветру. Мы шли рядом, глядя друг на друга. Кажется, я тоже вызвал у вас какой-то интерес, глядя мне в глаза, слегка улыбнувшись, вы спросили:

– У вас девушка есть?

– Нет, а у вас?

– И у меня девушки нет! – рассмеялись вы.

Я спешно исправил свою ошибку.

– Я имел в виду, нет ли у вас парня.

– Надо было так и сказать.

Мы на время замолчали, продолжая путь под зонтом.

– Вы же не ответили...

– На что?

– Есть у вас парень?

– Сватов много, а парня нет. Вы действительно художник?

– Да.

– Нарисуете мой портрет?

– Гм... когда?

– Ну, когда-нибудь...

– Да, нарисую, если хотите.

Я внутренне содрогнулся: «А что если она сейчас же захочет, чтоб я нарисовал ее портрет?! Я – приодетый дворник с рынка, мойщик машин на трассе, пожизненный неудачник, а она – невиданная красавица». Загрохотал гром, дождь усилился. Почудилось, что в меня вселился кто-то, но не знаю кто, ну, скажем, ангел дождя.

«Чего ты дрожишь, дело-то пустяковое, – шепчет он. – За неделю станешь великим художником. Главное, возьми у нее адрес, за остальное не переживай. Во время дождя все желания исполняются. Держи себя увереннее и будь оптимистом. Считай, ты уже художник». Кажется, я был тогда не в себе, или во власти потусторонних сил. Какой здоровый человек, ни разу не державший кисти в руках, объявит себя искусным художником? Убаюканный дождем, поплыл я в океане грез, ошущая себя великом мастером, создающим шедевры. Поклонники и покупатели толпились у двери моего дома, я немыслимо разбогател, построил дворец и подарил его своей пери после нашей свадьбы. Мы были счастливы, у нас родились сын и дочь. Я ласкаю вас, наши дети радостно смеются, прыгают и хлопают в ладоши. Мы тоже смеемся, исполненные родительского счастья...

Шум и громкий сигнал автомобиля рассеяли мои видения. Черная машина резко остановилась между нами. Из нее вышел в черной куртке дородный и мускулистый парень чуть старше меня. Я растерялся, ощутив его колющий взгляд, он был чем-то недоволен. Неприязненно посмотрев на меня, он начал насильно усаживать вас в машину. Вы сопротивлялись, но ваш знакомый был сильным и настырным.

– Отпустите! – кричали вы.

– Хватит! – бесился хищник.

– Все равно я не выйду за вас!

– Надоели мне твои капризы!

– Ой, моя рука!

Первый раз в жизни я набрался храбрости и бросился к вам на помощь, повиснув на железных руках вашего обидчика.

– Вы не имеете права! – дрожа от волнения, бормотал я.

– Кто ты такой?! – яростно протрубил он.

– Кто я?... Это не имеет значения...

– Пошел вон отсюда, чурка!

– Немедленно отпустите ее!

– Не лезь в чужие дела!

Одним ударом он свалил меня на асфальт, затолкал вас в машину и сел за руль. Я встал и подошел к машине.

– Освободите ее! Вы не имеете права!

– Отстань, придурок!

Он вышел из машины и ожесточенно начал пинать меня. От тяжелых ударов закружилась голова, и я упал на асфальт. Вы громко заплакали... Машина уехала. Я, качаясь, еле встал на ноги, вытирая кровь с разбитых губ и глядя на удаляющуюся машину. Косой дождь хлестал в лицо, смывая мои слезы. Я чувствовал себя несчастным и беспомощным. Порывистый ветер старался унести зонтик. Он то катился, то летел вдоль асфальта. Я медленно побрел за ним, догнал и поднял его над головой: «Я найду вас, обязательно

найду. Не выйдете за него замуж. Такой злодей недостоин вас».

В тот день, избитый, промокший, раздавленный, я еле добрал до дома и серьезно заболел. Дней пять лежал в постели в бреду, с высокой температурой. Раньше, когда я болел, мне чудились покойные бабушка и мамочка, в этот раз – вы. Ваше прекрасное лицо заслонило их образы, стерло из памяти. Думы о вас придавали мне сил. Я не видел смысла продолжать работать дворником на рынке и лежал дома, наслаждаясь мечтами о моей ненаглядной красавице. В своих фантазиях, целуя и обнимая ее, даря подарки и бросая к ее ногам весь мир, я совершаю героические поступки. Видя, как меня показывают по телевизору, она бежит ко мне по той самой улице возле большого железнодорожного моста, входит в мой дом, крепко обнимает меня и целует.

Я лежал на кровати, обнимая бархатную подушку бабушки, ощущая оставшийся в почерневшей от грязи наволочке ее запах. Вот уже второй год, как ее не стало. Она тоже лежала на этой кровати, наблюдая за улицей. Я поглядываю на улицу через решетчатое окошко маленького дома, наблюдаю за дождем, бегущими горожанами. Живу одиноко в море людей, спящих, подобно муравьям. Не зря кто-то сказал: «Большой город – большое одиночество». Денег давно нет, даже кусок хлеба. Сосед мой Руслан-ака торговал на барахолке. Я начал продавать ему за копейки бабушкины платья, туфельки и прочее.

Жаждал увидеть вас еще, но показаться вам стыдился. Не сумел освободить вас из рук того злодея, позорно свалился на асфальт, не сумел даже обругать его как следует. Наверное, вы презираете меня за мою слабость. Как теперь посмотреть вам в глаза? Одиночество иногда ведет к великим откровениям, а кого-то сводит с ума. Я, не понимая, что день за днем теряю рассудок, у соседа Руслана-аки взял черный плащ напрокат, надел черные солнцезащитные очки, кожаную шляпу, отправился на место встречи и стал ждать вашего появления. Так начались мои новые приключения. Почти месяц я с утра до вечера, как волчок, крутился на том месте, но вы не появлялись. Утром, позавтракав, иду, наблюдаю за каждой проходящей женщиной, стемнеет – возвращаюсь домой. Меня уже начали узнавать часто бывающие там горожане, глумились надо мной и радовались появлению в городе нового сумасшедшего.

Вечером – телевизор, смотрю фильмы о войне. Драки, избиения, убийства... Других передач не понимаю: когда ведутся какие-то неинтересные разговоры – скучно. Мои ровесники философствуют о жизни: почему рождается человек, почему он живет, что правильно, что неправильно? Я, подражая им, хожу по комнате и, как великий мыслитель, тоже философствую:

– Зачем я живу в этом мире? Ни диплома, ни профессии, ни семьи, ни детей, ни гроша за душой? В чем смысл в моей жизни? Я же могу говорить красивее и умнее, чем эти студенты в телевизоре! Почему я остаюсь в тени? – Тут я вхожу в роль политического деятеля, начинаю вопить: – Когда же прекратятся эти братоубийственные войны? Я вас спрашиваю, товарищи? Куда смотрит ООН? Хватит! Больше не потерплю такого произвола! Перестаньте терзать невинных людей земного шара!

Смешно, да? Но это просто пустяки в сравнении с остальными моими фантазиями. Я многие годы жил образами книжных героев. В детстве мечтал

убежать в джунгли, жить в стае волков, как Маугли. «Мы с тобой одной крови! Ты и я!» – кричал я собаке соседа. В юношестве увлекся фантастикой, часами стоял на крыше нашего сарайчика, подобно капитану Немо, представляя крышу подводной лодкой Наутилус, гордо и смело смотрел вперед, скрестив руки на груди, один за другим побеждая вражеские корабли. Можете смеяться сколько угодно, Лейла!

* * *

Что, сегодня опять новые уколы? Мне они ни к чему уже. Детей оставили, значит соседям, да? Они у вас надежные? Это хорошо, когда соседи хорошие. Близкие соседи лучше родни. А мои соседи были не такими, положиться на них было нельзя. Только один сосед мой, Руслан-ака, был добр ко мне. Он часто выпивал, скандалил с женой, кричал на своих детей, иногда побивал их. Если жена заступится за детей, он и ее начинает колотить.

– Ты с кем гуляла?! Говори! От кого нарожала этих уродов?! Отвечай!

– Ой, убивают! – душераздирающе вопит бедная женщина. – Помогите, люди добрые! Убивают! Мусульмане, помогите-е-е!

А соседи не вмешиваются, они прекрасно знают исход таких разборок. Только я вскакиваю с постели, выбегаю во двор, чтобы помочь, но не решаюсь, боюсь гнева Руслана-аки. Когда он пьян, ему лучше не попадать под руку, потом просит прощения, но это уже ни к чему. Я возвращаюсь в комнату, ложусь на кровать, закрываю уши, чтобы не слышать все это. Через день они празднуют что-то, смеются, включают громкую музыку, танцуют, поют, ласкают детей, радуются гостям. Вскоре, через недельку другую, опять битва. Руслан-ака принимает у горожан макулатуру и сдает на фабрику по производству туалетной бумаги. Я часто захожу к нему, ковыряюсь в макулатуре, выбирая годные для чтения старые книги и журналы.

– Можно я возьму, Руслан-ака?

– Ладно, забирай. Потом вернешь.

Обрадованно ухожу домой. Варю себе невкусные макароны или рис, ем, не чувствуя вкуса пищи, и читаю, читаю... До сих пор помню запах книг и то, как долго и приятно путешествовал с ними по миру. Только было досадно, что вскоре они превратятся в туалетную бумагу.

Много раз занимал я деньги у соседа после кончины бабушки, даже спутался в подсчете. Однажды Руслан-ака потребовал вернуть долги. Я почесал затылок и пожал плечами...

– Совсем нет денег? – нахмурился он.

– Да...

– Что будем делать?

– Не знаю...

– Продай мне половину двора.

– А вы сверх долга дадите доплату?

– Само собой.

– И много это будет?

– Разбогатеешь.

Подумав недолго, я согласился на его предложение. Сосед мой оттяпал у меня полдвора, построил новую стену. И без того тесный мой дворик стал

совсем маленьким. Выйдешь из комнаты – а перед носом высокая кирпичная стена. Но я получил от соседа приличную доплату и положил деньги в бабушкин чемодан. Замок старого дерматинового чемодана был сломан, поэтому я спрятал его под кровать. Теперь ем яйца, колбаску, сосиски, сыр, запиваю кофе с молоком и сахарком. В кармане ношу пачку денег на случай, если встречу с вами.

И вот однажды я почувствовал, что забываю ваше лицо. Это очень напугало меня. Я взял карандаш, чистый лист бумаги и начал рисовать ваши брови и глаза. С божьей помощью сумел запечатлеть на бумаге черты вашего лица. Я серьезно увлекся своим занятием, купил этюдник, краски, бумагу и начал рисовать, часто заглядывая в книгу «Изобразительное искусство». Бессонными ночами я работал много и долго, готовил краски своим методом. Ваш прекрасный образ постепенно стал оживать на полотнах. Я был в восторге от самого себя. «А что я говорил тебе! Вот видишь, ты можешь совершать чудеса!»

Как-то вошел сосед Руслан-ака и застал меня за этюдником. Сначала громко смеялся, потом посмотрел на картины и надолго замолчал. Я взволнованно наблюдал за ним. Это был мой первый ценитель.

– Ты художник? – спросил он.

– Да, – кивнул я уверенно.

– А почему я не знал?

– Не люблю хвастать.

– Кто она?

– Лейла.

Вот так я дал вам имя. А сосед немножко постоял за спиной, изумленно наблюдая за моей работой.

– Великолепно! Глаза у нее чудные! Как живая! С ума сойти!

Сосед ушел, а я радовался, услышав первое признание своего мастерства. Тот разговор приободрил меня, внутренний голос стал диктовать более уверенно: «Что я говорил? Запомни раз и навсегда: ты гениальный художник. Люди искусства рождаются однажды и редко... Работай над собой, не падай духом. Ты создашь неповторимые шедевры, прославишься на весь мир, и Лейла сама разыщет тебя».

Я поверил в эту чушь, купил мольберт, продолжал рисовать и воображать себя гениальным художником. Много читал об искусстве и знаменитых людях, запоминал и повторял их умные слова:

– Наш учитель нидерландский художник Ван Гог говорил: «Если ты художник, тебя принимают либо за сумасшедшего, либо за богача». Поэтому мы, художники, не обращаем внимания на слова простоллюдинов.

Хотя, куда мне было тогда до художника: ничего не умел, малярил по-своему. Однажды все свои картины разложил по комнате. Их было более сорока разного формата, на всех вы изображены на синем фоне. Мне не понравилась такая строгость. Решил изменить фон на ваших портретах. Взволнованно переоделся, взял свой мольберт и пошел по городской улице, подобно профессиональному художнику. Все с интересом смотрели на меня и на мой мольберт. Черный плащ мой и шляпа тоже немало привлекали прохожих. Установил я мольберт на краю дороги и начал рисовать за вашим изображением большой железнодорожный мост. «Пройдет по улице Лейла, –

думаю, – сразу же узнает меня!» Жду вас вот уже два месяца, ишу, молю Бога – все напрасно...

Сначала меня окружила кучка детей, потом присоединились взрослые зеваки. Они с восхищением разглядывали ваш портрет, а я волновался – как они отреагируют на мою работу?!

– Ух ты! Смотри на ее глаза!

– Вот глазища, да!

– Волосы очень красивые!

– Она не человек, а пери!

– А парень немножко того!..

– Да у него крыша поехала.

– Ему делать нечего!

– Да, точно!

– Ха-ха-ха-а!

«Где умирает надежда, там возникает пустота», – писал великий Леонардо да Винчи. Я рисовал большой мост, будто не обращая на зрителей внимания, но ликовал в душе, слыша их разговор и смех. «Они не замечают, что я не художник!» Даже насмешкам этих зевак я был рад в вакууме моего одиночества. «Пускай смеются, – шептал мой ангел. – Ты – гений. Этот мир создан для тебя. И твоя Лейла, и эта улица, и этот мост – все это создано ради тебя, чтобы ты создавал свои шедевры».

Каждый божий день хожу на свое место, стою у мольберта, воображая себя художником. Я весь превратился в глаза, жил, как в зале ожидания, грустно вздыхая, вглядываясь вдаль, поджидая свой поезд. Но вы исчезли, как в воду канули.

Последние мои работы стали более интересными. Спустя несколько месяцев я стал рисовать все подряд. Художник-самоучка рисует по-своему, для него нет законов, правил. Однажды, стоя у мольберта, я увидел, как на дороге сломалась грузовая машина, и начал изображать на ватмане машину и ее чумазого водителя. Бедняга водитель мучился со своим драндулетом больше часа. Как ни старался, машина не заводилась, он в гневе захлопнул капот, нервно закурив, подошел ко мне и увидел картину, на которой его машина и он сам с ключом в руках лежит под ней.

– Зачем ты меня рисуешь? Что, делать нечего, да? – завопил усталый шофер, – потом улыбнулся и покачал головой. – Ну ты даёшь! Надо показать моей жене. Пусть знает, как я пашу на работе.

Краски и бумага кончались, надо было закупать снова. Открыл бабушкин чемодан, хотел взять немного денег, но там их не оказалось. В глазах потемнело, судорожно начал шарить по комнате. Нет, нигде нет! Ограбили! «А может их взял Руслан-ака? – подумал я. – Ведь кроме него никто не знал о деньгах? А что если ему понадобились деньги?»

Когда я пришел, Руслан-ака упаковывал макулатуру. Я не посмел спросить его о моих деньгах. Если он не брал – обидится. Поэтому, поздоровавшись, я вздохнул и погрузился в длительное молчание. «Дай-ка подожду немного, – думаю, – если он взял, сам расскажет».

– У тебя все нормально, художник? – спросил он.

– Да, нормально.

– Зачем пришел?

– Я... просто так... просто...

– Если хочешь поковыряться в макулатуре, пожалуйста, возьми что хочешь. Для друга ничего не жалко.

– Нужны деньги... – мне стало душно. – Сегодня открыл бабушкин чемодан, а там их нет...

– Что, кончились? – отвел он взгляд.

– Нет, кто-то их взял.

– Да ну?!... Если подозреваешь меня...

– Нет, нет... что вы? Боже упаси... вы же мой благодетель...

– Если нужны деньги, могу одолжить.

Я промолчал, пристально глядя ему в глаза, а он отвел взгляд. Мне стало не по себе и, глубоко вздохнув, я промямлил:

– Ладно, одолжите мне немного... если можно...

С пачкой денег вернулся домой, поблагодарив его за щедрость. На деньгах я заметил следы масляной краски и подумал: «Мои... Они испачкались, когда их пересчитывал. Но грех бездоказательно подозревать человека в воровстве. Руслан-ака сделал мне столько добра! Нет, вряд ли он, тем более он недавно что-то красил в доме».

* * *

Мне сегодня немного лучше, Лейла. Давайте я расскажу вам о госпоже зиме. В мечтах и мыслях о вас прошли лето и осень, снова наступила она – суровая госпожа зима. Как говорила моя бабушка, зима – злая подруга. Летом как-нибудь провертишься, а с зимой шутки плохи. Когда мы с мамочкой жили у отчима, зима нас тоже жестоко наказывала, мы сильно мерзли и болели. Берегите своих детей от холода, все болезни начинаются в детстве. Холод – страшный враг: в эту зиму не смог убить тебя, в другую сделает свое черное дело.

Пришлось продать бабушкин телевизор, вырученного не хватило и на месяц. В ту зиму уголь и дрова очень подорожали. Печку топить нечем, электроплиткой пользоваться – предохранительные пробки не выдерживают. Голодный и холодный декабрь прошел в адских муках. У соседа денег занимать не посмел, и без того по уши в долгах. Рисовать перестал – руки зябнут, в комнате изо рта пар идет. Налить чай в стакан – он сразу остывает, а через час замерзает. Простудил голову, боль как ножом по щекам и ушам режет. Макаю в кипятком сухари, плача, жую и со стоном глотаю. Зубы начали шататься, один за другим выпадать, десны ныть, кровоточить. Лежу в постели, укутавшись в одеяло, и плачу от обиды, что родился таким ничтожным, слабым неудачником.

В новогоднюю ночь я съел полбуханки хлеба с кипятком, надел пальто и вышел на улицу прогуляться. Иду, шатаюсь, как дряхлый старик, переходить улицу побаиваюсь, сгорбившись стою на краю дороги. Думаю: «Зачем мне переходить улицу? Что там буду делать? Для чего? Чего я там потерял?» Потом медленно по тротуару пошел назад.

Народ ликует, встречает Новый год, люди поздравляют друг друга, обнимаются, целуются, хохочут, кричат. Дети бегают и шумят от радости. Одна женщина с детками оказалось рядом со мной.

– Зимой очень хорошо! – говорит ее девочка.

– А ты не замерзла? – спрашивает мать.

– Нет, ни капельки!

Предполагал, что немного согреюсь, если погуляю, вышло наоборот: стал мерзнуть, чихать и кашлять. И холодно, и голодно, и до дому далеко. Еле добрался домой, постоял у своей двери, не знаю что делать. «Займи денег у соседа, и не думай ни о чем, – подсказал внутренний голос. – Если заболеешь и умрешь, все равно твой дом останется чужим людям. Заложи дом и займи деньги. Скоро станешь великим художником – вот и вернешь соседу долг».

Я так и сделал.

– К весне отдашь, – предупредил Руслан-ака.

Теперь опять возобновилась моя творческая жизнь. Бабушка когда-то выкинула на чердак конопляные мешки. Они пригодились мне на холсты, я натягивал их на рамки, грунтовал клеем и краской.

– Да, однако, у тебя умелые руки, – похвалил Руслан-ака.

– А что, если мне пойти в ученики? – посоветовался я.

– Никуда не ходи, художники тебя сломают.

– Как это «сломают»?

– Все художники враждуют меж собой, могут тебя убить.

– Да ну?

– Ты сам все умеешь, зачем тебе учитель? Твори, художник, сколько угодно...

«На самом деле, – согласился я с ним. – Сделать холст – для меня дело плевое. Главное, что и как изобразить на холсте. На нем душа художника отражается. Нет, не пойду в ученики». Я был наивен, как ребенок. Мечтал о нашей совместной жизни с вами, о своей карьере в изобразительном искусстве. Слушал по радио музыку, жил уже без телевизора, а в голове вихрились глупые мысли.

Вот придет весна, я открою выставку у своего дома. Про меня узнают журналисты, начнут писать в газетах, говорить по радио, сбежится вся интеллигенция страны и будет восхищаться моими картинами. Представлялось, как меня окружает толпа ученых и корреспондентов: камеры снимают, фотоаппараты шелкают, передо мной микрофоны и диктофоны. Я стеснительно улыбаюсь, не зная, что сказать, скромно киваю головой. Ученые, искусствоведы плачут, обнимают меня и друг друга. Молодые поклонники дарят мне цветы.

– Что это за безобразие, друзья! – восклицает ученый искусствовед, произнося речь у моей двери. – Ведь он же гений! Куда мы смотрели?! Куда смотрела пресса?! Почему о нем раньше не говорили?! Почему такой великий человек прозябает в бедности в этой лачуге?! Родина должна знать и ценить своих героев! Смотрите на его работы! Это же волшебство, а не художество! Я горжусь тем, что живу в одну эпоху с этим великим человеком! Ура великому художнику, друзья, ура!

Аплодируя ему, поклонники подхватывают:

– Ура-а-а!

А улыбка вам идет, Лейла, очень идет. Жаль, сейчас не могу взяться за кисть... Мона Лиза покорила весь мир своей едва заметной улыбкой. Когда смотрю на нее, думаю: «Она улыбалась, или это лишь только мгновение ее

жизни, обреченное на вечность гением Леонардо да Винчи? Леонардо до своей кончины не расставался с портретом Лизы, может, он и в самом деле был влюблен в нее, как ваш покорный слуга в вас...»

Мечта... мечта... Кончилась зима, наступила оттепель. Зима забрала с собой почти половину моих зубов, вошел в нее молодым, а вышел стариком. Моим потерям не было конца. Весной меня ожидала еще одна неприятность.

– Когда вернешь деньги? – спросил однажды Руслан-ака.

– Не знаю, – задумался я.

– Мне они нужны.

– У меня ничего нет.

– Продай дом.

– Дом?

– Ты столько занял!..

– Много?

– У меня все записано! – вскипел он. – Твой долг превышает стоимость дома! Или ты считаешь меня аферистом?!

– Боже упаси, – смутился я. – Вы добрый человек. Я благодарен вам...

– Раз так, оформляй дом на мое имя, Алишер, – велел мой благодетель. – Я тебе еще приплачу. Короче, снова разбогатеешь.

Куда мне было деться, я согласился. Мы составили документ о купле-продаже дома. Сосед мне доплатил еще несколько тысяч, и я подписал все документы. Руслан-ака последний раз протянул мне руку помощи. Он снял для меня квартиру, я поблагодарил его и со своим барахлом переехал в микрорайон.

Квартира была на четвертом этаже. Из окна можно было видеть далеко лежащие пригородные районы, зеленые холмы, а за ними – голубые горы. Утром был виден восход, вечером – закат солнца. Бывало, присяду на стул, положу локти на подоконник и часами смотрю на простор. Душа радуется от такой широты, от серебряного безоблачного неба. Я установил мольберт и возобновил свое подпольное творчество.

Хозяйка тетя Роза, по прозвищу госпожа Центнер, имела три квартиры, одну я занимал, вторую, расположенную в соседнем квартале – приезжие из областей студентки, а в третьей (не знаю где она находилась) жила сама хозяйка. Это была полная, грудастая и очень злая женщина. Ее раздражали мои картины, развешанные на стенах.

– Что ты сделал с квартирой, дурак?! – орет она. – Сколько гвоздей вбил в стены?! Я тебя спрашиваю, чего молчишь, негодяй?!

От утомления качаюсь, как тополь на ветру, высохший язык не поворачивается во рту, и, заикаясь, лепечу:

– Я... это... пот... потом поправлю, тетя Роз... Роза...

Госпожа Центнер в начале месяца приезжала за квартплатой. Посчитав деньги, разгневанно швыряла их мне в лицо и кричала:

– Сейчас же освободи мою квартиру, мошенник!

– Что такое, тетя Роза? – боязливо спрашиваю я.

– Вон отсюда!

– Чем же я провинился?

– Пересчитай деньги, дурак!

– Извините...

Торопливо собираю деньги, пересчитываю – не хватает рублей двух-трех, смущаясь, добавляю недостающую мелочь.

– Со мной такие фокусы не пройдут! – она нервно вырывает деньги из моих рук и уходит.

Я тогда боялся всего: тети Розы, большой собаки соседа, пьяных людей у пивного ларька, но самое главное – боялся остаться без крыши над головой. К несчастью, тетя Роза часто приходила проверять состояние своей квартиры. Хозяйка ворчала так много, что от ее неприятного голоса гудело в ушах, кружилась голова, чтоб не упасть, я присаживался на стул или опирался на стену. Слышу ее голос во дворе – слабеют ноги, ком в горле образуется. Тихо на цыпочках иду к окну, выглядываю во двор, чуть сдвинув занавеску, ее зоркие глаза сразу же замечают меня. Быстро задергиваю занавеску и молюсь: «О Боже, сделай так, чтобы она сегодня не пришла ко мне!» К сожалению, через время звенит звонок, затем раздается громкий и настойчивый стук, предвещающий неприятности. Я, спотыкаясь, бегаю по квартире, наводя порядок в комнате и на кухне, потом подхожу к двери и смотрю в глазок. А там отвратительное лицо хозяйки, похожей на тетю Альмагуль, жену моего дяди Мустафы. Открываю дверь и здороваюсь, кланяясь и улыбаясь.

– Добро пожаловать, тетя Роза...

– Чего медлишь? – начинает она свой допрос, душераздирающим павлиньим голосом. – Чего долго не открывал? Чем тут занимался? А? Я тебя спрашиваю!!

– Извиняюсь, но я...

Она входит в квартиру, проверяет комнаты и кухню.

– Открой глаза пошире, маляр!

– Хорошо.

– Со мной такие фокусы не пройдут!

– Понял.

– Чтоб у меня тут была чистота! Полы и стены не пачкай!

– Ага.

– Не работай вонючей краской, квартира провоняет! Ты понял меня?

– Ага.

– Отвечай как следует!

– Да, я понял.

– Вот так-то! Со мной такие фокусы не пройдут!

Три месяца жил я в той злосчастной квартире, рисовал пейзажи и портреты разных людей, самого себя и, конечно, вас, даже наших с вами детей изобразил масляными красками. Если поправлюсь, Лейла, я покажу вам те картины. Думаю, они и вам понравятся.

* * *

Знаете, Лейла, сегодня до вашего прихода вот о чем я думал. Слишком щедро я открываю вам все свои секреты, а вдруг вы откажетесь со мной дружить? Вам не кажется, что вы беседуете с явным мошенником? Нет, да? Спасибо за дружбу, Лейла. А мне думается, все похоже на мошенничество. Я начал свою карьеру со лжи. Я был наглым самозванцем, объявил себя профессиональным художником.

– Алишер-ака, как вы относитесь к порнографическим рисункам? –

спрашивает меня продавец магазина.

– Отрицательно, – важно отвечаю я.

– А насчет карикатур что скажете?

– Банальных вещей не люблю.

По вечерам возле нашего дома гулял старый поэт. Я познакомился с ним и обрел приятного собеседника. Мы часто и долго беседовали с ним под высокими чинарами.

– Запомните это, Алишер, – говорил поэт. – Искусство – болезнь. Раньше я скептически относился к этому. А сейчас – нет. Я в молодости приехал в столицу, оставив в горном селе родных и близких. Что-то волшебное, думал, совершится со мной в будущем, но, к сожалению, ничего не произошло.

– Вы же прославились! – удивляюсь я.

– И что с этого? – усмехается он. – Меня ожидает сейчас только смерть, а здесь ни родных, ни верных друзей. Даже трудно вспомнить молодость, потому что она осталась в горах. Вы стремитесь к славе?

– Да, хочу стать гениальным художником.

– А вы верите в себя?

– Иногда да.

– «Если не верить себя в самого, нельзя быть гением», – писал Бальзак. Вы верьте, уверенно занимайтесь своим делом и обязательно станете тем, кем вы хотите стать. Но скажу одно: вам ото всего этого никакой пользы не будет. Вас ожидает безмерный труд, бессонные ночи, ревнивые современники, сплетни и великое одиночество.

Однажды пришла хозяйка и начала, как всегда, кричать на меня, и тут появилась студентка Дильбар. Вторая квартира хозяйки находилась в соседнем квартале. Она жила в той квартире, тоже занималась живописью. Дильбар заступилась за меня.

– Что, госпожа Центнер, с жиру беситесь, да?! Чего вы издеваетесь над художником?! Уходите прочь! А то напишу куда надо о том, какие деньги вы зарабатываете, утаивая государственные налоги!

Тетя Роза мгновенно угасла, виновато кивнула и ушла.

– Спасибо вам, Дильбар, вы очень кстати, – поблагодарил я студентку.

– Почему вы ее боитесь, дядя Алишер?

Я тогда выглядел лет на двадцать старше своего возраста. Поэтому она называла меня дядей. А в сущности Дильбар только на пять лет младше меня.

– Деньги у меня заканчиваются, – вздохнул я.

– Устройтесь на работу.

– У меня диплома нет, я нигде не учился.

– Тогда продавайте свои картины.

Рано утром она привела меня в парк культуры, где собираются художники. Столько там картин изяшных – глаз не оторвешь! Искусство не отпускает посетителя, смотреть на картины – одно удовольствие, а быть владельцем, если ты при деньгах, – вечное счастье. Если ты в окружении этих картин, статуэток – значит живешь в волшебном мире. Я первый раз в жизни оказался среди чужих фантазий. Иду, ненасытно разглядываю картины, никак не могу оторваться.

– Остановитесь здесь, – сказала Дильбар. – Вот тут откройте свои

картины. Не продавайте дешево. Я опаздываю в институт. До завтра, дядя Алишер.

– Дильбар?

– Слушаю вас?

Мне стало неудобно.

– А как я домой... вернусь?

– Что? Вы боитесь заблудиться?!

– Да ну... давно я здесь не был.

– Хорошо, – вздохнула она. – Я после обеда приду и заберу вас. Вы только дождитесь. Деньги есть у вас?

– Есть...

Она ушла. Я долго стоял сконфуженно, стыдился здешних художников. Могут и прогнать, ведь везде конкуренция. Все-таки осмелился развернуть четыре свои картины. Никто не подходил ко мне, не обращал на них внимания. Все были заняты своими делами. Рядом был универмаг, а у двери стояло зеркало. Я походил туда-сюда, внезапно увидел в зеркале свое отражение и вздрогнул. Напугал меня вид горбатого беззубого уродца. «Ой, Бог ты мой милосердный! Я ли это?! В кого я превратился? Что со мной творится? Я же за один год постарел на двадцать лет! А если Лейла увидит меня в таком виде?! Какой кошмар! Куда мне спрятаться, если она будет проходить здесь? Боже мой!»

Прошел час или два, появился хорошо и модно одетый парень, почти мой ровесник, поздоровался со всеми. Я слышал, что друзья называли его Фаррухом. Художники подставили ему стул, как уважаемому человеку, налили чай из термоса. Он уселся,пил чай, беседовал с ними. Я присел на бордюр тротуара возле своих картин. Фаррух посматривал в мою сторону, через некоторое время подошел ко мне и спросил:

– Кто ты, приятель? Не алкаш?

– Нет, я не пью.

– Художник?

– Да, любитель.

– Стиль твой «примитивизм»?

Не понимал я тогда сложных терминов. Не хотелось показаться ему неграмотным, и я ответил важно:

– Да, конечно, «аутизм».

– Шутник, значит? Давай-ка посмотрим твою мазню.

– Пожалуйста, можете купить, дешево отдам.

Он увлеченно пересмотрел мои пейзажи, потом кивнул.

– В этюднике что?

– Это личное... не продается...

– А ну покажи! Не жадничай, давай!

Там был ваш маленький портрет, он увидел его и остолбенел.

– Да нет, дорогой ты мой, не примитивизм это, а настоящая живопись.

Как тебя зовут?

– Алишер.

– О, великое имя! А я Фаррух.

– Очень приятно.

– Где твоя мастерская?

– Я рисую дома.

– У меня есть водка, пригласишь в гости?

– Я не пью, и... у меня там пусто.

– Это не проблема, – улыбнулся он. – Не стесняйся, хороший художник – голодный художник. Поехали к тебе!

– Только после обеда, – пожал я плечами.

– Почему после обеда?

– Я не помню дорогу, три раза пересаживались. Вот Дильбар вернется с учебы и проводит нас ко мне.

Фаррух улыбнулся и похлопал меня по плечу.

– Пойдем тогда покушаем.

– У меня денег нет, сперва надо продать рисунки.

– Оставь их. Сегодня людей мало, торговли не будет. Пойдем, пойдем, я угошаю, – торопил он и обратился к своим друзьям: – Эй, халтурщики, если покупатель придет, эти картины по тысяче рублей.

– Понятно! – ответили они.

Мы вошли в кафе. Фаррух заказал первое, второе, двести граммов водки и напитки. Он пил и курил, я с аппетитом ел, а потом заснул в кресле.

– Извините меня, – смутился я, приоткрыв глаза, – кажется, задремал...

– Ничего, – до слез затягивался он сигаретой. – Знакомая картина, ничего, приятель.

После обеда пришла Дильбар. Она проводила нас до моего дома. Познакомилась по дороге с Фаррухом, попросила помочь мне и ушла к себе. Фаррух вошел в съемную квартиру, увидел больше ста картин, развешанных по стенам, и воскликнул:

– Алишер! Это же подлинный сюрреализм!

Толком не понимая значение этого слова, я кивнул:

– Да, все реализм.

Ваш покорный слуга в те времена просто рисовал то, что придет в голову. Мои бредовые работы были «сюрреализмом». На одной картине вы спите в образе Дюймовочки в бутоне лотоса, а тот злодей, отобравший вас у меня, – в образе дьявола. Из рта злодея пышет огонь, готовый спалить вас и вашу почивальню – бутон лотоса. А я, подобно облаку, плаваю в небе, мои слезы льются, как дождь, и спасают вас от огня. Остальные картины в том же духе. Вы – луна, я – солнце, наш ребенок – земля. А тот злодей – комета, вестник несчастья.

Фаррух посмотрел почти все мои картины, затем с почтением пожал мне руку, обращаясь на «вы».

– Поздравляю вас, учитель, вы гений. Очень рад знакомству.

– Да нет, что вы...

– Излишняя скромность – почти высокомерие. Это ни к чему.

– Вы находите? Я и вправду художник?

– Конечно, учитель! – уверенно ответил он и указал на одну картину. –

Смотрите, какая красота! Никто не может, как вы, увидеть великую красоту, созданную господом Богом. Снежинка, дождевая капля, солнце и слезинка на реснице... И везде глаза... Что они означают?

– Означают долгую разлуку влюбленных, – вздохнул я.

– Значит, они четыре сезона не виделись?

– Да.

– Изумительный рассказ акварели... Бог – великий художник, а потом вы, учитель.

– Бог – художник, говорите?

– Конечно, в Коране так написано.

– Посмотреть бы на его работы.

– Вот его работы, – Фаррух открыл окно и кивнул на зеленый город. – Полюбуйтесь, великий художник начал рисовать летний пейзаж. Он недавно закончил свою картину весны.

– Да! – я с волнением смотрел на летний город.

– Ваше место не здесь, – сказал Фаррух, – а в другом мире. Я уведу вас отсюда.

– Но я ишу свою любимую, Лейлу. Я должен ее отыскать, я не могу жить без нее.

– Вы быстро прославитесь, она сама найдет вас.

– Да? Правда?

– Естественно.

Его обнадеживающие слова обрадовали меня. В душе пламенело желание быстрее прославиться и еще раз увидеть вас. «Безусловно, ты станешь гением, если захочешь, – прозвучал внутри голос моего ангела. – Ты убедил Фарруха в том, что ты художник. Остальные тоже никуда не денутся. Ты теперь владеешь необходимыми навыками, и это очень важно в искусстве. Дерзай, друг мой, я всегда рядом. Положись на меня». И я ушел с благодетелем, посланным мне Богом.

В первый раз, войдя в его мастерскую, я растерялся, увидев незнакомый мне инструментарий и крупные полотна. Я не знал, как и что называется, как используется, не понимал разговоров Фарруха с его учениками. Но, как ни странно, я мгновенно стал улавливать мысли моих коллег, интуитивно выполняя свою работу.

Благодаря моей любви к вам, Лейла, я превратился в настоящего художника. Началась моя активная жизнь в искусстве, я стал жить в достатке, даже в роскоши. Фаррух снял мне шикарную квартиру в центре города. Он и сейчас меня «учителем» зовет, на самом деле наоборот – не я, а он мой учитель.

Однажды в мастерскую пришел заказчик. Он и Фаррух беседуют о новом заказе, а я сижу с бумагой и карандашом в сторонке, слушая их разговор и набрасывая эскиз по предлагаемой теме заказчика. Фаррух, посмотрев на мой набросок, улыбнулся.

– Гениально, учитель!

– Вот-вот! – согласился гость. – Начинайте по этому эскизу!

Так и раскрылись мои способности. Иногда за неделю я создавал по две картины и продавал прямо из мастерской. Много было заказов, я вовремя выполнял их, оттого заказчики, продавцы, деятели культуры часто посещали меня. Фаррух неустанно рекламировал мои работы, благодаря его щедрости год от года я становился все популярнее. Издательства, кинокомпании,

театры, путешественники, юбиляры – кому я только не рисовал. Мои картины увозились во многие страны. Европейские туристы больше интересуются изобразительным искусством и щедро платят за наши труды.

Приехавшая из области студентка Дильбар, окончив институт, осталась в Ташкенте. Ее отец, человек состоятельный, хотел забрать ее домой, но она не захотела уезжать. Сейчас Дильбар мало рисует, она ответственный работник, работает в министерстве культуры. Мы с ней почти каждый день видимся. Она тоже подарок мне от Бога, я благодарен ей за все. Поклонница искусства перевопитала меня, изменила до неузнаваемости. Водила меня к докторам, отправила в санаторий.

Я с детства боюсь зубного врача, а она насильно втолкнет, бывало, меня в кабинет, где ждет палач в белом халате, с инструментами пыток.

– Учитель, возьмите себя в руки! – велит Дильбар. – Как вам не стыдно!

После лечения она занялась моим гардеробом. Я стою у большого зеркала, сам себя не узнаю. Зубы из платины, коротко стриженные волосы, бритое лицо, белая рубашка, черный костюм, новые туфли, короче, я словно жених перед свадьбой.

– Видите, какой вы джигит! – поправляет мой парчовый галстук Дильбар. – Поднимите голову выше, еще чуть выше. Расправьте плечи, не надо горбиться. Не стоит забывать об осанке. Держитесь еще прямее.

– Куда уж прямее, – усмехаюсь я. – Горбатого могила исправит.

– Я ваша могила, я исправлю вас.

– Куда мне из грязи в князи...

– Не упрямитесь, все князи из грязи.

Не стану врать – мне понравился мой новый облик. «Вот в таком виде встретиться бы с Лейлой! – думал я, глядя в зеркало. – Она, не задумываясь, осталась бы со мной, наверное!»

Горя желанием увидеть вас, я сел в такси и поехал туда, где мы с вами встретились когда-то, погулял, сфотографировал железнодорожный мост, когда по нему проезжала электричка. Вы так и не появились... К вечеру вернулся домой, надо было работать, заказов много.

Иногда ненавижу себя, свой характер, свои глупые поступки. Прошло двенадцать лет, а я ни разу не ходил на могилу к бабушке, а где могила мамочки даже не знаю, не говоря о покойном дяде Мустафе. Да, Лейла, вот такой я неблагодарный сирота. Ничего не умею, кроме рисования. Десять лет жил, ожидая вашего прихода. Как все это глупо, надо было искать вас, а не ждать.

Когда делаю одно, забываю другое.

– Что ж вы делаете, учитель?

– Работаю, Дильбар.

Не обращая на нее внимания, грунтую холст. Дильбар глянет на мой испачканный красками или клеем костюм и вздыхает.

– Что вы наденете на творческий вечер?

– Ладно, Дильбар, потом, потом.

– Хоть пообедали сегодня?

– Ладно, ладно, больше не буду.

Столько лет жила эта девушка рядом со мной, ходила по пятам, зашишала, ухаживала, а я даже не замечал, что она влюблена в меня. Смешно.

Дивные судьбы, непонятный мир, непонятные люди...

– Не нравится мне ваша Лейла! – заплакала она однажды. – Ненавижу ее! Вот увидите, когда-нибудь продам все ее портреты за копейки!

– Не смейте! – вопил я в испуге. – Лейла – смысл моей жизни!

– Это я смысл вашей жизни. Я люблю вас, а не она.

Сердцу не прикажешь. Я не мог любить ее, она для меня была просто родной сестренкой. Дильбар, Фаррух и я спустя годы стали признанными деятелями культуры, получили многочисленные сертификаты, дипломы, премии. Мы часто бываем в обществе знаменитых ученых и художников, артистов и композиторов. На собраниях или вечеринках я волнуюсь и оглядываюсь по сторонам. Этих людей видел когда-то только по телевизору, читал их книги, статьи в газетах. Теперь, сблизившись с ними, я понял, что они обычные люди, весьма простые и добродушные, многие из них очень скромны и даже несчастны. Они уважают меня и любят таким, каков я есть, душевно и искренне беседуют со мной.

– Где вы обучались, Алишер?

– Нигде.

– Скромничаете, да?

– Я самоучка, обманывать грех.

– Раньше кем работали?

– Дворником...

Дильбар или Фаррух чуть заметно поднимают указательный палец, шурят глаза.

– Учитель любит шутить.

Все кивают головой, и улыбаются.

– Он прекрасный художник.

– Светлый парень.

– Желаем ему удачи!

Такие признания великих вдохновляют меня, прибавляют сил. Стараюсь быть достойным лавров, посланных мне судьбой. Читаю, пишу, рисую день и ночь. Картины, эскизы, иллюстрации, киносценарии, пьесы, книги...

– Сколько человек работает в вашей бригаде? – удивляются издатели.

– Какая бригада? – пожимаю плечами. – Это моя личная работа.

Режиссер театра придет в мастерскую, бросит пьесу на стол и вздохнет:

– Дела мои плохи, мастер. Через месяц презентация, а художник театра даже не читал материал.

За пару дней эскизы для декорации готовы, а режиссер удивленно крепко обнимает и, обрадованный, уходит.

– Боюсь за вас, учитель, – горюет Дильбар. – Вы сжигаете себя.

– Все нормально, Дильбар, – говорю я уверенно. – Не беспокойтесь.

– Не утомляйте себя так, это добром не кончится.

– Я отдыхаю, когда работаю.

– Душа моя чувствует беду, надорветесь, учитель!

Так прошли годы. Жил среди людей, но был одиноким. Я только работал и думал о вас. Иногда чувствую в душе пустоту, хочется взбунтоваться, уйти куда-нибудь, найти вас, Лейла. «Опять фантазируешь? – говорит мой

внутренний голос. – А помнишь, как голодал, замерзал, как остался на улице? Ты работай, художник, больше ни о чем не думай».

Художник... У нас мало кто мечтает стать художником. Художник в мусульманском мире как инопланетянин, невесть откуда взявшийся. По этой причине образы наших предков канули в лету. Миниатюры Бехзода передают нам лишь органику славной и трагической жизни в прошлые века и только. В начале двадцатого века возобновилось изобразительное искусство восточного уклада. По иронии судьбы я оказался в этом потоке.

До сих пор я продолжал творить, работал неустанно. Был художником в трех кинофильмах, создал два мультипликационных фильма для детей, иллюстрировал десятки книг. Меня стали звать на телевидение, семинары, форумы... Я узнал, что художники бывают разные: одни рисуют и годами молчат – словечко не вырвешь, другие пьют, много говорят, важно философствуют, надоедливо хвастаются, есть и такие, как я, с приветом. Я в обществе быстро теряюсь. Не умею произносить речи.

– Да здравствует милосердие! – говорю, стукнув кулаком по трибуне, и начинаю заикаться как в детстве. – Да здрр... Да здрр.. Да здравствует человечество! Да здравствует искусство!

Потом, почесав голову, постою немного и ухожу. Смеются в зале надо мной, и я смеюсь, а что делать? Если кому-то нравлюсь, пусть принимает меня таким, какой есть, если не нравлюсь – невелика беда.

Однажды меня пригласили на детскую олимпиаду в состав жюри. Дали микрофон для объявления итогов, а я разволновался и внезапно запел свою любимую с детства песню. Эту песню мы с бабушкой часто певали дуэтом.

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо.
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я!

Хотел спеть до конца, но операторы отключили микрофон, все стали аплодировать. Я очень люблю детей. По телевизору показывают войны, межгосударственные конфликты, революции. Мужчины совершают подвиги, а женщины и дети страдают и плачут, вот тогда я и думаю: «Кому нужен такой героизм? Не переношу таких сцен, сердце не выдерживает, плачу. Поэтому мой телевизор работает только тогда, когда приходит Дильбар. Фаррух тоже не переносит телевизор.

Никогда не писал я кровавых сцен (войны, взрывы, драки, одним словом, жестокость), потому что я прекрасно знаю, на что способна кисть художника. Мистические истории в творчестве многих художников влияют даже на великие умы. Поэтому мои картины возвышенные, праздничные, иногда грустные. Да, признаюсь, я сентиментальная личность, хотя моя судьба не столь уж горька. Сколько на свете убогих, незрячих, глухонемых, калек без рук, без ног. Грех мне жаловаться. Меня терзала лишь разлука с вами, всегда жаждал встречи.

* * *

Как дети, Лейла? Проводили их в школу? Молодец! Вы настоящая мать,

преданная, заботливая, и за это я уважаю вас! Садитесь поближе, Лейла, хочу наслаждаться вашей близостью, любоваться вашей красотой. Спасибо вам, дорогая. Положил я в тумбочку один документ, это мой вам подарок, не отказывайтесь. Вы мать-одиночка, вам сейчас нужна помощь. Как я вам обещал, мы с друзьями решили вашу проблему и теперь вы богатая леди. Давайте я расскажу свою историю до конца, пока силы есть.

Недавно Фаррух привез меня на улицу, где мы с вами встретились. «Куда же мы едем, — думаю, — неужели нашлась Лейла?» Мой друг остановился, открыл ворота двухэтажного особняка, и мы вошли туда. Дом с шикарным двором был со всеми удобствами. Ходили по комнатам, поднялись на второй этаж, вышли на балкон. Отсюда видны как на ладони тот мост и та улица.

— Это ваш замок, учитель, — торжественно объявил мой добрый друг.

— Да? — обрадовался я. — Государство подарило мне дом?

— Кто вам подарит такой дом, учитель? — засмеялся он. — Дом куплен за ваши деньги.

— Спасибо вам, Фаррух! — я указал на большой железнодорожный мост. — Вон на той улице я познакомился с Лейлой.

— Помню эту историю, помню. Потому и выбрал этот дом.

Я прожил в своем замке почти месяц. Какое наслаждение, какая радость иметь собственный дом! Утром поют соловьи, с гор дует прохладный ветер, в арыке журчит прозрачная вода, в синем бассейне купается солнце. В тени орешин беседка. Я сижу на качелях, тихо качаясь, думаю о нас и наших детях. Мы с вами однажды поженимся, будут у нас сын и дочь. Мы стоим на балконе и смотрим в грядущее. Наш дом-корабль уплывает вперед. Недолго думая, я установил мольберт во дворе и нарисовал на большом холсте эту сцену.

Приехал Фаррух, похвалив картину, от души поздравил меня, а потом спросил:

— Кто стоит рядом с вами?

— Лейла, — ответил я.

— Выкиньте из головы эти фантазии, учитель, — сказал Фаррух. — Мои дети уже старшеклассники. Пора вам опомниться, годы летят. Дильбар сохнет по вам, женитесь на ней.

— Почему на Дильбар?

— Она вас любит, боготворит. Неужели не видите этого?

— Но я люблю Лейлу!

— Забудьте о ней.

— Что вы говорите? Вы же тогда сказали, что Лейла сама разыщет меня!

— Ее уже нет, учитель.

Эти слова пулей пронзили мое сердце. Я почувствовал себя в петле, дышу, но кислород не попадает в легкие, в глазах темно.

— Нет, Фаррух! — еле шепчу я. — Нет! Она есть и будет всегда!

— Лейла теперь уже чья-то жена.

— Что? Разве она вышла замуж?

— Прошло десять лет.

— Ах?! Десять лет, так быстро?!

— Да, учитель...

— Нет! Нет!

Мне стало плохо, перед глазами поплыло, и я почувствовал удушье. Началось сильное жжение, волнение в левой стороне груди. Фаррух побледнел и бросился ко мне.

– Что с вами, учитель?!

А потом перед глазами возник густой туман, я собрался с силами и крикнул в никуда:

– Позовите, Лейлу! Я устал! Позовите ее! Жить не хочу больше! Позовите ее! Я устал! Смертельно устал! Позовите мне ее!

Потом ничего не помню.

А когда очнулся, над собой увидел вас! Понимаете это, Лейла?! Свершилось чудо! Эх, радость-то какая! Мы живем в окружении чудес, но всегда ищем их! Наконец я добрался до вас и теперь каждый день любуюсь вашей красотой, держу вас за руку, рассказываю о своей любви к вам. Вот какой я счастливый человек, Лейла. Может скажете: «Счастье ли это?» Отвечу: «Да!» Хотя любовь моя безответна, но я любил, а это и есть счастье. Благодаря вам я все-таки оставил свой след в этом мире. Мои картины сохраняются где-нибудь, спустя годы кто-то увидит вас и будет восхищаться вашей красотой. Мне думается, в тот дождливый день на землю был послан ангел-художник, который вселился в меня, чтоб увековечить вашу невиданную красоту. До нашей встречи с вами я был никто. Все, что я успел сделать, это дело рук того ангела, я здесь ни при чем. Занимаясь изобразительным искусством, я понял один недостаток человечества: оно неспособно полноценно видеть красоту мира, в этом источник всех наших бед.

Лейла?! Это вы, Лейла? Куда вы исчезли? Ах боже мой, я опять болен! Как хорошо, что вы пришли. Боялся больше не увидеть вас. Надоели вам своими рассказами, да? Не уходите, я больше не буду. Уже плохо вижу и слышу... Буду тихо лежать... Только оставайтесь рядом... Дайте мне руку, Лейла...

Авторский перевод с узбекского.

Влюбленное сердце

Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ

Червовый Валет

Пасьянс раскиньте. Всё ли там?
Валет червовый вас покинул.
Позорно вами списан в хлам,
И потому зачах и сгинул...

В тартарары. Искать себя.
В рубашке мятой, очень грустный,
Уже без сердца и червя,
Что душу грыз, как лист капустный.

Так уж случилось. Нечем крыть.
Переболеет вне колоды.
Ведь надо как-то дальше жить,
А не хандрить в его-то годы!

У Дамы сердца есть Король,
Да он и был, и той же масти,
С чего тогда такая боль
Его картонку рвет на части?

Пройдет. Не шахматный этюд.
Здесь много думать даже вредно.
Или Десятки набегут,
Или подкинут незаметно

От дам уже иных мастей
Записки с текстом аккуратным,
Мол, не влюбляйтесь в сволочей,
Любовь – она ведь плотоядна.

Пасьянс раскиньте. Все ли там?
Вот ваш Валет харизматичный
В кругу приличных милых Дам
О чем-то шутит неприлично.

Дамир ХУДАЙБЕРДИЕВ. Родился в 1976 г. в Бухаре. Врач-офтальмолог, работает в фармацевтической индустрии. Публикуется в периодической печати Узбекистана.

Лабиринт

Во мне не остается добродетели...
Одно желание... и Ваша в том вина,
Так получилось – Вы меня заметили,
Так получилось – я сошел с ума.

Люблю ли я... не знаю, тело мается,
Что трудно скрыть, и Вы, будто назло,
Всегда умны, к тому же и красавица,
И я для Вас – прозрачное стекло.

Порой, прозрев, стыжусь своей неверности,
Что я не исключенье из мужчин,
И попадаю в ряд закономерности
По целой совокупности причин.

Все стали портить пики романтичности,
Преображая в светлое инстинкт.
Теряю нить спасительной циничности,
А это усложняет лабиринт.

Благоразумие

Когда б не Вы – меня б накрыло,
Мне с Вами крупно повезло.
Так пробрало... но отпустило
И понемногу отлегло.

Еще бы шаг – и я бы сгинул,
Сгорели б заживо вдвоем,
Сглупил, дурак, и сердце вынул,
Чтобы похвастаться огнем.

А в нашем с Вами этикете
Чудить, известно, не к добру,
И Вы, и я за все в ответе,
И у обоих по крылу.

На Вас магические руны,
Меня несет, схожу с ума...
А Вы трезвы, благоразумны
И рассудительны весьма.

Аллеи

Я, наверно, старею, мне хочется Вашей ладони,
По весеннему парку гулять среди стройных дубов,
Говорить, предложить Вам и мне покататься на пони,
И услышать в ответ, что я, верно, обьелся грибов.

Я и сам удивлен. Извините за лишние взгляды,
Вы так близко, близки... Кружит голову Ваш аромат,
Различаю ваш вдох, вашу грудь под изяшным нарядом,
Прячу взор, как мальчишка, и наивно шучу невпопад.

Что-то в воздухе этом, что-то чудится в зелени парка,
Вы заметили? Да, я, наверно, слишком смешон.
Протянули ладонь... Драгоценней не будет подарка!
Жаль, что мне невдомек, что я глупо, по-детски, влюблен.

Инициалы

Подъезд. Стена. Мел. Детский слоган.
Инициалы через плюс,
Как заголовок некролога,
Невинно вызывают грусть.

И зависть, слава Богу, в белом,
Мне б самому так написать,
Но мы расстались между делом,
Теперь-то что уж вспоминать?!

Как было просто раньше, в детстве,
Как сложно в сорок с лишним лет
В кривом зеркальном королевстве,
Где отражений верных нет.

Все искажается, как в сказке,
Вот и у нас сложилось так:
Мы вдруг увидели к развязке,
Что наш дворец – простой чердак.

Что мы немного заигрались,
А нам играть-то и нельзя,
Иначе станет черной зависть
И будет грызть потом зазря.

Подъезд. Стена. Пусть пишут дети.
А ведь хотелось написать.
Увы, нет равенства в ответе...
Но есть что вспомнить, вспоминать.

Апноэ

Не нужен вдох, не нужен выдох –
Все, Вам не нужен кислород.
Моя любовь в эритроцитах
Вас защищает от невзгод.

В сиюминутности апноэ
Родится вечности петля,
Где мы уже не просто двое,
А стохастическое «я».

Преобразятся в гибкость тела
Нерасторопные накал
И страсть, что слишком долго
зрела,
Имея выход лишь в астрал.

Раздастся шепот, измененный
До лихорадки, хрипоты,
В ответ на жест бесцеремонный
И жесткий переход на «ты».

От возмущения энергий
Замкнет и вырубится свет.
И где-то зверь завоет в клетке,
Что его пары рядом нет.

Феникс

Мой Феникс слег... Исходит жаром.
Любимцу пламени, огня,
Сегодня пепла даже даром
Не нужно, честно говоря.

Болеет, чахнет: вот ведь штука –
Температура высока –
Уже и бредить начал: «Сссука,
Взяла меня, как сопляка!»

Чихает, кашляет, канючит,
И выгореть, восстать нет сил,
А долго ль его будет мучить –
Ветеринар не объяснил.

Не попугай, не обезьянка,
Тут случай сложный... бедный птах...
Соседку вызвали, цыганку,
Мол, птица тает на глазах.

Бабуля ушла: «Ну, Лапоть,
Забудь про птичий аспирин,
Тут хворь сердешная, тут надоть...
А ну, таши-ка керосин!»

Пол-литра, спичка, искра, пламя,
Когда пожар сошел на нет,
Восстал мой Феникс из бедлама,
А вот квартира еще нет...

Рождение Поэта

Светлана БЫКОВА

Клетка

Решётка клетки... А за ней,
В плену однообразных дней, –
Создатель клетки. Он – больной,
Продрогший, сломленный судьбой.

Темнеет. Двери на замке,
Ключ от замка – в его руке.
Причина цепи неудач –
Затворник с детства глух, незряч.

Он сам себе и царь, и раб.
Чтоб быть царём – он слеп и слаб,
Мир клетки же – привычен, мил,
И быть рабом хватает сил.

Страдальцу вовсе невдомёк,
Что нужно вставить ключ в замок,
Решить: рабом быть или не быть –
В себе себя освободить.

Спираль жизни

В бесконечной спиральной пружине
Завершился виток-оборот.
Небеса в росах утренних стынут –
Осень следом за летом идёт.

Крошка-почка в преддверии мая
Силу Жизни просила: «Приди!»...
А сегодня, к Земле припадая,
Замер лист на остывшей груди...

Обновляется мир постепенно:
Колыбель, бурный рост и... венец.
Круг за кругом... Одно неизменно:
За началом приходит конец.

Плод приносит и осень, и лето,
Формируется важный Итог.
Цель Игры, бесконечности этой –
Чтобы стал совершенней Игрок.

Светлана БЫКОВА. Родилась в 1962 году в городе Заславле (Республика Беларусь). Имеет высшее экономическое образование. В данное время является председателем Минского областного отделения «Союз писателей Беларуси». Публикуется в республиканских и зарубежных периодических изданиях.

Рождение Поэта

На перекрёстке сумрачных миров,
Где даже камни гласу Истин внемлют,
Из звёздной пыли и обрывков снов
Поэт родился, чтоб прийти на Землю.

Пройдя через горнило чёрных дыр
И плазменный огонь звезды сверхновой,
Он устремился в самый плотный мир,
Неся в себе Божественное Слово.

...Земля. Ночного города квартал.
Метнулся с неба яркий лучик света
И у забора на асфальт упал...
Но только ветер в нём признал Поэта.

Из места, где упал он, исходил
Мерцавший свет Возвышенного Слова,
Но город-Молох жадно поглотил
И Слово, и Поэта неземного...

Не круг...

Важно то, что ты живёшь,
Видишь свет и слышишь звук,
То, что чувствуешь, как дождь
Охлаждает кожу рук,
Что любимые глаза
На тебя обращены.
Даже если в них слеза –
Завтра высохнут они.
Счастье – просто позвонить
И гудков услышать звук:
Не порвётся связи нить –
Повторится нежность рук,
Канет в прошлое печаль.

Не грусти: ведь жизнь не круг –
Завивается в спираль.

Ветер перемен

Ветра – предвестники разлуки
Грядущих бурных перемен,
Сметают слой смертельной скуки –
Печать отжившего и тлен.

По небу ветер гонит тучи,
Гудит набатом в кронах древ.
В нём слышится живой, певучий
Труб исторических напев.

Он под небесной, звёздной крышей
Вешает, правду не тая,
Чтоб в мире всё по Воле Высшей
Вернулось на круги своя.

Непонимание

Я говорю, а ты не слышишь.
Звук беспрепятственно идёт
В глухие каменные ниши
И слабым эхом отдаёт.

И в этом гулком послесловье
Ответа я не нахожу,
И дотемна, одна, в безмолвье
Опять по улицам брожу.

И разделяет нас не суша,
Не море и не города –
Мы двух миров различных души,
Что не сойдутся никогда...

Взаимосвязь

Нити, нити.... Сеть незримых нитей –
Связями весь мир переплетён:
Цепью мыслей, действий и событий,
Словно пленник, прочно связан он.

Переплетены в незримой связке
Нити жизни – следствий и причин.
Мотылёк взлетел – в горах Аляски
Начался внезапно сход лавин...

Где же нить-уток, а где – основа?
Чудо на Земле произойдёт:
Добротой наполненное слово
Остановит с гор лавины сход.

Рисует осень

Рисует осень яркой акварелью,
В мазках умелых – краски октября.
Набухло небо дождевой пастелью,
Деревьев кроны пламенем горят.

То солнце заблестит в разрыве тучи,
Рубины разбросает и янтарь,
То дождь затанет свой псалом тягучий,
Закрыв на время праздничный тропарь.

Неповторимы осени картины,
В них чувствуется Мастера рука.
В них нет деталей лишних, нет рутины –
Проявлен Высший Гений на века.

Зимнее умиротворение

Молчанье, сон... Природе сладко спится,
Морозный воздух маревом повис.
Лишь тенькает беспечная синица
Да дребезжит на ветке жёлтый лист.

Застыли в мантиях ажурных ели,
Уснули сосны в кисее снегов.
Дрожит белёсой рябью еле-еле
Холодная вода у берегов.

Рука зимы – хозяйки молчаливой –
Укрыла дымкой вод озёрных гладь
И, приобняв растрёпанные ивы,
Осоки рыжей распушила прядь.

Вокруг так тихо, мирно и спокойно –
Чуть дышат усыпленные леса,
Как будто прекратились в мире войны,
На Землю опустились Небеса...

Андрей Иванов

Я долго шел к тебе, человек!

Я вынимаю слова из памяти...

По вечерам я вынимаю слова из памяти, я прислушиваюсь к их размышляющему молчанию, надкусываю их, как яблоко, и сразу же ошущаю их резкий, охваченный запахами вкус. И все-таки это не яблоки. О слова!.. Многих из них не надо оперять и пускать в полет, они сами летят в цель. То дерзкие, то смелые, то грустные, как осенние цветы в сумерках вечера, то веселые, задорные, как весенние солнечные пятна на тротуарах, то пыльные, то без сердца, без улыбки, охладевшие, равнодушные!.. Но нет ни одного без прошлого, ни одного без будущего! Я перебираю их, как скупой рыцарь свои сокровища, и радуюсь: я безмерно богат, я владею бесценными ценностями!..

Но есть сокровище из сокровищ: это родня молний – воображение человека. Вы никогда не были на берегу океана? Миг – и сиреневым плеском сверкнет океан, и вы в бухте, где зыбкая плоть воды лобзает корабли, гигантские бело-черные уступы света и теней, стоящие на приколе, еще дышавшие крепким рассолом океанской жизни. Миг – и за орбитой воображения проплывают страны и города, туманные скалы небоскребов, стальные паутины чутких, выжидающих радиомачт, Ниагары ангаров, круглые озера стадионов, ливни автострад, могуче раскинутые дуги пляжей, в блеске песка и солнца, до краев захлебнувшихся изумительно белой сверкающей пеной прибоя. Еще миг – и вы среди великой армии скал, бледно-голубых снегов, среди девственной тишины горных вершин, жадно глядящих вдаль, подавляюще огромных, готовых поглотить горизонт. Хмельные крики орлов пробуждают в вас далекие картины минувших, невозможно-величавых битв огня и камня, родовых схваток Земли, рождавшей моря и континенты. Воображение – родня молний,

Андрей ИВАНОВ (12.05.1902 – 9.06.1990). Поэт. Заслуженный работник культуры УзССР. Окончил Всесоюзный заочный институт финансово-экономических наук. Литературный консультант Союза писателей Узбекистана (1951-1954). С 1954 по 1960 годы – главный редактор журнала «Звезда Востока». Автор многочисленных поэтических и прозаических сборников, переводчик, награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

оно делает меня счастливым, а иногда – глубоко несчастным. Вот оно волной белого огня ворвалось в мою затрепетавшую память. Миг – и я перевоплотился в моего старшего брата. Бежит степь в синем вечернем блеске, а над ней, как зарево, – громовые раскаты двух непримиримых эпох, а я веду отряд невероятно усталых, голодных красногвардейцев. Люди устали, но не устала их священная ненависть. До печали, до ужаса ошушаю я свою ответственность перед ними. Непередаваемо гордо разрывает мне сердце их верность, их готовность идти за мной всюду, всюду и всюду громить белокопытых. Неожиданно окруженные поднявшей ветер конницей белых, в напряженной, молниеносной схватке мужества, ненависти, гордости мы не испытываем страха. И вот я – мертв, да, я мертв, с кровью изошла моя восемнадцатилетняя жизнь. Я даже не заметил своей мгновенной смерти. Я недвижим и холоден, как гранит. Мне даже не дотянуться, не припасть губами к багряному знамени, упавшему почти рядом: губы мои раздавлены копытами есаульского коня. А раненый казах красногвардеец, друг моей незабвенной юности, ползает и ползает по горячей, нестихающей земле и зовет, зовет меня, зовет и никак не может дозваться. Какими словами рыдает его безумно молодая, еще неокрепшая душа? Время! Дай пересилить плач!

Есть и еще одно бесценное сокровище, оно мне дороже жизни, и я знаю: владеть им буду только ДО той трагической поры, когда детское не уйдет из сердца. Это оно видит под налетом повседневности: воскресение, свежесть, изначальную новизну мира – и может заглядывать за пределы очевидности, где таятся подлинные богатства, приобщающие нас к извечной красоте, простоте и мудрости жизни.

Друзья, которых я по-братски люблю и которые бескорыстно любят меня, сожалеют, что все написанное мной не принесло мне сберегательной книжки. Они и не подозревают, что с первого мгновенья, как голова моя, с любопытством поворачиваясь, стала оглядывать полученный в наследство мир, уже с того неповторимо интимного мгновенья я – Крез!

...Дожди постигая

Осенний дождь – невеселый выходец из холодных северных стран, с тонким очарованием грусти, меланхолично сеющий почти невидимые брызги; или горестно, неслышно шепчущий, покачиваясь от тоски, шурша по опавшей листве; или – ночной, тоскливо плачущий до рассвета в асфальтированных ушелях улиц, у безлюдных стадионов, парков и телебашен...

Зимний, разбудивший снега полей, таящий тревогу, вытянувшийся, смешавшийся со снегом, полосуящий неохватные глухие пространства лесов и пашен, зимнюю грусть земли, шумящий под вой заунывного ветра, холодный, сурово деятельный дождь...

Весенний молодой, аховый проливной дождь, влюбленно проплывавший жажду травяной шири и птичьих гнезд, швыряющий пригоршни серебряных бубенцов,двигающийся порывами с яростно-веселыми всплесками, задорным топотом и озорной дробью от полноты жизни и избытка сил... Сырой, баловный ветер поднимает его трепещущие поля, волнами ходит, вознося крепкий, раздольный запах трав, до высоты гусяного перелета. Откуда этот блестящий ливень радости, это торжественная сила любви?..

Летний умиротворенный дождь, теплыми, длинными нежными пальцами перебирающий листву, воды широких рек, свежие, помолодевшие щеки городских троллейбусов, трамваев и крыш; или страстный, с грозой, что с долгой косой улыбкой, внезапным густым голосом шарашит разбегающихся, приседающих от страха кур... Как я счастлив, дожди постигая, ухом поэзии ловя их наречье, их первобытный, сильный, сильнее, чем страсть, язык! Древний, древнее человека, язык этот ярок и вечен!

Но как достучаться...

Горячая, нестихающая земля – и грошовые интересы. Невежество, физическая грязь, торговцы человеческой жизнью, колючая проволока – и цветущие деревья, сокровенная сила высоких чувств...

Кому нужны эти контрасты? Наемным палачам или матери, ласкающей своего первенца?..

О жизнь! Не тормози нашу волю, наставь нас, дай нам познать твою гармонию, твои буйные скорости, огненный язык, необычные связи, нетревоженную пыль и старое золото твоих причуд!

...Вспомнит ли частица материи, напрягая затрепетавшую память, невозвратность своих превращений, острую собранность, тревогу и цель своего полета?

Вспомнит ли сверкающие океаны энергии, огненную душу Вселенной, голубые призраки сгоревших миров?

Вспомнит ли золотые водовороты, длинные искры огненной плазмы, шлейфы ее ликующих набегов, геометрические пейзажи бледного огня: багрца необъятных ядер?

Вспомнит ли, как дымится Млечный Путь, перехватив дыхание Галактик, как отстаивается великая тишина в беззвучном трепете угасаний?

Как мириады созвездий молятся еще более неизмеримым космическим безднам и глубинам, их окрыленной, жуткой нелюдимости и безмолвью?

Да, она еще многое вспомнит, прочтет свое непостижимое прошлое и увидит невероятную мощь своего будущего.

Размышляющая материя уже пронизала наш мозг голосами отдаленных предчувствий.

Да, она многое вспомнит: пройдя через высокие страсти и братские могилы, она обретет гармонию и увидит бескрайность и темное безразличие, и магнетический свет невообразимых пространств и миров, и самую глубокую, самую печальную в мире – тишину вечности.

Но как достучаться, докричаться, дозваться, как ей понять спетую вполголоса, нелюдскую песню бесконечности?..

Возвращение

Валерию Шадрину

Солдат возвращался... Нежный и грубый, видевший гудящие смертоносные поля, взрывами пробитые дни и стальные ночи, усталую, израненную землю, обугленные, тихие, тише могил, села и деревеньки с глазами небытия, города-погребения, пропахший невозвратимой молодостью и смертью, прошагавший через них до Шпрее и Одера, что он, предьявив свою правду и ратное мужество, спас мир. Это он! Посторонитесь, посторонитесь, деревья, посторонитесь! Где-то любят его, где-то ждут!

Солдат возвращался лесом. Крохотный, ласковее кутенка, беспечный распеваха ручеек, бегло сверкнув глазами, побежал рядом, а повернув в сторону, проводил его долгим взглядом. Птичка с рогульки орешника задала ему несколько быстрых, тенькающих вопросов. Он не понял, но первый подснежник счастливых, чистых, как ключевая вода, чувств, чуть подсиненных дивно синеющим небом, пророс в нем. Он легким стал, как лиса, радостным, как солнечная полянка, бодрым и сильным, как вино в деревенских дубовых бочках. Огневели и соскальзывали броски солнца на дубах и березах, светлые пылинки играли в косых лучах, прозрачными каплями дрожало в душе нетерпенье.

Прошел дождь с грозой и ветром. Намокла, набрякла шинель, брызгали ветви, хлестали по глазам, а солдат торопился; вздыхал, не справляясь с дыханьем. Шагал, загораясь надеждой. Война, брат мой, не так хлестала и барабанила, барабанила, барабанила по нему, отрывала от земли и бросала вновь, опаленного ею, с глазами темными, как лесные озера.

Омытый грозой лес. Светлые подтеки лужиц. Восторженная свежесть. Молочная белизна берез. Гибкий широкими волнами шум! О чем это?.. О чем это шумят деревья? Что-то яркое и сильное, похожее на народные песни, на весеннюю синь взьерошенных плёсов Заволжья, крепким порывом тронулось в них. Про что это они?.. О мать-земля, красота подсердечная! Путиами-дорогами, лесами, просторами узывными синими, озолотью и заревом жарких зорь своих милых заворожала ты душу солдатскую!

Возможно ли, чтобы добрался он до родного городка, когда за вечереет? Неужели взберется на крутобокий холм, где невероятно высокое небо и зеленая земля полны эхом, где березами шумят телеграфные столбы, в сплошных садах, в соловьином шекоте утопает предместье, а вечерами в узких проулках ходят гуси, шиплют траву, а озорные шенки с упоением гоняются за детьми, а дети, убегая, звенят, как бубны. Неужели, неужели ночью услышит обладающий сонным теплом голос женщины, с трогательной задумчивостью перелетевшей бездну войны и все военные годы измеряющей свое счастье и жизнь его немногословными, невысказанными армейскими письмами?

Солдат торопился. Шагал, улыбаясь, вытирая незванные слезы...

Полдень моих надежд

Я долго шел к тебе, человек! Шел через заблуждения и узость, через забвение и память, то и дело останавливаясь, то пораженный высокими поступками, могуществом твоим, то ошеломленный разрывающей сердце незащищенностью твоей.

Вглядываясь в далекое прошлое твое, человек, вижу: дни и ночи тяжело переворачиваются с боку на бок, а под ними битвы и алтари, бесчисленные битвы и алтари. Неужели это они... они вели тебя от одной надежды к другой? Неужели?..

Я долго шел к тебе, человек! Молчаливо вмещая в себя величавые просторы замыслов твоих, вырастая изнутри, обретая равенство духа. Глубинные течения в сердце ускоряли мое движение.

Что-то удивительно сильное, большое и бескорыстное, с острым, радостным эхом новизны накаляет мои мысли и чувства. Утоление духовного голода, борьба и труд во имя тебя – единственного творца мысли – музыка жизни.

Утвердив свою связь с тобой, переполненный ощущением молодости нашего мира, с проникновенным пониманием безмерной сложности твоей вхожу я в полдень моих надежд!

Молитвенно люблю...

В безбрежном море древнего мирового искусства есть образы-острова, возникшие из первобытного страха перед бытием. Но есть и другие – далекой близостью, тоской и надеждой бедного человеческого сердца, неведомым родством связанные с нами. Созданные радостным изумлением, раскачивая время, расширяя горизонты, раскрывают они свои задумчивые тайны.

В беспредельном океане современного мирового искусства есть образы-архипелаги, сложные и живые. Широко и чисто, весело и звонко на душе, когда всматриваешься в них, осящая тайную согласованность добра и смысла, величия и нежности.

Молитвенно люблю многоликое искусство всех времен, всех народов, когда у него не обрезаны крылья, когда осящаю в нем, повинуюсь голосу чувства, глубокую тишину прошлого, тревожно шумящую теплынь настоящего, певучую глубину будущего. Когда осящаю улыбку, вскрики отчаяния, всплески счастливого смеха или вздохи человеческой души, вызывающие раздумье.

ТАИНСТВЕННАЯ ЧАЙХАНА

Рассказ

Озод МУМИН ХОДЖА

Я Фарангис из Ташкента. И расскажу вам одну необыкновенную историю. Тогда я училась в седьмом классе.

Однажды вечером, за ужином, кажется, это было в конце января, мой папа объявил, что утром уезжает в Джизак, так как планирует начать бизнес с предприятием, производящим строительный формовочный гипс в этом областном центре. Я сразу стала хныкать.

– Папа, возьми меня с собой. Я никогда не была в Джизаке. И вообще из Ташкента никуда не выезжала!

– Ты была в Газалкенте, отдыхала в Чарваке! Нечего болтаться в разных нужных-ненужных местах. Учиться надо!

– Мне так хочется посмотреть на Джизак. У нас в классе новенькая – она оттуда – постоянно всех старательно убеждает, что красивее места, чем ее родина, нет! Интересно, так ли это?!

Папа смягчился и задал один-единственный вопрос:

– А что будет с твоей школой?

– Все пропущенные уроки я отработаю самостоятельно. Не волнуйся – обещаю!

– Хорошо, – сказал он. – Но встать надо будет очень рано.

– Конечно, папа! – обрадовалась я. – Захвачу фотоаппарат, буду снимать все интересное!

Уже в семь часов утра мы отправились в путь. Было еще совсем темно. Погода была сухая, мы мчались с огромной скоростью. Я расположилась на заднем сиденье и наблюдала, как мелькают и остаются позади рябые, кое-где покрытые снегом бескрайние поля.

Постепенно стало светать. Машина сбавила скорость.

– Здесь какой-то городок? – спросила я.

– Да, рядом Янгиюль, но мы туда не въедем, он чуть в стороне.

Отец прибавил газу. Минут через десять впереди на обочине появился

Озод МУМИН ХОДЖА. Родился в 1952 г. в Ташкенте. Окончил физфак ТашГУ (ныне НУУз). Кандидат физико-математических наук, изобретатель. Член Союза писателей Узбекистана. Публиковался в России, Казахстане и на Украине. Автор нескольких книг.

голосующий человек. Отец, до этого не обращающий на таких внимание, притормозил, дал задний ход, поравнялся с голосующим немолодым человеком и открыл правое окошко.

– Здравствуйте, дедушка! Куда вам? Садитесь, подвезу.

– Здравствуй, сынок! Но мне не прямо, через несколько километров надо свернуть направо и проехать еще столько же.

– Ничего! Это мне не трудно.

Старик расположился рядом с папой. Я поздоровалась с ним.

– Здравствуй, доченька! Как поживаешь?

– Спасибо, хорошо! – ответила я.

Человек был одет старомодно – в полосатый чапан, шапку-ушанку и чистые махси-сапоги.

Больше он не произнес ни слова, ехал молча. Видимо, был не очень расположен к беседе. Через некоторое время я заметила, что мы приближаемся к придорожной чайхане.

– Сынок, давай я здесь останусь. Совсем забыл, что мне нужно поговорить с одним человеком в этой чайхане. Останови свою железную арбу.

Папа нажал на тормоз. Старик порывлся в своем кармане, вытащил несколько денежных купюр и протянул отцу:

– Этого хватит?

Папа помотал головой.

– Не надо, дедушка! Не ради денег я вас подвез.

– Ну возьми! Не хочу, чтобы ты остался недовольным!

– Нет, что вы? Я даже рад помочь вам. Главное, чтобы вы были довольны.

– Если так, то я тобой вполне доволен. Но ты мне помог, а денег не берешь! Давай я попрошу у Всевышнего кое-что для тебя.

– Ладно. На это я согласен, – ответил папа.

– Тогда открой ладони!.. О Аллах! Сделай машину этого парня удачливой. Пусть эта железная арба принесет ее владельцу процветание и много добра! Аминь!

– Спасибо! – улыбнулся папа.

Старик покинул машину, и мы продолжили путь. Я от досады шлепнула себя по лбу: почему его не сфотографировала?! Таких людей в Ташкенте днем с огнем не сыщешь. Показала бы фотку своим подругам...

Наконец в десятом часу мы приехали в незнакомый мне Джизак. Быстро нашли нужную организацию. Нас радушно встретили руководители предприятия. Папа представил меня.

– Познакомьтесь, моя дочь Фарангис! Хочет посмотреть ваш город!

Хабиб-ака – директор – и его заместитель Камил-ака улыбнулись и одобрили мое желание. Зашли в офис.

– Хочешь, сиди и слушай музыку, а хочешь – погуляй в окрестностях, но далеко не уходи, – сказал папа, оставляя меня.

Через полчаса или, может быть, больше – я не заметила, как прошло время, все вышли.

– Озод-ака! Теперь мы надеемся только на вас. Верим, что объем продаж нашей продукции в Ташкенте будет увеличен!

– Конечно, Хабиб-ака! Я приложу все усилия, чтобы оправдать ваше доверие!

– Да, да! Хорошо бы, сделайте так, чтобы мы не успевали отгружать продукцию! – добавил Камил-ака.

Меня удивило, как он обращается к своему директору. Оказывается, когда-то он был аспирантом Хабиба-аки, который раньше преподавал в строительном институте. Поэтому по старой памяти он к своему бывшему научному руководителю обращался «домла». Папа потом мне объяснил, что Хабиб-ака вовсе не для всех в Джизаке – домла. Покинув офис предприятия, стали знакомиться с достопримечательностями города. Я сделала много снимков. Когда наступило обеденное время, зашли в специальную столовую, где пекли знаменитую джизакскую самсу. Здешняя самса была очень большая, и – самое интересное – ее, оказывается, едят, макая в салатное хлопковое масло.

Я смогла осилить только одну самсу.

После обеда в отличном настроении поехали обратно в Ташкент. Через час папа спросил:

– Помнишь, когда ехали в Джизак, мы подвезли одного старика к придорожной чайхане?

– Да, папа.

– Ты более наблюдательная, чем я, если издали увидишь эту чайхану, предупреди. Чуть отдохнем, горячего чая попьем. Дальняя дорога все-таки утомляет.

– Хорошо, папа, – ответила я.

Наша машина ехала и ехала, но чайхана все не показывалась, только поля и деревья вдоль дороги.

– Интересно, – сказал папа, – где же чайхана?

Я пожала плечами.

– Не знаю...

Мы доехали до Янгйюльского поста ГАИ, но чайханы так и не увидели.

– Может, мы ее не заметили и проехали? – сказала я.

– Нет, мы бы увидели. Я неторопливо ехал, не было ее. Только поля. Но в чем дело? Невозможно же за полдня сломать здание, разровнять и вспахать землю, где она была. Уму непостижимо!

В полной растерянности мы доехали до дома.

Прошло полгода. За это время папа сумел организовать неплохую реализацию джизакского гипса. Появились постоянные клиенты и потребители. Среди них выделялся владелец крупной торговой точки, его звали Мухсин. Он предложил поставлять высокопрочный гипс в основном папе, предлагая сотрудничество на долгосрочной основе. Папа согласился, обосновав решение тем, что ему легче работать с одним надежным партнером, чем со многими и разными.

На рынке стройматериалов он открыл торговую точку и поставил туда продавца. Затем стал планировать организацию фирмы по производству шпатлевок.

Через год его мечта осуществилась.

Прошло еще два года. Бизнес отца процветал. И, как это обычно бывает, когда появляются деньги, папа решил сменить машину. Он продал жигулёнка и купил иномарку японского производства. «Мазда» всем нам – маме, сестре и мне – понравилась, она была вместительнее и комфортнее. Но, как оказалось, мы рано радовались.

С этого момента у папы стали возникать разные проблемы.

Продавец на рынке начал хитрить и норовил присвоить часть прибыли: стал говорить, что продукцию отпустил под честное слово, мол, человек хорошо знакомый, долг обязательно принесет. Все длилось месяцами. Когда все это надоело, папа прогнал его, но, так как другого порядочного человека найти не смог, временно приостановил торговлю на рынке.

Реализация производимых шпатлевок резко упала. Папа ломал голову, удивлялся, почему все так не ладится.

Вдобавок Мухсин тоже нарушил договоренность. Видимо, он был тоже не очень порядочным человеком. Сам вышел на джизакское гипсовое предприятие и предложил в качестве дилера своего родственника, обещая увеличить реализацию гипса. Но домла ему отказал. Тогда этот родственничек организовал звонок из высоких инстанций, и Хабиб-ака вынужден был расторгнуть договор с моим отцом.

Но папа в душе был истинный философ и не пал духом. Он стал искать причину происходящих событий.

Однажды он обратился ко мне. Тогда я уже училась в колледже.

– Фарангис! Скажи-ка мне, ты помнишь тот день, когда мы с тобой ездили в Джизак?

– Да, папа. Я все помню!

– А старика помнишь, которого мы встретили и подвезли?

– Отлично помню! Тогда я пожалела, что не сфотографировала его.

– А чайхану?

– Которая потом исчезла? Таинственная? Да!

– Я понял одну вещь. Тогда возле этой таинственной чайханы этот старик благодарил нас и просил у Всевышнего мне удачи и процветания! Но сейчас его благие пожелания на нас почему-то не действуют. По-моему, причина всех невзгод именно в этом!

Я тут же вспомнила:

– Папа! Этот старик пожелал удачи и процветания не вам лично, а машине и владельцу железной арбы, которая его подвезла. Я это точно помню!

– Ты не ошибаешься?

– Нет. Ты же знаешь, у меня память хорошая. Обращаясь к Всевышнему, он произнес: «О Аллах! Сделай машину этого парня удачливой. Пусть эта железная арба принесет его владельцу процветание и много добра! Аминь!»

Папа задумался. И произнес:

– Ах, вот! Завтра же выкуплю свой жигуленок...

На следующий день к вечеру он возвратился домой без настроения.

– Новый владелец машины не захотел продать ее. Хотя сейчас у него и новенькая «Нексия» есть. Он заявил, что такой автомобиль отдавать другому грех. Мои «Жигули», оказывается, принесли ему большую удачу и стоят у него во дворе как талисман. Говорит, что всего за год стал очень успешным человеком...

Я тоже опечалилась: после колледжа я мечтаю учиться за рубежом, усиленно изучаю английский язык, если у отца дела не пойдут... И вдруг меня осенило.

– Папа! Давай завтра поедem в Джизак!

– Зачем? – спросил он.

– Хочу поесть джизакской самсы, макая в салатное хлопковое масло! Давно такого не едала!

– Хорошо, все равно завтра у меня свободный день... А что будет с твоей учебой?

– Не волнуйся, обещаю все наверстать!

Как и тогда, мы рано утром, отправились в путь. Быстро выехав из города, помчались по трассе. На заднем сиденье я молча, сосредоточенно смотрела вперед. Разглядывать бескрайние поля не хотелось.

Постепенно стало светать. Через полчаса отец вдруг резко сбавил скорость, оказалось, мы проезжали через милиционный пост.

– Где-то здесь город Янгиюль? – спросила я.

– Да. Ты, оказывается, помнишь!

И папа прибавил газу. Минут через десять я заметила голосующего на обочине человека. Сердце моё дрогнуло. Отец, увидев, что человек этот далеко немолодой, остановил машину и открыл правое окошко.

– Здравствуйте, бабушка! Садитесь, подвезу.

– Здравствуй, сынок! Но я еду не прямо, мне нужно через несколько километров свернуть направо и ехать еще столько же.

– Ничего! Это мне не трудно.

Старик расположился рядом с папой. Я поздоровалась.

– Здравствуйте!

– Здравствуй, доченька! Как поживаешь? – он повернул голову в мою сторону.

– Спасибо, хорошо! – ответила я.

– А ты выросла! Повзрослела. – произнес он.

– А вы совсем не изменились. Одежда у вас та же, что и тогда!

– Знаешь, если бы тогда ты меня и сфотографировала, снимок все равно бы не получился!

В ответ я помолчала. Боялась неправильным словом все испортить. Он отвернулся. Старик больше не произнес ни слова, ехал молча. Папа почему-то тоже молчал.

Через некоторое время я заметила, что мы приближаемся к той таинственной придорожной чайхане.

– Сынок, давай я здесь останусь. Совсем забыл, что мне нужно поговорить с одним человеком в этой чайхане. Останови свою железную арбу.

Папа нажал на тормоз. Старик порылся в своем кармане, вытащил несколько купюр и протянул отцу:

– Этого хватит?

Папа помотал головой.

– Не надо, бабушка! Не ради денег вас подвез.

– Ну возьми! Не хочу, чтобы ты остался недовольным!

– Нет, что вы? Я даже рад помочь вам. Главное, чтобы вы были довольны.

– Если дело в этом, я доволен. Но ты же мне помог, а взамен денег не берешь! Давай я попрошу у Всевышнего кое-что для тебя!

– Ладно. На это я согласен, – ответил папа.

– Тогда открой ладони!.. О Аллах! Сделай машину этого парня удачливой. Пусть эта железная арба его владельцу принесет процветание и

много добра! Аминь!

– Спасибо! – улыбнулся папа.

Старик повернул голову в мою сторону.

– Доченька! – сказал он. – Ты будешь учиться за рубежом, найдешь своё счастье. Все твои благие желания исполнятся.

Он покинул машину. А отец странно посмотрел на меня и на старика. Я тут же предложила:

– Папа, давай зайдем в эту чайхану, попьем горячего чая!

Он посмотрел через окно и удивленно воскликнул:

– Ой, а где чайхана, исчезла?!

Действительно, и старик, и придорожная чайхана будто испарились. Я предполагала, что так и будет.

– Папа, раз так, поехали домой! – сказала я.

– А джизакская самса?! – спросил он. – Хныкать потом не будем?

– Нет, меня устроит и ташкентская. Купи масло, чтобы макать самсу! И мы пообедаем по-джизакски!

Через несколько дней папе позвонил директор строительного рынка.

«Озод-ака! У меня есть племянник, он честный, хорошо воспитанный человек. Возьмите его продавцом в свою торговую точку. За все его возможные прегрешения я буду в ответе!» – сказал он.

А через пару недель на рекламное объявление папы откликнулись два торговых дома строительных материалов. Отец с ними заключил договор на большую сумму. Его шпатлевку снова стали покупать.

А еще через месяц неожиданно позвонил домла.

– Озод-ака! – сказал он. – Вместо себя я сделал директором Камил. Сам остаюсь в качестве учредителя. С родственником Мухсина мы разрываем дистрибьютерское соглашение. Он не оправдал наших надежд. Поэтому, если вы согласны с нами работать, приезжайте в Джизак. Мы заключим с вами новый договор.

Потом позвонил и сам Камил-ака.

– Я буду работать только с вами. Мне другие не нужны.

– А родственник Мухсина? – спросил папа. – Если он опять подключит высокие инстанции?

– Сейчас меня и наш бизнес есть кому защищать.

– А Мухсин? Если он не захочет со мной работать? Вся клиентура же сейчас у него по моей глупости! – засомневался папа.

– С ним объясняться буду сам. Если он откажется, перетянем клиентов... Такой высокопрочный гипс в Узбекистане только у нас!

Таким образом, дела у моего отца снова пошли в гору.

Недавно он купил новую «Ласетти». А «Мазда» стоит талисманом в нашем дворе.

Делайте добрые дела и взамен примите благие пожелания. А они имеют свойство сбываться.

Авторский перевод с узбекского.

БЫВШИЙ БАРОН И «БЫВШИЙ ЧЕЛОВЕК»

Рубен НАЗАРЬЯН

Началась эта история почти по Корнею Чуковскому: «У меня зазвонил телефон». Незнакомый мужской голос сообщил, что мой телефонный номер он получил от какого-то общего знакомого. Выясняется, что мой собеседник – бывший москвич и бывший гражданин СССР, а ныне подданный Ее императорского величества королевы Елизаветы.

Некогда он окончил МВТУ им. Н. Э. Баумана, затем защитил диссертацию и стал кандидатом экономических наук. С 1998 года и по настоящее время живет в Англии. В последние годы, будучи пенсионером, занимается поисками сведений о своих предках. Генеалогия стала главным делом его жизни...

А интерес иностранца к моей персоне был вызван тем, что его родственник некогда – в 30-40-х годах минувшего века – жил и трудился в Самарканде. И, видимо, зная, что мне не раз приходилось заниматься поисками чьих-то родственников или знакомых, которые когда-то имели отношение к нашему городу, незнакомец просил меня оказать и ему подобную услугу. Честно говоря, делать это мне вовсе не хотелось. И, желая как-то вежливо отказаться от просьбы подданного Великобритании, любопытства ради спросил фамилию его родственника. Когда же она была названа, показалось, что когда-то я уже слышал эту явно нерусскую фамилию.

Далекий собеседник, почувствовав, видимо, мой интерес к теме, «ударил по козырям», приоткрыв завесу над личностью своего родственника. И, выслушав подробности, я сдался, пообещав оказать ему всяческое содействие в поисках. В тот же день, порывшись в своей памяти, припомнил, что более десятилетия назад мне довелось прочесть отрывки из биографии А. С. Пушкина, написанные Анри Труайя. Именно там фигурировала «эта нерусская фамилия», носителем которой был гувернер, обучавший мальчика Сашу французскому языку...

Александр Орестович (так зовут моего нового заочного знакомого) вскоре прислал мне некоторые «стартовые» документы об этом человеке,

Рубен НАЗАРЬЯН. Автор многочисленных научных, научно-популярных и художественных произведений. Доцент Самаркандского госуниверситета. Участник и лауреат международных конференций и конкурсов.

относящиеся к самаркандскому периоду его биографии. А я дополнил свои знания о нем, покопавшись в различных поисковиках электронной паутины и справочных изданиях. Не желая далее интриговать читателей, сообщая отдельные страницы его биографии. Итак, он – это барон Евгений Орестович Монфор, родившийся в 1874 г. в Баку в дворянской семье. Отец его – выходец из древнего и знатного европейского рода – служил в то время чиновником городской управы. Мать Евгения – дочь полковника императорской армии – скончалась в 1897 году.

Мальчик же в 1891-м году окончил Бакинское реальное училище, затем Николаевское военно-инженерное училище в Петербурге. Выпущен из него был в чине подпоручика. Служил младшим офицером во 2-ом Кавказском саперном батальоне. В августе 1896-го был произведен в поручики, в 1900-ом – в штабс-капитаны. Затем в течение года командовал ротой в 6-ом Сибирском саперном батальоне, принимал участие в русско-японской войне 1904–1905 гг. Высшее образование получил в Академии генерального штаба и в 1905–1906 годах служил старшим адъютантом штаба 6-го Сибирского корпуса.

Цензовое командование ротой отбывал в 27-ом Восточно-Сибирском стрелковом полку, служил старшим адъютантом штаба Иркутского военного округа, штаб-офицером для поручений при штабе 3-го Сибирского армейского корпуса. В 1912 году произведен в полковники. Исполнял обязанности начальника штаба 52-ой пехотной дивизии. Награжден Георгиевским оружием за храбрость в годы Первой мировой войны, был начальником штаба 106-ой пехотной дивизии, командовал 2-ым стрелковым полком, после ранения и контузии состоял в резерве чинов при штабе Двинского военного округа. Был начальником штаба 116-ой пехотной дивизии, получил звание генерал-майора. До января 1918 года командовал дивизией, затем находился в распоряжении начальника Генштаба.

Два с лишним десятилетия прослужил барон в Императорской армии, заслужив за это время ряд высоких наград: ордена Св. Анны 2-ой, 3-ей и 4-ой степеней, Св. Станислава 2-ой и 3-ей степеней, Св. Владимира 3-ей и 4-ой степеней и именное Георгиевское оружие.

В марте 1918-го генерал добровольно вступил в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. Состоял на высоких офицерских должностях, с осени 1922 года был начальником Организационного управления штаба Отдельной Кавказской армии. В 1924-ом переведен в Харьков, был военруком геодезического института, а с 1929 года руководил стрелковой секцией Осоавиахима УССР. Позже переехал в Москву, где служил в должности доцента военного дела Московского высшего инженерно-строительного училища, но был уволен в запас по возрасту. В 1930–1931 годах ОГПУ начало новые репрессии в отношении офицеров Красной армии, служивших ранее в Русской Императорской армии. Дело это известно в советской истории под названием «Весна». Всего было арестовано, по некоторым данным, более 3000 человек. По вымышленным обвинениям уничтожалась элита русского офицерства: только в одном Ленинграде в мае 1931 года по этому делу было расстреляно свыше тысячи человек.

В январе 1931 года бывший генерал-майор Е. О. Монфор был арестован

по делу «Весна», обвинен по статье 58-ой и осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал на лесозаготовках в Свирьлаге. С учетом ударной работы был досрочно освобожден от наказания в ноябре 1934 года. С ноября 1935 по июль 1936 года преподавал военное дело в Донецкой высшей коммунистической сельскохозяйственной школе в Мариуполе.

В августе того же года Монфор, желая, видимо, избавиться от недоброжелательного к себе отношения, добился перевода в филиал Донецкой школы – Сельскохозяйственный техникум имени Мичурина в Самарканде, наивно надеясь в азиатской глуши начать новую жизнь. Бывший генерал, совершенно одинокий человек, находившийся под неусыпным надзором НКВД, оказавшись в совершенно незнакомом ему мире, лишенный семьи, жилья и средств к существованию, продолжал и здесь честно служить преподавателем военного дела. Мизерная зарплата его не удовлетворяла, по совместительству он работал одновременно в училище ИЗО и в городских школах № 30 и 37. Так начиналась его самаркандская биография...

В конце 1938 года Монфора принимают на должность старшего препаратора в УзГУ (Узбекский государственный университет), а через несколько месяцев – в сентябре 1939 года – Евгения Орестовича переводят на кафедру в качестве преподавателя французского языка. Прекрасно владея европейскими языками, бывший генерал-майор стал подумывать о научной работе. Но для защиты еще незавершенной диссертации требовалось предварительно сдать несколько кандидатских экзаменов. И Монфор обращается к руководству УзГУ с просьбой разрешить сдачу. Ректорат дал согласие. Как шла работа над диссертацией – неизвестно, ибо в архиве университета соответствующие документы не сохранились. Но запланированную диссертацию под названием «Влияние Великой французской революции на язык французского народа» в силу различных неблагоприятных обстоятельств защитить Евгению Орестовичу так и не пришлось.

Летом 1941 года войска вермахта напали на Советский Союз. Начавшаяся война повлияла на внутренние дела государства. Так, в соответствии с постановлением правительства Узбекский государственный университет (УзГУ), находившийся в Самарканде, был объединен со Среднеазиатским государственным университетом (САГУ) и перебазировался в Ташкент. Решение это было вызвано обстоятельствами военного времени, прежде всего тем, что в Самарканд планировалось эвакуировать из центральных городов страны большое количество высших учебных заведений, в том числе семь военных академий.

Естественно, что для размещения тысяч студентов и слушателей этих вузов требовалось немало приспособленных для занятий помещений, что для Самарканда стало тяжелым бременем. Сотни студентов и десятки преподавателей УзГУ и САГУ в первые дни войны были призваны в армию, сократившийся контингент обоих учебных заведений тоже способствовал их слиянию.

В результате проведенного объединения оставшиеся в Самарканде бывшие сотрудники УзГУ лишились работы. Естественно, среди них был и Евгений Монфор, не имевший права покидать пределы Самарканда. Лишь через полгода ему удалось найти себе новое место службы. Сначала

его приняли в передислоцированную в Самарканд Ворошиловградскую спецшколу ВВС, готовившую летчиков, а спустя некоторое время и в Московский государственный художественный институт, тоже оказавшийся в Самарканде.

И там, и здесь Евгений Орестович преподавал иностранные языки. В конце 1943 года Монфор, чувствуя себя незаслуженно обиженным, подал К. Е. Ворошилову просьбу о снятии судимости. Однако дело его бюрократически затягивалось, документы передавались из одного ведомства в другое, а Евгений Орестович продолжал ждать и надеяться...

Новая служба его продолжалась недолго, так как через два с небольшим года началась эвакуация учебных заведений, возвратившихся в свои города.

Но в Самарканде возобновил свою деятельность восстановленный распоряжением правительства Узбекский государственный университет. И Евгений Монфор вернулся туда преподавателем кафедры иностранных языков. Прослужив здесь очередные два года, он, так и не получив ответа от властей, решил написать новое письмо с просьбой о реабилитации, обратившись теперь в самую высшую инстанцию страны – непосредственно к Сталину. Нельзя читать его письмо без волнения. Это крик души отчаявшегося и преследуемого спецслужбами человека:

«Дорогой вождь и отец!

Я старый боевой офицер, участник трех войн: 1904–1905, Первой мировой и гражданской. В старой армии дослужился до генерал-майора, командира дивизии, получил раны и контузию в боях с немцами, имел восемь боевых орденов. В Красной армии добровольно с марта 1918 года, носил 2 и 3 ромба, много работал в деле ее создания и укрепления, имел почетную грамоту ВУЦИКа; с 1922 по 1931 год участвовал в общественной работе на руководящих ролях. 22 января 1931 года, не совершив никаких преступлений, был арестован и присужден к 5 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях постановлением коллегии ОГПУ без нормальной судебной процедуры, т.е. без возможности защищаться и добиваться оправдания.

И в исправительно-трудовых лагерях я продолжал трудиться честно и добросовестно; за ударную работу я был внесен в Красную трудовую книгу и досрочно освобожден 14. XI. 1934 года. После освобождения в течение 12 лет продолжал трудиться так же честно и добросовестно в качестве военрука и преподавателя иностранных языков; качество моей работы засвидетельствовано отличными аттестациями, из коих две приложены к моему прошению о снятии судимости.

В ноябре 1943 г. я подал просьбу о снятии судимости, направив ее через тов. Ворошилова. Его секретариат переадресовал ее в комиссию при Президиуме Верховного Совета СССР. Эта комиссия 31. VIII. 1944 года... препроводила мою просьбу прокурору УзССР, который, в свою очередь, передал ее в Президиум Верховного Совета УзССР, откуда она снова вернулась в Президиум Верховного Совета СССР. Насколько я могу судить из переписки, причина этого странствования моего прошения та, что я не приложил к нему копии судебного приговора, но что я мог сделать: во-первых, не было суда, а следовательно, и судебского приговора, во-вторых,

копии судебных приговоров не выдаются лицам, осужденным по ст. 58 УК, каковым являюсь я.

В конце концов, 16 лет я незаслуженно ношу на себе порочащее меня клеймо преступника и терплю все его последствия. Моя личная жизнь разбита, я совершенно одинок. На всю мою долгую трудовую жизнь, на заслуги перед Родиной и Советской властью, на кровь, пролитую за отечество, поставлен крест. Всегда я чувствую себя как бы неполноправным гражданином, на меня смотрят как на преступника, не доверяют, опасаются. Это может казаться смешным, но это факт. Как бы я ни работал, что бы ни сделал, никаких поощрений и повышений я не получал. Моя просьба о реабилитации в течение трех лет только кочует из одной канцелярии в другую.

Мне 71 год. Невыносимо тяжело мне носить незаслуженное, принижающее меня клеймо преступника. Умоляю Тебя, великий друг и заступник трудящихся, помоги мне своим высокоавторитетным заступничеством. Я не прошу о признании моих прежних заслуг. Я прошу только об одной милости – снять с меня позорное пятно и реабилитировать, как честного гражданина своей Родины. Могу еще быть полезным, хотя бы как живая хроника жизни Русской армии с 1891 по 1931 год.

3 ноября 1946 года.

Евгений Орестович Монфор.

Адрес: г. Самарканд, ул. Воровского, 34».

Видимо, и это послание, покочевав по инстанциям, в феврале 1947 года попало в Ташкент, в 1-ый спецотдел МГБ УзССР. И снова начались проверки и запросы. Ознакомившись с имевшимися в его распоряжении документами, начальник этого отдела 5 февраля 1947 года обратился к своим самаркандским коллегам из службы МВД с просьбой выдать ему справку о наличии компроматматериалов на Монфора, «который проходит по архивному делу № 2170 как антисоветский элемент». Уже через два дня из Самаркандского управления МВД был получен ответ, что по местной справочной картотеке Монфор Е. О. по названной категории не проходит.

Весной 1947 года ему посоветовали заполнить официальное заявление о снятии судимости, что он и сделал, подав его 25 апреля в Управление министерства государственной безопасности (УМГБ) по Самаркандской области. Началась проверка его прошлого.

В справке Самаркандского областного управления Министерства госбезопасности УзССР от 9 мая 1947 года было сказано: «15 июля 1939 года на Монфора Е.О. было заведено дело-формуляр по окраске «Бывшие люди». В июне 1944 года дело-формуляр ввиду отсутствия материалов о практической антисоветской деятельности было переведено в учетно-наблюдательное дело, которое в сентябре 1946 года прекращено, а Монфор как судимый в прошлом за контрреволюционную деятельность и выходец из социально чуждой среды взят на подсобный учет с приобщением материалов к сборнику компроматматериалов.

За время разработки на Монфора поступили агентурные данные о его социальном прошлом и службе в царской армии на высших командных должностях.

Кроме того, в период 1941–1942 годов отмечались отдельные

антисоветские проявления в части жалоб на плохие условия жизни и трудности материальной жизни, а также упадническое настроение и неверие в победу над Германией.

С 1944 года каких-либо антисоветских проявлений со стороны Монфора агентурой не отмечалось, в связи с этим в сентябре 1946 года дело переведено на подсобный учет».

На основании этой справки 12 мая 1947 года начальник отделения «А» Самаркандского областного управления Министерства госбезопасности УзССР капитан Евтушенко написал заключение, в последних пунктах которого говорилось о том, что за время проживания Монфора Е. О. в Самарканде (с 1936 года по май 1947-го) он не подвергался судебным репрессиям и на службе характеризуется с положительной стороны. Компрометирующих материалов на него тоже не имеется. И потому, заключал капитан, учитывая его преклонный возраст – 72 года – полагал бы:

«Возбудить ходатайство перед особым совещанием МГБ СССР о снятии судимости с Монфора Е.О.

Настоящее заключение со всеми материалами направить в МГБ УзССР для утверждения и направления в особое совещание МГБ СССР».

Начальник Самаркандского УМГБ подполковник Маврин в тот же день утвердил данное заключение, которое было отправлено затем в Ташкент. В республиканском управлении заключение самаркандского управления тоже рассматривалось в отделе «А». Сотрудник, которому было поручено изучить присланные документы и дать свое заключение, направил запрос в 1-ый Спецотдел МВД СССР в Москву, где хранились сведения о Евгении Орестовиче по делу «Весна». Ответ из Москвы пришел отрицательный и, не смея противоречить столичным властям, Отдел «А» МГБ УзССР подготовил справку с отрицательным решением. В итоговой части ее было написано, что... «учитывая тяжесть совершенного Монфором состава преступления и руководствуясь указом НКВД СССР № 0117 от 11 / V. 1939 года – Полагал бы: в снятии судимости Монфору Евгению Орестовичу отказать.

Опер. уполномоченный отдела «А» МГБ УзССР
лейтенант Юлчиев».

Начальник ташкентского отдела «А» майор Ахлестин согласился с мнением своего подчиненного. А 10 октября 1947 года это решение было утверждено уже заместителем министра госбезопасности Узбекистана полковником Габитовым. Затем все документы по прошению Е. О. Монфора были отправлены из Ташкента в Москву, и 14 февраля 1948 года Особое Совещание при МГБ СССР отказало ему в снятии судимости. Лишь спустя четыре десятилетия честное имя Евгения Орестовича было восстановлено: 30 июня 1989 года Военная прокуратура Киевского военного округа приняла решение о его реабилитации...

Активные поиски следов бывшего генерал-майора в Самарканде после 1948 года в местных архивах, увы, не принесли желаемого результата. И потому неизвестно, где, как и когда завершилась трагическая жизнь этого незаурядного человека, отпрыска одного из самых родовитых семейств Европы.

ПУТЕШЕСТВИЕ В XXI ВЕК

Татьяна ОСИНА

«Классическая литература и музыка
сделали из меня, провинциального,
забитого мальчика, мыслящего человека».
Александр Сокуров

Роль классического искусства в жизни общества и каждого человека трудно переоценить. Однако споры на тему постановок классических балетных, оперных, драматических спектаклей – произведений прошлых эпох и ставших классикой недавно – не только не утихают, но, наоборот, набирают полемическую остроту. Декабрьские премьеры 2018 года дают повод включиться в актуальный разговор.

Первый спектакль – независимый театральный проект «Антигона» – состоялся на сцене театра Марка Вайля «Ильхом». Постановку знаменитой греческой трагедии Софокла осуществил молодой европейский режиссер Кемаль Султанов, объединив артистов трех ташкентских театров – театра Марка Вайля, Молодёжного театра и Государственного русского драматического театра, композиторов и музыкантов ансамбля «Омнибус». Второй спектакль – опера «Меддея» Л. Керубини (по одноименной трагедии П. Корнеля) был показан тем же вечером на российском телевизионном канале «Культура» к 100-летию Московского академического музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, Его режиссер-постановщик Александр Титель, родом из Узбекистана, сегодня возглавляет оперную труппу знаменитого московского театра. Так совпало, что оба спектакля, поставленные по классическим произведениям с единой греко-мифологической тематикой, представ перед зрителем в один вечер, наглядно продемонстрировали подходы, которые современная культура сформировала по отношению к классике, на практике реализуя их в широком спектре вариантов и сочетаний. В нашем случае два спектакля являют яркий пример двух крайних и прямо противоположных позиций: одна –

Татьяна ОСИНА. Родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентскую государственную консерваторию. Кандидат философских наук, доцент. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана, в сборниках научных трудов.

безудержное экспериментаторство, доходящее до полного волюнтаризма (московский проект-опера «Медея»), вторая – художественная ретроспекция, или реконструкция (международный проект-спектакль «Антигона»).

Режиссер «Антигоны» Кемаль Султанов напрямую не использует термин «реконструкция», но, по сути, четко формулирует его содержание и объем, когда заявляет, что его «постановка возвращает к ритуальным

Антигона

истокам западного театра, являясь попыткой приблизиться к задуманному великим аттическим драматургом – отсюда инструментарий выражения трагического духа: ритуальные обряды, песнопения, ритмический танец и холодная поэтическая декламация». Результат режиссерских усилий был с интересом встречен ташкентской публикой и, видимо, превзошел ожидания самого режиссера, еще недавно заверявшего, что «трагедия – давно ушедший жанр, реликвия прошлого, а в современной

культуре – совершенно искусственный мета-театр»¹. Смелое и спорное утверждение хотя бы потому, что оно не учитывает либо игнорирует наличие такого интересного явления в современной культуре, как жанр исторической ретроспекции. Будучи популярным у современной молодёжи, этот жанр является сегодня трендом культуры, своеобразным её ответом на сегодняшние события. Усиливающееся противостояние Востока и Запада, приведя к обальному пересмотру устоявшихся реалий и мифов, переоценке событий давно минувших дней и относительно недавнего прошлого, лишь способствовало тому, что этот жанр в России и на Западе набирает силу, позволяя противостоять намеренному искажению исторических фактов и хода событий. Спектакль «Антигона» Кемалья Султанова органично вписывается в этот культурный тренд, являя собой великолепный пример художественно-исторической реконструкции трагедии как жанра, когда прямо на глазах у зрителя вдруг оживает История театра, античная вазопись, скульптура, встаёт из пепла великий Софокл, история одной междоусобной войны. И это ни с чем не сравнимое погружение в древний мир, в «седую старину» накладывается на острое ощущение современности актёрских прочтений отдельных приемов, например, в партии хора, где средством и материалом творчества служит тело, внешний вид, жесты, поведение актёров, изображающих непогребенных фиванских воинов, а длительные манипуляции с песком как нарочитый акцент-прием адресуют (или могут адресовать) зрителя к искусству перформанса. Зная об увлечении режиссера теорией этого искусства, зритель сможет истолковать, откуда появился столь непривычный прием в театральном пространстве спектакля.

Ретроспекция «Антигоны» важна, потому что спустя 2500 лет после появления греческого шедевра напомнила нам о высочайшей планке, которая была взята европейским театром в момент его зарождения как вида искусства, благодаря высокой гражданской позиции сразу же

¹ Слово режиссера: что такое трагедия и зачем она нам? (программа к спектаклю).

превратившегося в трибуну для обсуждения масштабных общественных проблем, животрепещущих вопросов времени. Вот и сейчас, в век массовой культуры и засилья рыночной идеологии, в современном обществе растёт запрос на искусство театра, который в противовес «культурной попсе» – легковесному театру, порастратившему свой творческий потенциал в поисках развлечений, безудержного эксперимента, режиссерского самоутверждения, игры и пр., – станет театром Темы.

Мир «Антигоны», бережно воспроизведенный режиссером Султановым совместно с актёрской труппой, бесспорно, мир большой темы. В центре его – героиня, вступившая в конфликт с государством во имя высоко понимаемых ею законов чести, долга и общепринятых моральных норм. В мире высочайших достижений Техники, Цифры, Комфорта и резкого падения Морали такая героиня показана современной сценой как пример и носитель высоких этических идеалов. Она, безусловно, нужна обществу, в котором наблюдается обмельчание человеческой личности, ее упрощение, несвобода, где человек озабочен прежде всего собственными интересами, забывая об общественном благе, где ощущается явный дефицит совести, достоинства, порядочности, Гармонии и Красоты. Антигона нужна для того, чтобы восстановить идею о том, что Человек – высшая ценность. В обществе нарастающего отчуждения, в мире нисхождения Духа Софокл и его Антигона, ожившие на подмостках сцены, еще раз напомнили нам: Человек – мерило вещей, идея неуклонного развития человеческой личности – основа любых размышлений о мире и жизни.

Жизнь просто вызывает к вечной классике Софокла, которая на историческом сломе эпох, высвечиваясь новыми гранями, помогает осмыслить новые вызовы, найти ответы на злободневные вопросы современности. Параллели более чем очевидны: предельно политизированный, стремительно изменяющийся современный турбулентный мир и активно формирующееся общество античной демократии, в котором Софокл – стратег, военачальник, принимавший активное участие в государственной жизни и занимавший ответственные должности, конечно, не мог не осмысливать вопросы межгосударственных отношений, проблемы войны и мира, а также внутреннюю политическую проблематику «народ – власть», «народ – государство», «семья – государство», «человек – власть». Эти вопросы он стремился осмыслить в своем художественном творчестве, в воссоздаваемых им иллюзорных мирах «Антигоны» и других трагедий. Многие из них впервые формулировались, уточнялись, дискутировались в его произведениях. Сегодня, в условиях нового глобального переустройства мира они снова становятся сверхактуальными, например, как соотносить политику и мораль, политику и право, геополитические интересы и общечеловеческие ценности, международное право и право сильного, а также право суверенного существования нации, того или иного народа,

Антигона

вопросы справедливого, разумного существования в эпоху смертельно опасного ядерного противостояния. В предельной заострённости когда-то поставленных Софоклом проблем – уроки, опасения, предупреждения античного мудреца.

Неслучайно в финале «Антигоны» герой Софокла – царь Креонт, запретив Антигоне похороны брата (виновника междоусобной войны), повержен и раскаивается, после того как потерял семью, уважение граждан, что является вполне закономерным итогом для правителя-деспота, учинившего государственный и личный произвол. Креонт в постановке К. Султанова, исполненный Глебом Голендером, стал центральной фигурой спектакля не только по объёму присутствия актёра на сцене (в основе композиции три конфликтных диалога-спора Креонта с Антигоной, с сыном Гемоном и прорицателем Тиресием), но прежде всего по сути выражения поставленных Софоклом «проклятых вопросов бытия». Актёр Голендер, используя весь спектр своей богатой актёрской палитры, создал яркий запоминающийся образ фиванского тирана. Интересным в плане актёрского мастерства был дуэт двух сестер, Антигоны и Исмены, из пролога, построенный на контрастном противопоставлении мрачной, суровой Антигоны (Екатерина Белова) и звонко-легковесной, двуличной Исмены (Клара Нафикова). Запомнились убедительностью образы коварного, законопослушного Стража и сдержанного, не педалирующего трагическую эмоцию Вестника (актрисы Христина Белоусова и Элина Резникова). А художник по костюмам Сарби Давлетова добилась такого эффекта подлинности, благодаря которому персонажи Софокла словно сошли на сцену со знаменитых греческих ваз.

Зритель спектакля «Антигона» в постановке Кемаля Султанова наверняка получит уроки не только человеческого, гражданского мужества, благородства и совершенства на примере софокловского классического шедевра, но и бережного воспроизведения античного мира. Постановка оперы «Медея» Л. Керубини в Московском театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко демонстрирует совершенно иную позицию.

Великая Мария Каллас, исполнившая Медею в одноименном фильме Пазолини, а до этого – коварную леди Макбет на оперной сцене и мечтавшая о драматическом её воплощении, говорила, что опера может быть скучной, если плохо исполнена. Новый проект режиссера А. Тителя – опера «Медея» Керубини – получил великолепное вокальное воплощение на сцене. Партию Медеи исполнила всемирно известная оперная дива Хибла Герзмава, а другие партии – её замечательные коллеги по сцене. И всё же этот проект вряд ли можно назвать образцовым. На мой взгляд, он перенасыщен режиссерским экспериментаторством, заметно грешит постановочными излишествами. Напомню, опера «Медея» была написана Керубини в конце XVIII века, она довольно редко исполняется, поэтому вряд ли нуждалась в «особой», экспериментальной, постановке. Донести редко исполняемое классическое произведение до зрителя в первозданном виде было бы уместнее и большим подарком для поклонников оперы, не избалованных её многочисленными трактовками, нежели её яростное переkreивание, осовременивание.

Согласно мнению режиссера А. Тителя, увидевшего события, изложенные в опере, с короткой исторической дистанции XX века, Эсон и Медея – это первые террористы в истории человечества, похитившие

золотое руно и совершившие другие грязные дела в островных государствах. Неудивительно, что, смело переиначив античную историю, режиссер-постановщик переносит действие оперы в начало XX века, не задумываясь о том, что в таком же осовременивании и коррекции нуждаются выпренные, пафосные тексты трагедии Корнеля, где действуют фурии, цари, герои, боги, явно не соответствующие современности.

Шокирует уже пролог: сверхсовременные девушки (подруги новой невесты Ясона Главки) выбегают на сцену в пляжных костюмах бикини, с оголёнными животами, в солнцезащитных очках, загорают на солнце и, лёжа на расстеленных полотенцах, обмениваются вокальными фразами: «О бог

Антигона

любви Гименей, мы возносим тебе хвалы, услышь нас, скрепи этот союз, лишь ты принесёшь покой любящим сердцам, о небо, услышь наши мольбы!» И прочее в том же духе, на протяжении всей оперы текст звучит «вопреки», «поперёк», явно сопротивляясь визуальному ряду (и без того непривычно-сомнительному) уже при первом появлении Медеи, когда она на сцене в платье простолюдники закуривает сигарету, чистит кукурузу, помешивая скалкой, варит похлёбку. Отец Главки Креонт (в античном прошлом царь) переодет в обычный повседневный костюм, а Ясон и компания мужчин, его сотоварищей, в костюмах то ли полицейских, то ли террористов. Всё это происходит на сцене, которая оформлена весьма необычно: пляж, фортепиано, нишенский

стол со стульями и гранёным стаканом времён СССР, многочисленные скульптуры – античные торсы, мусорные баки, другими словами, настоящий театр абсурда... Опера о вечных проблемах: любовь, предательство, семья, дети – интересных и значимых для зрителя, но от несоответствия текста, времени и места действия, музыки всё происходящее воспринимается как большая натяжка, привязка, упрощение, уплощение, игра на понижение, заигрывание со зрителем, трюкачество, коммерция, эпатаж, вкусовщина... После увиденного невольно согласишься с маэстро Юрием Темиркановым, который всегда был категорически против переноса места, времени действия в спектаклях оперного классического репертуара, считая, что современным творцам следует творить свои новые, современные, оперы, а не вечно перелицовывать до неузнаваемости старые классические шедевры.

Несомненно, классика не устаревает, она вечна и может звучать современной, чем иные новые творения, при бережном и разумном отношении она может быть неиссякаемым источником вдохновения и творчества во все времена.

ФИЛОСОФСКАЯ СУБСТАНЦИЯ ГЕРОЯ В. НАБОКОВА

ФЕРУЗА ИРКАБАЕВА

Литература первой половины XX века, несмотря на декларации о специфике и независимости, продолжила традиции русской классической литературы. Подтверждением этому может служить творчество В. Набокова (аналитическое исследование типологии героя). Ирина Каспэ пишет, что «"незамеченное поколение" своим появлением обязано высокому статусу русской классической литературы, ...это поколение вторично по отношению ко всей русской литературе, в пику ей несчастно и, по сравнению со всей русской литературой, не признано» (Каспэ И. М. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. – М., 2005. – С. 12.).

На самом же деле сложная «антропологическая конструкция» – человек начала XX века – это герой русской классической литературы, претерпевший непростые изменения, помещенный в новые культурно-исторические обстоятельства, пытающийся найти себя, вернуться к себе. Подтверждает это активно разрабатываемая тема исторической памяти как основного, связующего начала между этапами развития литературы, в частности, русской классической и литературой русского зарубежья (20-30 гг.). В своих воспоминаниях герой-эмигрант мало чем отличается от героя русской классики.

Отметим сходства героя «незамеченного поколения» с литературным предшественником (без учета авторских индивидуальностей, с опорой на ключевые ориентиры русской классической литературы).

Типология героя XIX века формируется в лучших образцах русской классики: Чацкий в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» –предвестник «лишнего человека»; главные герои романов «Евгений Онегин» Пушкина, «Герой нашего времени» Лермонтова, «Преступление и наказание» Достоевского, «Обломов» Гончарова – новые («лишние») социально-психологические типы героев; образы «маленького человека» («Станционный смотритель» Пушкина, «Шинель» Гоголя, «Бедные люди» Достоевского); «новые люди» («Что делать?» Чернышевского, «Отцы и дети», «Новь» Тургенева). Литературные и философские истоки нового социально-психологического типа героя восходят к романтизму с его бунтом против действительности, к

Феруза ИРКАБАЕВА. Родилась в 1991 г. в г. Ангрене. В 2016 году окончила Ташкентский областной госпединститут, магистратуру при НУУз. Работает преподавателем кафедры мировой литературы НУУз. Автор 2-х научных публикаций.

байронизму с его романтическим уходом от действительности, социальные и общественные истоки восходят к идеологии декабризма и взглядам просветителей. Если попытаться установить четкую связь между «веком минувшим» и «наступившим» XX веком с его историческими катаклизмами и потрясениями, то становится понятным, что литературный герой молодого поколения писателей русского зарубежья в отношении к миру «наследует» у своих «предшественников» разлад с обществом, критицизм (Чацкий), социальную апатию и пессимизм, склонность к самоанализу (Онегин), замкнутость на себе, разочарованность и рефлексивность (Печорин), уход от действительности (Обломов). Но крайний индивидуализм героя русской эмиграции отличает его не только от современников, но и от литературных предшественников. Он беспрестанно ищет себя, его отрешенность связывает его с трансцендентным миром, в «здешней» реальности ему все чуждо. Очевидна его типологическая связь с русским символизмом и героем более позднего течения – постмодернизма. Конечно, литературный герой русского зарубежья содержательно и стилистически повзрослел значительно раньше героя литературы первой половины XX века. Причиной этого послужили конкретные культурно-исторические обстоятельства, лишившие писателей, а соответственно и их героев, самой философской субстанции – уверенности во всем сущем.

В романах «Приглашение на казнь», «Защита Лужина» В. Набокова индивидуализм героев усугубляется мотивом одиночества. Противопоставление индивидуального и общего активно реализуется в прозе В. Набокова, начиная с первого романа «Машенька», в котором Ганин ощущает себя совершенно посторонним в мире теней берлинского пансиона. Но особенно отчетливо это звучит в романах «Приглашение на казнь», «Защита Лужина», «Под знаком незаконнорожденных». Принцип двоемрия реализуется в утверждении равнозначности идеального и реального миров и происходит это у Набокова на нескольких уровнях организации текста. В «Приглашении на казнь» Цинциннат верит в существование иной действительности: это «есть, мой сонный мир, его не может не быть, ибо должен же существовать образец, если существует корявая копия. Сонный, выпуклый, синий, он медленно обращается ко мне...»¹. Описывая героя, Набоков отмечает, что «одной стороной своего существа он неуловимо переходил в другую плоскость, как вся сложность древесной листвы переходил из тени в блеск, так что не разберешь, где начинается погружение в трепет другой стихии. Казалось, что вот-вот в своем передвижении по ограниченному пространству кое-как выдуманной камеры Цинциннат так ступит, что естественно и без усилия проскользнет за кулису воздуха...»². В сюжетном решении равнозначность стихий заявлена в финале: «реальность» разрушается полным осознанием Цинциннатом иного мира, где обитают «существа, подобные ему». Неверие в познаваемость мира, характерное для символизма, проявляется у Набокова в нежелании упрощенно объяснить этот мир. Попытки просчитать и продумать кажутся ему тщетными уловками скудных умов. «Подите вы прочь, с вашими линейками и весами!», – заявляет он. Справедливо замечание Р. Гвардини, высказанное в книге «Конец нового времени» (1950): «любая конечная («оформленная») картина мира –

¹ Набоков В. Приглашение на казнь. – М., 2005. – С. 289.

² Там же. – С. 297.

есть следствие ограничения собственного познания этого мира. Старания подобрать каждому предмету свое место лишают жизнь свободы – именно эта проблема описана в романе «Под знаком незаконнорожденных»¹.

Герой Набокова воспринимает этот мир интуитивно, созерцательно, всеми органами чувств и видит свою исключительность в том, что он «не простой... Не только мои глаза другие, и слух, и вкус, – не только обоняние, как у оленя, а осязание, как у нетопыря, – но главное: дар сочетать все это в одной точке...». Он жадно впитывает окружающую реальность: «Его глаза совершали беззаконнейшие прогулки»².

Поэтика условности и иносказания – характерная черта стиля Набокова. Исследователь А. Злочевская определяет творческий метод Набокова как «мистический реализм»³, что определяет особенности его стиля.

На писателя оказал заметное влияние модернизм начала XX века, особенно символизм с его апологетикой крайнего индивидуализма, повышенным интересом к проблеме личности и к её внутреннему миру, противопоставлением социального и индивидуального, двоемирием и агностицизмом, утверждением интуитивности постижения мира через мистические прозрения, откровения; с его символикой, условностью, иносказанием.

Герой «нового» времени значительно отличается от традиционного героя классической литературы, который имел цельную картину мира и гармонично был связан с ним. Для русского писателя, как и его героя, не было сомнений в высшем смысле мироздания. Концепция личности героя в русской классической литературе формировалась постепенно, под влиянием древнерусской литературы с её дидактическим пафосом. Важным «структурообразующим» моментом является то, что герой, даже будучи грешником, всегда ищет путь к Истине, к себе, к Богу, устремлен к идее гармонии с окружающим миром, с Богом. В классической литературе представлены нравственные идеалы, духовные искания человека, его путь к познанию собственной сути. В произведениях писателей младшего поколения русской эмиграции появляется «другой» герой, он кардинально изменился, это герой, разуверившийся в высоком смысле происходящего и высшем своем предназначении, потерянный и недовольный.

Набоковский Цинциннат осознает бессмысленность окружающего мира: «Я тридцать лет прожил среди плотных на ошупь привидений, скрывая, что жив и действителен, но теперь, когда я попался, мне с вами стесняться нечего. По крайней мере, проверю на опыте всю несостоятельность данного мира» и далее: «Наша хваленая явь, которая, в свой черед, есть полусон, дурная дремота, куда извне проникают, странно, дико изменяясь, звуки и образы действительного мира, текущего за периферией сознания»⁴.

Всем своим творчеством Набоков доказывал, что именно в индивидуальном сознании личности заключается уникальная ценность и «высшее таинство» жизни. Для русской литературной традиции такой герой, концентрирующий в себе все ценности мира, не характерен. Сознание

1 Гвардини Р. Конец нового времени. – М., 1993. – С. 134.

2 Набоков В. Приглашение на казнь. – М., 2005. – С. 270.

3 Злочевская А. В. Художественный метод «фантастического реализма». – С.-Пбг, 2000. – С. 24. (автореф. канд. диссертации).

4 Набоков В. Приглашение на казнь. – М., 2005. – С. 230.

эмигрантского героя раздробленно, хаотично, растерянно, однако с героем русской классической литературы его сближает духовный поиск. В новом герое переплетены традиционные темы: преступление и наказание, совесть, раскаяние, сострадание и отношения человека с миром, с Богом, с собой. Изменяется не только сознание литературного героя, изменяется сознание автора и читателя. «Изгнаничество обострило поиски самопознания и самоопределения», смысл многих произведений Набокова сводится к поиску себя, его герой обращен к внутренней истине, ищет свой смысл, своего Бога. Для автора «Машеньки» важны те же ценности, что и для русской классической литературы, – добро, справедливость, любовь.

В лекции «Искусство литературы и здравый смысл» Набоков призывает студентов, решивших посвятить себя литературе, уйти в «многократно поруганную башню из слоновой кости» и, приняв, «иррациональную веру в доброту человека», строить свой собственный мир, который мог бы выжить в борьбе с «современным миром газетных редакторов и других хитроумных пессимистов», которые будут уверять в неуместности веры в добро, в то время как полицейское государство или коммунизм «пытается превратить земной шар в пять миллионов квадратных миль ужаса, глупости и колючей проволоки»¹.

В переписке с Джорджем Нойесом Набоков подчеркивает, что настоящее искусство одухотворяет и просветляет человека, но навязывание добродетели бессмысленно: «Я никогда не собирался отрицать моральное воздействие искусства, которое, безусловно, свойственно каждому его истинному произведению. Что я действительно отрицаю и с чем готов бороться до последней капли моих чернил, так это умышленное морализирование, которое, с моей точки зрения, убивает всякое воспоминание об искусстве в любой работе, как бы искусно она ни была написана».² Для Набокова логична и взаимосвязана цепочка «настоящее искусство – правда – нравственность – ответственность». П. Бицilli назвал набоковского героя онтологическим характером: его волнуют коренные смыслы мироздания и собственного существования (как и героя отечественной классической литературы), такой характер исследователь определил как «everyman», по его мнению, у Набокова каждый его персонаж – everyman – всякий, любой человек, посвоему им увиденный. Интересно в этом замечании то, что набоковские герои обладают острым ощущением своей неповторимой индивидуальности, в силу чего они несколько отдалены от объективной реальности, но при этом им (Шинциннат «Приглашение на казнь», Василий Иванович «Озеро, Облако, Башня», Круг «Под знаком незаконнорожденных») присущи онтологические свойства. Главный вопрос романов – существование и сущность, с ним связано осмысление и других онтологических категорий: основание, содержание и форма, часть и целое, однородность. Нельзя не согласиться с мнением П. Бицilli, о набоковском «everyman»: чем глубже его личность, «тем больше он ищет ответов на экзистенциальные вопросы, чем глубже его ощущение мира, тем больше такой образ приближается к понятию "человека" вообще»³.

В романе «Приглашение на казнь» главный герой мысленно одолевает

1 Набоков В. Лекции В. Набокова: Искусство литературы и здравый смысл. – М., 2001. – С. 34.

2 Набоков В. Письма В. Набокова. – М., 1995. – С. 56.

3 Бицilli П. Приглашение на казнь. – Москва, 1998. – С. 34.

границы, отделяющие человека от сути, смысла мироздания: «Часть моих мыслей теснится около невидимой пуповины, соединяющей мир с чем-то, – с чем, я еще не скажу. И напрасно я повторяю, что в мире нет мне приюта... Есть! Найду я!»¹. Многие романы Набокова близки жанру притчи, для которого нехарактерны обрисовка характеров, указания на место и время действия, нет показа явлений в развитии. Все, что известно читателю о героях таких его произведений, – это их состояние мысли и эмоций, которые они испытывают в момент чтения. Набоков широко использует аллегорию, иносказания, связанные с отношением к жизни как к своего рода «инобытию». Но трудно согласиться с Бицilli, который утверждает, что каждый из героев слеп и глух, абсолютно «непроницаем», и отношения между такими персонажами состоят из чисто механических притяжений и отталкиваний. Напротив, набоковские персонажи обостренно воспринимают действительность, которая не всегда совпадает с их ожиданиями. В центре набоковских произведений – конфликт между судьбой и героем, часто безуспешно противостоящим ей, пытающимся переделать ее. Порождение «незамеченного поколения» герой-эмигрант – все тот же герой классицизма, помещенный в новые обстоятельства, хотя есть и отличия: писатель оригинально раскрывает тему двойничества (герой – автор), имевшую в предыдущем столетии трагический оттенок, связанный с идеей распада личности. У Набокова герой-творец или герой-идеолог имеют двойника, противостоящего плоским и однозначным персонажам-антагонистам. Двойники Набокова воплощают идею об ином возможном способе реализации, они имеют еще один шанс на воплощение себя.

Набоковская концепция личности отчасти реализуется через мотив двойничества, будучи воплощенной в главном герое и в авторской позиции. (Смуров – «соглядатай», Лужин – Туррати, Гумберт – Куильти, Ганин – «двойник Ганина», «его тень», Цинциннат – «другой, добавочный, Цинциннат», Герман – Феликс, Федор Годунов – Чердынцев – Кончеев). Каковы бы ни были варианты воплощения «я» героя, есть субстанция, которая позволяет ему сохраниться: «Я есмь» (онтологическая характеристика). Раздвоение и поиски себя (онтологическая характеристика – часть и целое) – взаимосвязанные процессы, скрепленные попытками обрести целостность. «В контексте набоковского художественного мира процесс раздвоения и поиски своей целостности оказываются аспектами одного процесса осознания себя как основного сюжета, предмета своей жизни – текста, процесса себяписания, через которые ведется освоение реальности» (А. Колотнева). Личность, способная осознать себя автором «текста» – творец, и в этой своей роли он «богаче, многообразнее и сложнее его отдельной части – героя». Мотив двойничества и мотив памяти, как и многие другие, нацелены на раскрытие многогранной и глубокой сути героя-художника и являются своего рода маркерами, отличающими категорию «пошляков» от категории «творцов».

Философско-эстетическая система Набокова являет: нравственность, ответственность, правду, гуманность и настоящее искусство явлениями одного порядка. В «Приглашении на казнь» ипостась Цинцинната-автора освоена и представлена меньше, чем просто Цинцинната-героя. При этом приближаться к своей второй сути он начинает не сразу, осознает себя своим же творцом не сразу: сначала это дневниковые записи – размышления на

¹ Набоков В. Приглашение на казнь. – М., 2005. – С. 289.

отдельных листках бумаги, через эти откровения он познает себя. В самом начале романа читателю дается подсказка, из которой следует вывод: жизнь Цинцинната и есть текст, ключевой замысел его – осознать себя автором, эта мысль характерна и для других романов В. Набокова. На одной из страниц жизнь героя сравнивается с карандашом, который день ото дня становится все короче. Цинциннат наделяется также свойствами бумаги: он «был легок как лист»; у него «трепещут все листики» от волнения, «сдерживая дыхание, он с призрачной легкостью, как лист папиросной бумаги», пытается следовать за таинственным стуком, он «шелестит, отвечая мсье Пьеру»¹.

А. Колотнева в своей монографии считает, что «текст романа является телом Цинцинната, в границах которого он реализует себя в качестве героя. Но и это тело-текст – тоже заточение для него, выход из которого «предстает как обретение еще одной, качественно другой, формы бытия, само строение его грудной клетки выражало решетчатую сущность его среды, его темницы»². Заключенный пока еще смутно ощущает свою двойственную природу. Но как только он понимает себя как собственного автора, он легко рвет «цепи», отбрасывает палачей и уходит прочь из города картонных кукол: «один Цинциннат считал, а другой Цинциннат уже перестал слушать удалявшийся звон ненужного счета и с неиспытанной дотоле ясностью, сперва даже болезненной по внезапности своего наплыва, но потом преисполнившей веселием все его естество, подумал: зачем я тут? отчего так лежу? Задав себе этот простой вопрос, он отвечал тем, что привстал и осмотрелся. Цинциннат пошел среди пыли, падших вещей и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему»³.

Так герой обретает свободу, нарушая «двумерность художественного пространства» и классические представления о литературном герое. Стоит обратить внимание, что на самом деле Цинциннат свободен: он трижды выходил из крепости, имея возможность туда не возвращаться, но ключевая идея как раз в том, что, не поняв главного, он остается в заточении: «Миновав еще много дверей, Цинциннат споткнулся, подпрыгнул и очутился в небольшом дворе, полном разных частей разобранной луны. Пароль в эту ночь был молчание, – и солдат у ворот отозвался молчанием на молчание Цинцинната, пропуская его, и у всех прочих ворот было то же. Оставив за собой туманную громаду крепости, он заскользил вниз по крутому, росистому дерну... по узорному мосту через высохшую речку. Цинциннат вошел в город... оказался на своей улице... и узнал свой дом... толкнул дверь и вошел в свою освещенную камеру. Обернулся, но был уже заперт. Ужасно! На столе блестел карандаш»⁴. Образ карандаша появляется неоднократно, намекая на возможность осознать себя автором, что и будет спасением для Цинцинната. Образ Автора-Творца у В. Набокова коррелирует с важнейшей темой его творчества – Смертью. Заключенный в последние дни перед казнью читает роман «Quercus». Читает медленно, размышляя о предстоящем, представляя, как автор романа, «человек еще молодой, живущий, говорят, на острове в Северном, что ли, море, сам будет умирать, – и это было как-то смешно, – что вот когда-нибудь непременно умрет автор, – а смешно было потому,

1 Набоков В. Приглашение на казнь. – М., 2005. – С. 289.

2 Колотнева А. И. Герой, автор, текст в романистике В. Набокова. – СПб., 2001. – С. 12.

3 Набоков В. Приглашение на казнь. – М., 2005. – С. 289.

4 Там же. – С. 345.

что единственным тут настоящим, реально несомненным была всего лишь смерть»¹.

Действительно, в мире «Приглашения на казнь», как, впрочем, и в реальном мире, исключительно безусловной является только смерть, все остальное зависит от времени, места, от осознания. Очевидно: если человек родился, он обязательно умрет, т.е. только это несомненно – небытие. Но, если быть уверенным в небытии (в том, что ничего нет), тогда нет и смерти, а есть лишь переход от жизни к смерти. Его герой боится этого перехода: «... прах и забвение мне нипочем, я только одно чувствую – страх, страх, постыдный, напрасный...». И далее: «Он понимал, что этот страх втягивает его как раз в ту ложную логику вещей, которая постепенно выработалась вокруг него, и из которой ему еще в то утро удалось как будто выйти»². Ключевые слова в этих отрывках: «напрасный», «ложная», что определяет боязнь Цинцинната как совершенно излишнее беспокойство. Лишь осознав себя собственным творцом, герой избегает «бытия безымянного, существенности беспредметной».

Творчество, авторство и осознание этой своей роли – вот что спасает личность от небытия. Реализация героя в авторе четко проявляется лишь в финале произведения.

Очень важен в прозе Набокова мотив Памяти. Он связывает героя «незамеченного поколения» с традиционной русской литературой, наполняя ее иным содержанием, отводя иную роль. Память сохраняет наши переживания, благодаря этому мы можем прочувствовать многие моменты заново. Все самое дорогое у героя Набокова – в его прошлом, которое бережет память, являющаяся в поэтике Набокова дополнительным измерением бытия. Она придает жизни цельность и глубину.

Такое понимание писателем Памяти соответствует толкованию этого слова в древней философии, где «память» имела то же значение, что и слово «бытие» или «полнота бытия». Это – центральный мотив в творчестве писателя. Сквозь него проходит множество смысловых нитей, определяющих идейное содержание всего метаромана и лирики Набокова. Он связан с идеей творчества: творец – рефлексирующая, обращенная в себя личность. Человеку не дано понять мир вокруг него (агностицизм), но он способен понять внутреннюю вселенную, внутреннее пространство своего «я», а реальностью внутреннего мира являются воспоминания. «Мысленное прозрение» в набоковском мире становится синонимом воспоминания. Все герои Набокова погружаются в свои воспоминания в поисках ответа на существующие вопросы, в поисках ощущения счастья и уверенности. Воспоминания напрямую связаны с мотивом Родины, дома.

Обращаясь к своей памяти, набоковский герой участвует в творческом акте («пошляки» этой способностью не обладают). И главное – набоковский герой, как и его читатель, задается поиском смысла существования, поиском неделимой точки «Я есмь», сближаясь с героем русской классической литературы, ищущим суть человеческую. Если такой герой приходил к пониманию себя, истины, Бога через связь с окружающим миром, то герой Набокова приходит к себе через отрицание мира, не наделенного сознанием, через рефлекссию, через погружение в себя: «я чувствовал такой страх и

1 Набоков В. Приглашение на казнь. – М., 2005. – С. 367.

2 Там же. – С. 375.

грусть, что старался потонуть в себе самом, там притаиться, точно хотел затормозить и выскользнуть из бессмысленной жизни, несущей меня»¹. Писатель, как и классики, отстаивает право личности быть собою. Таким образом, несмотря на всю уникальность и новизну новой «антропологической конструкции», ее основным ориентиром остался тот же, что и у литературных предшественников, духовный поиск.

Герои писателя устремлены вверх («Приглашение на казнь», «Под знаком незаконнорожденных»). Набоков в главном продолжает традиции классической литературы, но, следует отметить, гуманистический пафос, которым пронизана русская классическая литература, писателю претит, у него нет традиционного морализаторства, гипертрофированного сострадания к «маленькому человеку», сформировался новый формат отношений с читателем – соавторство. Автор не поучает и полностью доверяет читателю выносить приговор его героям. Следует отметить, что такой подход вызревал уже, например, у А. Чехова. В романах «Приглашение на казнь», «Под знаком незаконнорожденных» читателю доверяется дальнейшее развитие сюжета и его объяснение. Появилась возможность множественных трактовок в отличие от текстов русских классиков с однолинейным повествовательным характером связи с читателем. Границы текста Набокова как бы расширены, читателю не просто рассказывается о жизни героя, реципиент словно участвует в ее событийности. Для создания такой иллюзии автор использует метафоры, детали, колоритные описания, литературные аллюзии, цитирование. Размыванию границ между художественным миром и реальным способствует такой художественный прием, как прямое обращение к читателю, которого Набоков в романе «Bend Sinister» шутивно величает «придирчивый дурень». Хотя эта особенность характерна и для некоторых произведений XIX века (Чернышевский с его «проницательным читателем»), все же, на наш взгляд, фигура читателя в набоковских текстах представлена более явственно и многогранно, иногда автор просит включиться в происходящее, помочь («Приглашение на казнь»).

Таким образом, природа героя новой словесности обновлена, сложна и противоречива. Хотя и очевидна связь с традициями русской литературы, набоковский герой отворачивается от мира людей, обращается внутрь себя и там ищет истину и Бога. В поэтике В. Набокова этот вопрос сопряжен с ключевой темой его творчества – Авторством: герой, осознавший себя, способен стать Творцом своей жизни. По В. Набокову, важна не возможность существования, а осознание своей роли, личной неприкаянности, душевного одиночества, выход из которого человек ищет не в мире, а в себе, переходя на новый уровень отношений с собой и мирозданием.

Анализ художественных произведений В. Набокова, дает основание утверждать, что концепция личности набоковского героя включает такие специфические черты, как сознание собственной внутренней раздробленности, индивидуализм – отчужденность, одиночество, интуитивное приятие мира – и важным здесь является мотив памяти, наличие героев-двойников.

¹ Набоков В. Письма В. Набокова. – М., 1995. – С. 78.

МАКОМНЫЕ ТРАДИЦИИ В СИМФОНИИ

Орзигуль АЛИМУХАМЕДОВА

Музыка обладает неимоверной силой, которая проникает в душу человека и очищает её, оказывая влияние не только на духовное сознание человека, но на духовное развитие общества и мирового сообщества в целом, что отмечено президентом Ш. М. Мирзиёвым в приветствии участникам фестиваля «Шарқ тароналари»: «В нынешнее чрезвычайно сложное время, когда в мире усиливаются различные вызовы и угрозы, усугубляются противостояния, все больше возрастает роль и значение музыкального искусства, которое без переводчиков объединяет миллионы людей разных национальностей, языков и религий, еще больше укрепляет узы дружбы, сотрудничества и согласия» (www.gazeta.uz./Президент приветствовал участников фестиваля «Шарқ тароналари»).

Узбекская композиторская школа является одним из уникальных феноменов мировой музыкальной культуры. Ее неповторимое своеобразие во многом обусловлено взаимодействием традиционного и современного, оригинальным синтезом этих составляющих. Узбекская классическая музыка, макамы являются для композиторов неисчерпаемым источником вдохновения, стимулирующим фактором творчества, способствующим укреплению авторитета узбекской композиторской школы в мировом музыкальном сообществе.

Творческий процесс создания музыки исключительно сложен и предполагает неустанные поиски новых перспективных путей, направлений, экспериментов, направленных на обновление музыкальных выразительных средств и достижение высоких художественных результатов. Контакты композиторов с традициями разных эпох в процессе сочинения музыки разнообразны и в основном решаются индивидуально. В узбекском композиторском творчестве богатейшие национальные традиции постоянно развиваются и обретают новые формы. Одним из могучих источников, питающих узбекское композиторское творчество, является маком. Весьма многообразным и художественно ценным является применение выразительных средств макома в симфонической музыке, где наиболее важными и константными являются лирико-философские образы. Развитие макомных традиций в узбекском симфоническом творчестве характерно для сочинений композитора Мирхалила Махмудова.

Орзигуль АЛИМУХАМЕДОВА. Родилась в 1990 г. в Ташкенте. Окончила факультет музыковедения ГКУз. Работала преподавателем в ГИИКУз. Ныне докторант Института искусствознания АН РУз. Автор научных статей и участник республиканских и международных конференций.

Махмудов глубоко осмыслил макамы и воспринял их как высокую духовную художественную ценность. «Я люблю слушать и исполнять... макамы, – сказал Махмудов автору этой статьи, – мы выросли на интонациях макома. Мне нравятся все типы макомов, но особенно близки мне Фергано-Ташкентские макамы». Именно они сыграли огромную роль в первой симфонии «Наво» (1971 г.), представляющей собой четырёхчастный цикл, построение которого отличается от классических симфоний тем, что композитор практически не использует в своем сочинении сонатную форму, а использует принципы музыкальных форм, идущих от макомов.

Концепцию симфонии «Наво» Махмудов изложил следующим образом: «...путь, на который встало узбекское композиторское творчество, путь объединения узбекской классической музыки с европейскими формами. Все корифеи отечественной композиторской школы писали сочинения, опираясь на традиционную профессиональную и народную узбекскую музыку. Конечно, то же требовалось и от молодых, начинающих, композиторов, именно это нашло отражение в макомной симфонии «Наво». В первой части цикла музыка имеет глубокий возвышенный, философский характер, что связано с макомом посредством лирических печальных макомных интонаций. Неслучайно композитор выбрал именно напев «Наво» для сурная, который исполнялся на свадьбах во время проводов невесты. Внутренние переживания невесты, которыми она не может ни с кем поделиться, красной нитью проходят через всю симфонию. То же настроение пронизывает и третью часть сочинения. Иной характер имеет вторая, жизнерадостная, часть. Это воспоминания юной невесты, связанные с беззаботным счастливым детством, родной махаллей, семьей. В музыке состояние передано с помощью веселой и игривой народной мелодии из макома «Ўйин баёти». В финале симфонии музыка звучит торжественно, празднично, что свойственно для свадеб любого народа. Несмотря на веселое и праздничное настроение, симфония заканчивается национальными мелизмами нола, которые передают глубокие элегические настроения. Таким образом, посредством объединения в финале праздничных настроений второй части и меланхолических состояний первой и третьей частей возникает внутреннее образное единство всего сочинения.

Новым в симфонии «Наво» является введение в симфонический оркестр народных инструментов – электро-танбура, нагоры. Кроме этого, имитируя звучание сурная деревянными духовыми инструментами, композитор нашел новые музыкальные средства выразительности: каждая прозвучавшая интонация начинается с малой терции, что характерно для макома «Наво». В частных интонациях имеются также четвертьтоновые звуки, хорошо передают традиционные элементы в качестве нола струнные инструменты. Композитор в данном произведении объединил две высшие формы музыкального искусства.

Самая сильная сторона музыки – прекрасные национальные мелизмы, с помощью которых автор создает духовный облик произведения. Хорошо зная фольклор и традиционную музыку родного края, М. Махмудов широко использует их богатейшие выразительные возможности, создавая свои авторские темы, опираясь на интонации и ритмы Фергано-Ташкентской музыки. Стихия традиционных элементов проникает в музыку всего симфонического цикла, сообщая ему неповторимый колорит, свойственный макомной музыке.

Другим произведением, где прослеживаются макомные традиции, является цикл «Мухаммас и Уфар» для струнного оркестра (1975 год). Построенный на творчески переосмысленном композитором макомном

материале, «Мухаммас и Уфар» представляет собой оригинальный макроцикл, в котором содержатся три микроцикла. «Идея создания этого сочинения возникла у меня в процессе освоения современных композиторских техник письма, импульсы которых я обнаружил в нашем богатейшем национальном наследии, – говорит Мирхалил Махмудов. – Ограничив себя в тематическом материале, поскольку сознательно использовал во всех трех частях цикла один и тот же музыкальный материал, я преследовал цель раскрыть его максимальные возможности. Каждая нота, каждый элемент партитуры тщательно продуманы, досконально выверены, заключают в себе глубокий смысл. Мелодии и ритмы связаны в своих истоках с далёким прошлым, устремлены в светоносные высоты будущего».

Цикл построен таким образом: все Мухаммасы медленные, а все Уфары быстрые. Контрастное сопоставление темпов имеет национальные истоки (макомы), которые являются для композитора не только материалом для создания определённой атмосферы, исторически достоверного колорита, но источником высокой духовности. Музыка Мухаммаса – лирическая, задушевная, выражающая эмоциональные состояния и психологические переживания человека, близка по характеру к макому. Несмотря на сложность построения мухаммасов, они являются наиболее известными среди всех инструментальных частей макомов. Причиной этого является их образно-смысловая сфера и эмоционально-чувствительная содержательность.¹

Цикл «Мухаммас и Уфар» композитор строит на основе одного тематического зерна. «Неслучайно узбекский мелос называют “моноинтонационным”, “монотематическим” – здесь всё строится на модификации, видоизменённых повторах начального мотива. Каждый последующий мелодический оборот в этой органически развёртывающейся линии – полномочный “представитель темы”, каждый сохраняет смысловую наполненность. Это ценнейшее качество – способность не терять интонационной содержательности на большой протяжённости – получило своеобразное претворение в музыке узбекских композиторов»². Уфар построен на контрастной теме. Уфаром называются веселые и жизнерадостные макомные напевы из Шашмакома. «В практике Шашмакома уфар означает название не только одного конкретного усуля, но обобщённо выражает усули всех заключительных частей разделов внутри свода».³

Взаимопроникновение различных жанров и стилей в музыке Махмудова объясняется разными причинами. С одной стороны, это следствие тенденции современного искусства к более полному национальному и всестороннему отражению сложных явлений действительности, богатого психологического мира человека наших дней, нового строя его мыслей и чувств; с другой – результат активного влияния профессионального творчества устной традиции на жанры, стиль, драматургию и формы композиторского искусства.

Используя в цикле принцип монотематизма, Махмудов добился глубокого внутреннего единства общей композиции, сквозной драматургической линии симфонического развития музыкального материала за счёт вычленения и разработки элементов основной темы, олицетворяющей собой национальный пласт, в многокомпонентном составе которого вырастают новые элементы. В связи с этим неизбежно возникает ассоциативная параллель с могучим деревом,

1 Ражабов И. Макомлар. – Т., 2014, с. 179.

2 Янов-Яновская. Н. Узбекская симфоническая музыка. – Т., 1979, с. 21.

3 Матякубов О. Узбекская классическая музыка. Книга 2. Теоретические основы. Т., 2015, с. 63.

дающим жизнь ветвям и побегам.

Третья симфония для большого оркестра, созданная в 1981 году, – новая страница в творчестве Махмудова, для нее характерно обновление жанра симфонии в рамках канона. В Третьей симфонии обнаруживается тенденция чувственно-действенного постижения мира в непосредственной сопричастности человека к окружающей жизни. Опора на макомные традиции позволяет раскрыть художественное содержание симфонии в широком эстетичном контексте.

В Третьей симфонии национальный стиль представляет неразрывное единство общего и индивидуального. Макомные традиции становятся более весомыми, приобретая новые качества и семантические значения.

Сохраняя внешнюю конструкцию классического четырехчастного цикла, композитор подвергает его внутренней трансформации. Если в «Наво» опора на глубинные закономерности национально-традиционной цикличности и узбекское монодийное мышление проявлялись в парной группировке частей по принципу двухчастных микроциклов, то в Третьей симфонии ощущается темброво-колористическое начало, как сонорно-тоновое, так и алеаторно-импровизационное. Махмудов демонстрирует в данной симфонии мастерство свободно-вариантного развёртывания мелодических линий на уровне однотембровых и многотембровых регистровых пластов. Национальное начало проявляется в Третьей симфонии как сложное единство, выраженное через комплекс музыкальных выразительных средств.

Таким образом, симфония «Наво» открыла новые пути претворения макомных традиций, органично сочетающихся с использованием техник современного композиторского письма, что дало высокий художественный результат.

Следующей ступенью претворения макомных традиций стал цикл «Мухаммас и Уфар» для струнного оркестра. Он отличается привнесением в инструментальную узбекскую композиторскую практику совершенно новых принципов в плане содержания, основанного на макомной семантике, а также открытием новых приемов письма. Последние связаны с взаимодействием макомных традиций и современных приемов музыкального мышления. Для него характерна монотематическая организация материала, благодаря которой макроцикл «Мухаммас и Уфар» обретает удивительную целостность, объединяя три микроцикла в единую циклическую структуру.

Новым этапом претворения макомных традиций стала Третья симфония, представляющая собой монументальный четырехчастный цикл, открываются совершенно новые ресурсы традиционной музыки и способы ее соединения с современными приемами композиторского письма. Здесь особенно ярко проявляются сонорно-тоновая и алеаторно-импровизационная техники письма. Композитору удалось очень органично соединить их с принципами макомной импровизации и ансамблевыми приемами исполнительского искусства традиционных макомистов. Все это дало своеобразный, интересный и художественно ценный результат.

Осмысление сущностных основ макома, глубокое проникновение в него, восприятие его образности, мелоса, ритмики, ладоформообразования и других макомных принципов обусловили особенности индивидуального творческого метода композитора, воспитанного на основе макомной культуры и современной композиторской практики и сумевшего органично сочетать две столь полярные традиции в своих инструментальных сочинениях.

ТАЙНА ВИНОГРАДНЫХ САДОВ...

Татьяна АВДОНИНА

В рассказе Сухбата Афлатуни «Соврашненцы» огромную роль выполняют различного рода мотивы, создающие сквозные линии в произведении, их повторение и варьирование способствует концентрации внимания на выделенной особенности текста. В литературоведении мотив как компонент произведения характеризуется высокой семантической насыщенностью. Он может представлять собой отдельное слово или словосочетание, какое-то событие, предмет или элемент ландшафта, а также цитаты или названия произведений, вызывающие определенные ассоциации. Важнейшая черта мотива – его неполное раскрытие, это чувственно улавливаемый намек, не обладающий однозначностью, который может варьироваться в тексте, обрастая новыми коннотациями.

Событийная основа рассказа (Сухбат Афлатуни. Сврашненцы // <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/9>) связана с Туркестаном 1913 года, с миссионерской деятельностью главного героя – проповедника Елисея Ефремова, который в соответствии с религиозно-нравственными требованиями Российской империи должен разобраться в деле «отпадения» от православия двух сестер Свободных – Александры и Марии. Название рассказа интригует, намекая на интимный характер сюжета и ориентируя читателя на гендерную проблематику. Структура рассказа включает в себя исторический документ, художественную картину мира и точку зрения современника на героев ушедшего прошлого.

Уже в начале рассказа демонстрируется негативное отношение грубого солдафона Скопцова – «пристава 3 участка г. Ташкента» – к представителям местного населения Туркестана.

Фамилия пристава – Скопцов – ассоциируется с мыслью о евнухе, скопце, неспособном разобраться в любовных отношениях между местными жителями и двумя русскими женщинами. В его понимании сожительство шестнадцатилетней Александры Свободиной с Мир-Азимом Татжибаевым объясняется просто: «Накормил ее. А она и влюбилась. А может, и

Татьяна АВДОНИНА. Родилась в 1952 г. в Ташкенте. Окончила филфак ТашГУ (ныне НУУз). Работала в Гулистанском госуниверситете. Автор многочисленных научных статей по проблемам современного литературоведения.

любопытство детское толкнуло. «Интересно с черненьким!» Однако откровенно пошлая характеристика любовной связи не помешала ему внутренне позавидовать верности женщины своему избраннику: «Скопцов вздохнул; от своей половины такой преданности он не наблюдал».

В тексте протокола пристава дважды упоминаются «виноградные сады Ташкентского уезда», где произошла встреча Александры и Мир-Азима, – поначалу как сухой факт, который перерастает в значимый мотив рассказа.

В этой части произведения намечается противопоставление женского и мужского начал. С точки зрения Скопцова, «бабы дуры», потому что русская женщина в его понимании не могла «по добровольному желанию» прельститься внешностью аборигена. Скопцов – сторонник мужского диктата: «...жестче с бабами надо. Кулак показывать иногда, чтобы не забывали, как выглядят».

В начальной части рассказа описывается 27 апреля 1913 года, когда лил «грязный дождь», и состояние пристава определялось неприглядностью «разбухшего туземного города», «квакающими сапогами и ожиданием насморка». На этом фоне сквозная мысль о Пасхе приобретает иронический оттенок. Упоминание христианского праздника служит идее противостояния «отпадению» от православия, которому подвержены русские женщины.

В следующей части рассказа действие развивается уже летом (в июне), и природа востока становится не просто постоянным составляющим повествования, но естественно вовлекается в характеристику главного героя Елисея Ефремова. Меняется и пространство действия: это уже не полицейский участок, а Свято-Николаевский монастырь, который окружен райским садом. Интересно, что внешних деталей портрета этого человека нет, автор сосредоточивается на его эмоционально-психическом состоянии, в котором все детали окружающего мира вступают во взаимодействие с внутренним «я» православного миссионера. Читатель постоянно находится в пространстве его ощущений и умозаключений. Создается представление о нем как о человеке образованном, увлекающемся, искренне верующем, но вовсе не фанатике-аскете, отвергающем плотские желания. Напротив, в нем можно отметить наличие сильного мужского начала, заставляющего волноваться при мыслях об эротике («в членах – беспокойно») и стремиться к невинным мирским радостям.

Имя Елисей имеет древнееврейское происхождение и звучит как Элиша, что в переводе с древнееврейского означает «Бог-спасение». Елисей почти никогда не делится переживаниями даже с близкими друзьями. Многим он кажется добрым и веселым. Дополнительными штрихами к характеристике имени героя служит определение его планеты и камня (Луна и лунный камень). Не могу утверждать, что автор учитывал эти характеристики имени, но они соответствуют характеру Ефремова.

С образом Ефремова связан мотив луны, который перерастает в устойчивую сквозную линию. Луна – это ночь, особое время суток, когда, по убеждению Елисея, «дух сильнее». Лунное освещение обостряет тайные мысли души. Луна в восприятии героя может быть зеленой и мусульманской,

соответствующей «восточной томности природы». Электрический свет Елисей характеризует как мертвое освещение «голой материи», при котором «дух гасится».

Первое знакомство с материалами дела сестер Свободины вызывает в душе миссионера стойкую негативную реакцию: «Здесь видно только одно: грязь, грязь и грязь...», – пишет он в рапорте священнослужителю церковью города Ташкента. Даже красота природных мест не может изменить его состояние: «На душе пыльно и тяжело без воздуха. Паутинно, будто в подвал голову сунул». В аналитических размышлениях Елисея много библейских и философских ассоциаций, толкований, нередко связанных с эмоциональной реакцией на происходящее. Характер героя подается в плоскости определенного противоречия между головой и сердцем, рациональными идеями и искренними чувствами. Так, например, герой отмечает все светлое и уютное, исходящее от женской организации монастыря и церкви, но при этом выдавливает из себя мысли о недопустимой греховной сущности. Наличие женского начала трактуется по философской теории Вейнингера. Следует отметить, что ряд упоминаемых имен и цитат остается без пояснения, стимулируя внутреннюю потребность читателя раскрыть область неизвестного (этот прием, применял Михаил Булгаков в романе «Мастер и Маргарита», понуждая читателя обратиться к дополнительным источникам, чтобы понять суть изложенного).

Елисею церковь Свято-Николаевского монастыря показалась «...очень женской какой-то. Он давно заметил, что церкви при женских монастырях отличаются неуловимо от церквей при мужских». Ссылка на Вейнингера, казалось бы, должна характеризовать героя как сторонника мужского превосходства, но тайна женской притягательности необъяснимо волнует героя и отсылает к возвышенному. Книга Отто Вейнингера «Пол и характер. Принципиальное исследование» представляет собой научное обоснование «мужского» и «женского» начал. По мнению автора, первому присущи высокий уровень развития сознания, созидание и аскеза. Второе выступает носителем примитивной модели сознания, непродуктивности и чувственности. В рамках этой точки зрения даже древний христианский гимн «Великое славословие» (или «Слава в вышних Богу») воспринимается Елисеем как «очень женское, грудное». А строчка из песнопения «Сподоби, Господи, в день сей без греха сохраниться нам!»¹ напрямую могла бы соответствовать его миссии «увещания грешниц».

Но главный искуш шел от последнего увлечения героя идеями Фридриха Ницше, его книги «Так говорил Заратустра». Имя немецкого философа впервые упоминается в рассказе в необычном сочетании: «...в саквояже миссионера-проповедника трясся двойной бутерброд и обернутый “Туркестанскими ведомостями” Ф. Нитче», отчего возникает ощущение легкой усмешки, которое будет сопровождать философа на протяжении всего произведения. Сокровенные слова Елисея для «увещания» падших невольно мешаются с идеями Ницше, потому что «в голове царил полная заратустра».

Самое нелепое сочетание противоборствующих мыслей и чувств

¹ Православная энциклопедия. (Электронный ресурс). – URL: <http://www.pravenc.ru/text/150133.html>.

мы наблюдаем в душе героя после вечернего богослужения в монастыре, когда «сердце от литургии размягчилось, но ум был тверд и напряжен». В этой пространственно-временной точке сошлись «Великое славословие», луна в небе, «Нитче», постыдная мысль о «срамных фотокарточках» и грубое сексуальное сравнение о мягком сердце, в которое проникает твердый ум. Вейнингер и Ницше откровенно проявились в той оценке сестер Свободных, которая мелькает в уме Елисея (сверхчеловека): «О чем (они) сейчас думают, о чем рассуждают сереньким своим умом?» И сам же отвечает, «чувствуя телесную взволнованность»: «О сартах мечтают». Ошущение правоты героя в его борьбе за чистоту отношений могло быть дополнено и другими строчками из Ницше: «Все чистое люблю; но я не могу видеть морд с оскаленными зубами и жажду нечистых. Священную воду отравили они своею похотью; и когда они свои грязные сны называли радостью, отравляли они еще и слова»¹.

Позже в своей комнате он будет рассуждать о «Трех превращениях» духа (глава из речей Заратустры), представлять себя львом и откровенно признаваться: «Хотелось быть сверхчеловеком...» Однако автор заставляет нас опять улыбнуться при сближении имен Елисея и Ницше. Удовольствие отца Елисея от распирающих его мыслей переместилось из духа в плоть, ему захотелось полного материального наслаждения, которое для проповедника выразилось в необходимости снять чулки: «Голые ступни обрадовались воздуху, на душе стало свежее». Почти юмористически звучит фраза: «Ступни у противомусульманского миссионера были белые, слегка грязноватые». Но это единение материального (голые ступни) и духовного (желание быть сверхчеловеком) заставляет его испытать настоящее удовольствие: «зажмурил глаза и приоткрыл рот».

Фразой самого героя о брюшке, снижающем его высокий статус («небольшое, но обидное, располагающее к шуточкам»), автор окончательно снимает налет серьезности и превращает «сверхчеловека» в простого смертного.

Вновь возникает мотив «виноградных садов», именно там происходят встречи и начинается любовная история Александры со своим мужем. «Виноградные сады» отец Елисей ассоциирует с виноградниками из «Песни Песней Соломона» в Ветхом завете: «Поутру пойдем в виноградники, посмотрим, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли почки, расцвели ли гранатовые яблоки; там я окажу ласки мои тебе» (Песн. 7-13). Понятно, что священник знает Библию и может свободно цитировать ее, но эта связь с виноградными садами библии первоначально вызывает удивление. Отец Елисей должен был бы обладать информацией о сущности этого текста, первую главу которого (и только) читают в Богородичные праздники. «Возлюбленный» и «возлюбленная» понимаются переносно – как таинство союза Христа-Бога и человечества-церкви, как историческое изображение Христа, воплотившегося, вочеловечившегося во имя спасения человечества. Елисей, если судить по ситуации, в которой «Песнь...» упоминается, опускает библейскую трактовку, как бы оставляя красивую историю счастливой любви. В результате невольно переосмыслиется любовь

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра.//Ницше Ф. Собрание сочинений в двух томах. – М.: 1990, Т. 2. – С.69.

русской женщины и аборигена, облагораживаются их отношения. И тайна виноградных садов приближается к сакральному пониманию.

В рапорте Ефремова вся вина за содеянное возлагается на сарта, потому что он «имеет сад и арендует сады у других», «жаден до женщин» и хитро соблазнил Александру. С другой стороны, в его донесении звучит и мотив преданности женщины своему избраннику: «...если ей не придется сойтись с сожителем, то она отравится или удавится». Думается, что именно у Ницше герой вычитал идею о жертвенности женщины в любви, о ее подчиненности мужчине и о том, что в руках мужчины она – игрушка. Вот цитата из речей Заратустры, которая могла бы подтвердить точку зрения Елисея: «Счастье мужчины называется: я хочу. Счастье женщины называется: он хочет»¹. Впоследствии сам герой, оперируя высказываниями Ницше, выделит главное для него в этом вопросе: «...и повиноваться должна женщина...», «душа мужчины глубока... женщина чувствует его силу, но не понимает». Наконец, идеи пристава Скопцова («жестче с бабами надо...») соединяются с идеями Ницше: «Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!»

Казалось бы, миссия проповедника закончилась: увещание состоялось, подписки о верности православию у женщин собраны, но наступает лунная ночь на фоне прекрасной природы «в восточной томности» – с «бесконечными цветами», и Ефремов вдруг постигает повторение тайного свидания в ночи. Страшнее всего для отца Елисея был не сам факт нарушения данного священнику слова, а то, «...что он сам не мог оторвать глаз от этих темных фигур, от электричества, которым они горели словно изнутри». Его попытка вразумить грешников цитатами из Ницше приводит к тому, что он сам попадает в ловушку одной из них: «Не лучше ли попасть в руки убийцы, чем в мечты похотливой женщины?» Автор не выстраивает это событие в цепочку деталей с бесспорным доказательством свершившегося, но внимательный читатель прочитывает намеки: «Мария поднесла колосок к щеке отца Елисея и пошекотала...» (после чего следует многоточие); наутро отец Елисей «молился дольше обычного»; на месте «ночных безобразий» нашел колоски, «подобрал пару», нашел плетку и, вспомнив при этом цитату из Ницше, «резко и неумело хлестнул по ветвям»; во время прощания с проповедником «стоит Мария, усмехается». Его душа в смятении, это видно даже из последнего надрывного рапорта Елисея перед отъездом, в котором мощным заключительным аккордом опять звучит тема садов: «Установить надзор за сартами (слово зачеркнуто) садами. Почти все случаи соблазна и соращения происходят в садах у сартов!...»

Психическое состояние героя можно назвать нервным срывом, вызванным событиями прошлой ночи. В его образных попытках спасти себя и весь мир от соблазна греха смешиваются сады востока и виноградные сады «Песни Песней...», которые «сами вонзались в мысли, царапали их ветвями, ласковой листвою». Рассуждая о завете Бога народу Израилеву «плодиться и размножаться», он кошунственно задумывается о необходимости ввести новый завет – «уклоняться от соития», потому что это не от Бога, а от дьявола (автор, правда, ставит многоточие). Но, с другой стороны, этот волшебный сад вокруг монастыря с его необыкновенным воздухом,

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра.//Ницше Ф. Собрание сочинений в двух томах. – М.: 1990, Т. 2. – С. 48.

смородиной, вишней и даже с собственным «волшебником-садоводом», названный «райским местом», не просто дарит настоящее блаженство отцу Елисею (с непременно снятыми башмаками), а уже образно соединяется с виноградным садом из «Песни...».

Получается, что посланный для увещания грешников православный проповедник Елисей Ефремов прошел через собственный процесс увещания, связанный с идеями Ницше. Символическая форма отказа от идей немецкого философа: священник не просто выбросил эту книгу, а попросил сжечь ее в чайхане – мусульманин должен был сварить чай на идеях Ницше. Весь этот отрезок текста написан автором с добродушным юмором, легкой иронией и насыщен мелкими деталями восточной жизни. Здесь и угодливый чайханщик, называющий отца Елисея «русским муллой», который смотрит на него очень оригинально – «из-над пиялы пялится» – и подобострастно интересуется, сладок ли чай; и традиционно подаваемые лепешки, соленые косточки и «туземный стеклянный сахар» (нават), но главное – «сваренный на “Заратустре” чай».

Последние страницы рассказа являются попыткой переосмысления исторического факта с точки зрения другого времени. Жизненные пути героев оказываются вовлеченными в глобальные катаклизмы, меняющие в корне все устоявшееся и привычное, но в исторических водоворотах какие-то свойства старого мира не просто выжили, а приспособились к новым условиям и существовали вопреки всем обстоятельствам. Некая Свободина в списках Ташкентской тюрьмы (бывший монастырь) «продолжала вести святую жизнь, имея только одну странность: с какой-то материнской лаской относилась к тюремщикам и конвойным из коренного населения и знала их язык», а перед смертью просила «...вывести ее в сад». Целый сад цветов сопровождал похороны игуменьи Лидии, которая получила признание православных ташкентцев. Елисей Ефремов сошелся с большевиками, но бесследно исчез из-за ссылки на учение Фрейда.

В малом пространстве рассказа автору удалось передать объемное по своей значимости содержание. Недосказанность, наличие подтекста как специфические черты авторской манеры делают повествование более напряженным. Важные детали не выделяются специальными средствами, они как бы сливаются с общим ходом повествования, поэтому такую прозу невозможно читать быстро. Даже после вдумчивого прочтения возникает желание понять, зачем, например, в последних строчках вновь звучит (хотя и не называется прямо) мотив сада: «...возможно, по тому месту, где сестры ласкались со своими соблазнительями, теперь проносятся “Нексии”, сигналият “Матизы” и прогромыхивают грузовики с китайскими иероглифами на кузовах».

СОВРЕМЕННЫЙ «DEVELOPING MAN»

Комила ДОВЛЕТОВА

Говоря о современной русской литературе, следует отметить, что в условиях смены эпох на рубеже веков она претерпела немалые изменения. К началу XXI века литература оказалась в тупике, ее общественная значимость меняется, обострилась борьба канонического и неканонического подходов к литературе. «Литературный процесс начала XXI века в России развивается в ситуации перманентной неопределенности и плюрализма идей, кризиса иерархий, «общества риска», что в свою очередь ведет к трансформации повествования, размыванию границ литературных явлений и релятивизации литературоведческих понятий, обновлению форм, стилей, жанров», – утверждает исследователь Камилова С. Э. (Камилова С. Э. Современный рассказ: содержательные векторы и повествовательные стратегии – Ташкент: Fan va texnologiya, 2016., с3). Современная русская литература вступила в новую эпоху развития.

Ильдар Абузьяров – один из ярких ее представителей, лауреат Новой Пушкинской премии «За новаторское развитие отечественных культурных традиций» (2011) и премии имени Валентина Катаева за роман «Мутабор» (2012). Он автор книг «Осень джиннов», «Курбан-роман», «Хуш», «Мутабор», публиковался в журналах и альманахах «Знамя», «Вавилон», «Октябрь», «Урал», «Новый мир», «Нева», «Дружба народов», «Юность».

Роман «Мутабор» критики называют шахматным детективом, политическим романом (Д. Померанцев), романом о цветных революциях (Г. Бадреддин). Сам автор называет его политическим триллером. Основная его тема – место и роль личности в истории. По своей структуре роман достаточно сложный, нелинейный, разноплановый. Конфликт материально успешного Запада и отстающего от него Востока является фоном, на котором происходят все события.

События происходят в течение одной недели, роман разбит на шесть частей (дней), каждая из которых включает в себя по несколько глав, что является композиционной особенностью романа. В произведении есть пролог и эпилог. Повествование идет от трех лиц: автора-персонажа, отбывающего наказание в тюрьме, главного героя Фараса и повествователя. Система персонажей

Комила ДОВЛЕТОВА. Родилась в 1989 г. в г. Ташкенте. Окончила НУУз и магистратуру при нем. Преподаватель кафедры мировой литературы, докторант базовой докторантуры НУУз. Публиковалась в научных сборниках и вестниках НУУз.

выстроена по классическому принципу: двух главных героев, кашмирского рикшу Фараса и российского шпиона иностранного происхождения Грегора Стюарта-Омара, обрамляет целая галерея второстепенных персонажей. Главные герои являются «developing man», т.е. «человеком развивающимся» или «человеком совершенствующимся».

Первое, что бросается в глаза, – это абсолютная схожесть, просто идентичность этих двух героев. Они одновременно и двойники, и антиподы, почти один герой в двух различных ипостасях, или воплощениях.

Фарас приехал из Кашевара в Санкт-Петербург на заработки, это представитель низов, критически мыслящий, нацеленный на добывание денег, а потому внимательный к окружающим, юркий и пронырливый. Смысл жизни он видит в тяжелом труде, мыслит с позиций бедняка, тяжелым трудом, зарабатывающего себе на жизнь. Для него мир делится на мир бедняков и мир богачей. Принадлежа к миру бедняков, он критически наблюдает за миром богачей, которых ему приходится обслуживать. Он, как и герои романа Абузярова «ХУШ», считает: «мне все должны, потому что я бедный и несчастный, богатых надо ненавидеть, потому что они присвоили себе все блага мира и нам ничего не оставили».

Фарас – среднестатистический житель, один из многих, ничем не примечательных, не отличающийся высокой нравственностью. Он может спокойно присвоить чужой телефон, жить в чужой квартире, пользоваться чужой машиной, чужими деньгами, ему ничего не стоит без зазрения совести присвоить чужую женщину. Все его знакомые, как и он, прозябают в нишете. Он сообразителен, умеет всё продумывать и просчитывать: «Я знаю, если я хочу сбагрить мобилу, мне нужно слиться со средой и, став незаметным, поскорее избавиться от симки. Но, с другой стороны, нужно еще просчитать, что дороже: сдать телефон фарцовщикам или вернуть хозяину вместе с симкой, которой он наверняка дорожит. А вдруг мой недавний клиент – олигарх и в благодарность предложит мне хорошую, стоящую работу?...»¹. Все его мысли сосредоточены на том, чтобы урвать у мира для себя. О морали, нравственности, благе других он не задумывается.

Омар Чилим, он же Грегор Стюарт – представитель мира богатых. Фарас – его антипод. Он относится к тому классу людей, которых так ненавидит Фарас, критикует, завидует, обсуждает и осуждает. Но в духовном и моральном отношении Грегор ничем не лучше своего бедного двойника. Он вовсю пользуется всеми предоставляемыми ему благами, любит ублажать себя. Привыкший к роскоши, удобству, комфорту, он хорошо и много ест, хорошо одевается, будучи сосредоточенным в основном на этом.

Фарас добывает деньги с большим трудом, в поте лица, и их всё равно у него мало, а второй, Омар, «сам толком не знал, чем он занимается», вел размеренный, праздничный образ жизни, ничем себя не утруждая, и имел деньги.

Если Фарас критикует самодуров-богачей, Омар критикует слуг-недотеп («Вообще с местными прошелыгами надо держать ухо востро. Например, здешние таксисты имеют гадкую привычку везти не в ту сторону, в которую вам нужно».² Это Омар понял, когда таксист привез его не в тот отель, где у него был забронирован номер, а в тот, где заплатят самому таксисту. На возмущение Омара таксист заметил, что он вообще не знает отеля, о котором

¹ Абузяров И. Мутабор. – Москва: Астрель, 2012 // <https://www.litres.ru/ildar-abuzyarov/mutabor/>

² Там же.

тот говорит... Омару пришлось прибегнуть к угрозам, чтобы его наконец доставили по нужному адресу).

Стакиваются два противоположных и противопоставляемых друг другу мира и миропредставления.

Если рикша Фарас не мог позволить себе жену по причине отсутствия денег и вообще не общался с противоположным полом, то Омар был сердцеедом, коллекционировавшим женские сердца, потому что и любовь в мире ценится деньгами.

Если же говорить о сходстве героев, то оба они умны, сообразительны, находчивы. Фарас, обнаружив у себя телефон Омара, быстро соображает, выдвигает несколько вариантов развития событий, делает предположения, ни на секунду не забывая о своей выгоде. Омар – начитанный интеллект, способный думать, сопоставлять и сравнивать: «Любые демонстрации навевали на него тоску и мысли о том, что люди немногим разумнее стада баранов. И что животные инстинкты по-прежнему управляют глупым человеком»¹. Оба предприимчивы: в случае необходимости могут и солгать, если ситуация того требует.

Но события в романе разворачиваются так, что оба героя выпадают из привычной им жизни и втягиваются в необычные приключения, заставившие их пересмотреть жизненные позиции, глубже заглянуть в себя.

Омар Чилим, попав в чужой ему стране в немилость власть имущих, лишившись всего, что имел, вынужденный спастись от своих преследователей бегством, начинает задаваться вопросами о своей роли в происходящем, задумывается, кем же он оказался здесь, на Востоке? Мужественным и рациональным агентом, имеющим большое влияние, или глупым и слабым загнанным зверьком? Кто он на самом деле? Что из себя представляет?

Омар вынужденно проходит обратный путь суфия (путь духовного совершенствования), путь наоборот: от духовного восхождения – назад, к уровню животного: «Я превращаюсь в собаку, – ужасался Омар, – и истекаю слюной-рефлексом Павлова».² Он чувствовал, что поселившийся в нем зверь уже начал грызть и глотать его изнутри. Теперь Омар готов был биться насмерть за кусок хлеба, готов был сам дойти до каннибализма, вцепиться в глотку какого-нибудь жирного шашлычника, «пропитанного запахами жареного мяса, лука и помидоров». «В какой-то момент Омар подумал, что было бы забавно укусить третирующее его светило за жирный, с прилипшими ворсинками пыли, солнечный палец. В следующую секунду он попытался это сделать, пошире открыв рот, и цапнул лоснящийся перст. Тут же на Омара посыпался такой шквал ударов и пинков, что он не устоял на ногах. А палец хозяина, угодивший глубоко в глотку, вызвал рвотный рефлекс».³

Но, даже впад в животное состояние, герой не перестает задаваться философскими вопросами, не свойственными животным: «Кто я, – вопрошал Омар... – человек или ишак Сизифик, довольный своей рабской участью?» Теорию сходства человека с животным научным языком озвучивает Кэт. Но она в своих книжных размышлениях не учла одного: у человека есть разум и душа, отличающие его от животного, только благодаря им он всегда может подняться. Что и происходит с нашими героями.

Опустившись на самое социальное дно, герой становится другим,

1 Абузаров И. Мутабор. – Москва: Астрель, 2012 // <https://www.litres.ru/ildar-abuzyarov/mutabor>

2 Там же.

3 Там же.

начинает сочувствовать, таким же, как он, несчастным и невинным жертвам общества.

Как Омара обстановка превращала в животное, так обстановка богатства и роскоши кардинально противоположно влияла и на Фараса. Но в душе оба героя остались теми, кем были, самими собой. Светлое, духовное берет верх. У Фараса это обнаруживается во взаимоотношениях с его другом Мухой, которого он не бросает в трудный момент, остается верен дружбе.

Лучше понять себя и свою животную сущность Омару помогает коахин, шейх мутаборитов: «В теле каждого из нас... живет несколько зверей, точнее, целый зверинец страстей, которые стоят на пути человека в рай. Наш гнев – это кашалот, наша похоть – это змея, наша зависть – крыса, и так далее, и так далее. Свинья, павлин, обезьяна, лев, вол, орел – все они охраняют вход в рай. В мир счастья и гармонии с самим собой, в сад Всевышнего и бесплотных светлых ангелов. Это наш нафс принимает звериное обличье. И потому с нафсом надо бороться. Цель борьбы – безграничная любовь ко всему миру»¹.

Получается, что только любовь ко всему миру может вывести человека на путь истины. Стирание эго и слияние с миром – такова суть учения мутаборитов. Такова задача, стоящая перед главными героями.

Оба героя идут к одному и тому же, но противоположными путями. И насколько Фарас наслаждался своей новой жизнью в достатке и богатстве, настолько Омар страдает от своей новой жизни бедного, в бегах и заботах.

Коты безразлично обходили измученного Омара стороной. Запах селитры и магна, которыми полна здешняя земля-порох, пропитал тело Чилима насквозь так, как пропитывает навозных червей запах коровьего гумуса. Фарас познает новый для себя мир богатства, а Омар осваивает и свыкается с жизнью бедного и отвергнутого.

Опустившись на уровень нищего, он начинает лучше понимать мир бедных людей, всю глобальность порочной политической системы в Кашеваре, низводящей людей до такого жалкого состояния. Однако обездоленные люди, хоть и утопают в грязи, оказываются чистыми изнутри, их внешний вид и внутренняя сущность совершенно противоположны: «Внешний шик, блеск и лоск чаще всего оказываются всего лишь выражением внутренней грязи».

Фарас же, побывав в шкуре богача, тоже начинает с большим пониманием относиться к богачам.

Обоим – Фарасу и Омару – свойственны догадливость и проницательность. Обоих героев объединяет мотив предсказания. Фарасу старуха, увидев в нем двойственную натуру, живущую на двух линиях жизни, предсказала, что одна из этих линий оборвется, тот, кто останется, достигнет успеха и станет большим человеком, а второй превратится в его тень. Омар же, как упоминалось выше, должен был пройти путь суфия «наоборот»: от человека цивилизованного (воспитавшего свой нафс) до полного ничтожества. Сначала безмятежность счастья, любовь к миру и единение с ним. Затем сомнения, бегство и изгнание. Путь от человека до животного и дальше, до растения и бесчувственного камня пришлось пройти и Фарасу благодаря безответной любви к Кэт.

Приключения, выпавшие на долю обоих героев, помогли им понять что-то новое: в каждом из них «находится целый зоопарк зверей». В этом осознании – внутренний рост героя. В конце романа Фарас заявляет, что

¹ Абузоров И. Мутабор. – Москва: Астрель, 2012 // <https://www.litres.ru/ildar-abuzyarov/mutabor/>

желает искать самого себя, трудиться честно и отмаливать грехи рода.

Омар же, пройдя путь суфия «наоборот», вкусил запретный животный плод, испил чашу страданий до конца и стал понимать ценность свободы, став на голову выше того Омара, который был до приезда в Кашевар.

Главный вывод, к которому приходит выросший Омар Чилим: «нет никакого я. Все мы часть чего-то большого, часть одной страны. Мы и пожухлая трава на поверхности, и богатые недра в глубинах нашей земли, и животные, и кусты роз, что сейчас наполняются соками дождя, и дерево граната, что выгорает изнутри... Это то, чему учили Будда и Лао Цзы, и многие другие восточные духовные сподвижники.

Когда Омар становится во главе революции, он хорошо понимает суть происходящего, понимает что народ Кашевара – это дети, которых легко можно обмануть. Они верят в сокровища Буль-Буля Вали, надеются, «что с новой властью жизнь станет легче и сытнее». Омар тоже верит в это и искренне считает, что нужно начинать с искоренения своих пороков, в первую очередь, нафса, быть честным с самими собой и самому творить свою жизнь. Он призывает к нравственному возрождению. Его слова выстраданы, потому имеют силу и влияние.

Глас и выбор народа обладают немалой силой, поскольку основную роль играет народ, вернее его духовная составляющая, работа каждого над своей моралью и нравственностью. Омар Чилим становится лидером новой демократической коалиции и фаворитом грядущей президентской гонки, без пяти минут новым эмиром и мэром Кашевара.

В финале романа оба героя объединяются в «одну» личность ради великой цели – ради спасения Кашевара и новых радикальных перемен. Жизнь государства оказывается важнее жизни человека. Человек призван лишь сыграть свою роль в истории. Духовный рост героев определяет рост их значимости в жизни государства, в его политике и в ходе истории в целом.

Герои-двойники динамичны, меняются в ходе развития сюжета. Пройдя путь от эгоистичного обывателя, думающего только о своем личном материальном благе и телесных наслаждениях, под воздействием обстоятельств оба героя внутренне трансформируются, очищаются, становятся высоконравственными. Теперь они способны преобразовывать мир, вмешаться в ход истории и призвать к трансформации весь народ, всю страну. Они «выстрадали», имеют на это моральное право.

Такой тип героя можно назвать «developing man» – герой развивающийся, совершенствующийся, трансформирующийся, духовно растущий, внутренне преобразующийся. Именно в таких личностях нуждается современный мир и современная литература. В новом мире, в новую эпоху не нужны герои со старым типом мышления, с устаревшими, узкими убеждениями и верованиями, личности-жертвы, считающие, что «мир несправедлив, мир плохой, их обделили». Для совершенствования мира, восстановления справедливости требуются герои с новым типом мышления, совершенные морально и нравственно, что неизбежно позволит им создать новый мир, соответствующий новому времени, спроецировав свою внутреннюю трансформацию во внешний мир. И герои романа «Мутабор» прошли этот путь личной внутренней трансформации и готовы, исправив себя, исправить мир.

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ВЫШИВКИ

САЙЁРА САИДОВА
ДИЛОРОМ МУРОТОВА

Известно, что национальная одежда отображает национальное своеобразие, образ жизни, эстетический вкус, специфику культуры народа. Это духовное достояние народа, оберегаемое и традиционно передаваемое из поколения в поколение. Интересным элементом национального узбекского мужского костюма является заключающий определенные смыслы белбаг, элемент одежды, живущий как в повседневной, так и в праздничной одежде.

Белбаг символизирует гордость, смелость, верность джигита, с ним связаны многочисленные народные сказания, он неразрывно связан с образами богатырей, которыми гордится наш народ, называет их «джигит с белбагом».

Когда появились узбекские белбаги – неизвестно, но эта вещь в мужском костюме издавна известна народу и является важным элементом до сих пор. Все мужчины – и молодые, и старые – носят белбаги. Как и узбекские тюбетейки, их, как правило, надевают на народные праздники, свадьбы, они сопутствуют образу жизни нашего народа. Узбеки ценят и чтут эти национальные вещи. Девушки, молодые женщины с любовью вышивают их, вкладывая в узоры свои мечты, чувства, чаяния.

Это специфический тип вышивки, которая, как и всякий народный промысел, живёт, передается из поколения в поколение, развиваясь и обогащаясь. Белбаги шьют из атласа, парчи, шелка, сатина, украшая своеобразным рубиом и вышивкой. Творческая практика женщин-умелиц разнообразна, они создают для белбага очень тонкие узоры, в которых отражаются особенности места, где он создан, его название, имена девушек. Наиболее популярны «бодомча», «городская», «хуноба», «андижан», «маргилан», «кашкари», «ветки», «молодожены», «весна», «ласточка», «чаён гули», «арра». На протяжении своего существования они обогащаются, осовремениваются, изменяются их рубцы.

На сегодняшний день в нашей республике до сих пор сохранился обычай (особенно в Сурхандарье, Кашкадарье, Самарканде и других местах), когда девушки и невесты для своего любимого шьют белбаг и дарят его в знак уважения с добрыми пожеланиями. Он символически отражает их нежность, чистоту души, тайные чувства. Джигиты, которые берут из рук любимых девушек и невест такой подарок, тоже питают нежность, любовь, верность не только к ним, но и к своей семье, к родине.

Носят белбаг джигиты по-разному. Это зависит от местности, где они живут. В Ташкенте белбаг носят на поясе, повязав, как платок, кокандские, маргиланские джигиты сначала закручивают белбаг, потом соединяют концы. В Анжидане носят так, чтоб обязательно показать цветочные узоры на белбаге, и повязывают тоже, как платки. В Сурхандарье белбаг называется «белкарс». Сурхандарьинские джигиты, прежде чем надеть белбаг, сильно трясут его на воздухе. Этот обычай показывает, что белбаг – вещь, которая отражает смелость, гордость, верность джигита. Они не очень туго его складывают, показывая узоры белбага, и соединяют уголки друг с другом немножко по косой. В Сурхандарье

своеобразная вышивка на белбаге и другой рубец на ткани. Потому джигиты носят белбаг так, чтобы видно было обе его стороны, гордясь умением и искусством своих девушек и женщин.

По словам народных мастеров, по тому, как носит мужчина белбаг, можно понять, какой он. Например, борцы и богатые люди носят белбаг закручивая, те, кто верит в себя, сильные и смелые, сначала сильно трясут его, прежде чем завязать. Если белбаг завязан на поясе туго, значит его хозяин ловкий и энергичный. Если слабо – его хозяин добрый, с мягким, хорошим характером. Если конец белбага закручен, значит, его хозяин очень осторожный, никому не доверяет свои тайны. Определить, какой человек хозяин, какой у него характер, можно по тому, как носит он белбаг, какого он цвета, из какой ткани, какие использованы рубцы. В зависимости от цели использования – для свадьбы или для погребального обряда – белбаги тоже различаются.

В искусстве вышивки наш творческий народ всегда стремится передать свой внутренний мир, философию внутренних чувств, свое отношение к жизни. В белбаге элементы вышивки, узоры, цвет использованных шелковых ниток имеют разный символический смысл.

Вышивальщицы по обычаю оставляют пустое или незаконченное место на ткани, правда, этого никто не замечает. Это означает, что искусство вышивальщицы будет продолжать жить и совершенствоваться.

Четыре стороны белбага означают четыре стороны света, связанные с тайнами космоса. Вышивка на белбаге располагается на двух противоположных уголках, и эти два уголка соединяются. Это означает, что два сердца всегда стремятся друг к другу. По краю даются две каймы, означающие жизненную дорогу человека: радость и печаль, добро и зло, встречи и разлуки. Здесь же изображена и «сув» (вода), которая означает движение (человек всегда в движении, как вода), а еще вода является смыслом и источником жизни.

Узор «Ласточка» – вестник весны, несущий добро и богатство. Если кому-то дарят белбаг с ласточкой, значит, в семье его будет мир, обилие, спокойствие, радость. Белбаги с «Весной» шьются для молодых джигитов и дарят их обычно на праздник Навруз. Цветы на таком белбаге означают весеннее возрождение, время любви.

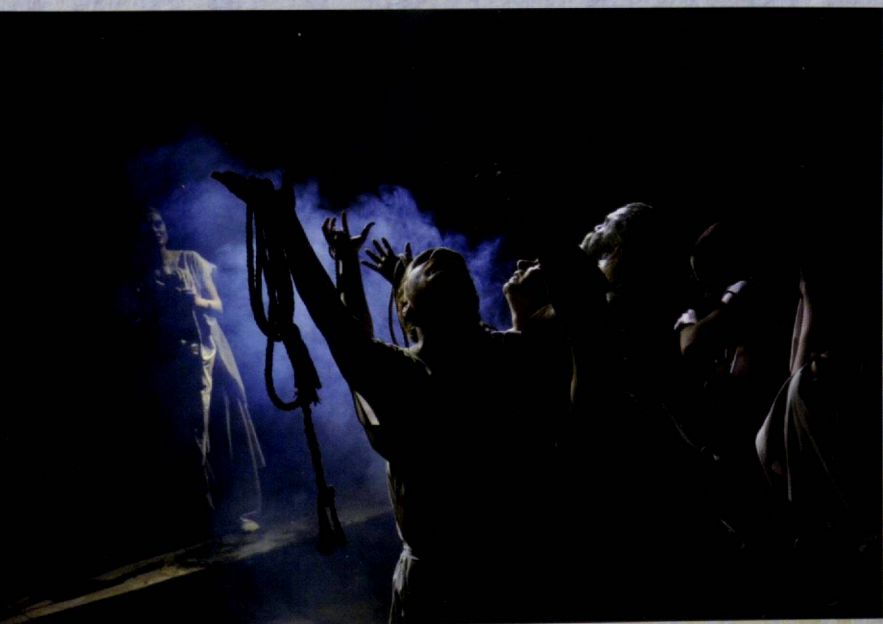
Народные промыслы играют важную роль в воспитании нашего молодого поколения в духе уважения к национальным обычаям, традициям. Это источник творческого вдохновения, открывающий новые просторы для творческих исканий, лучшие черты, характера, любовь к родине и к своему народу, к любимому делу, воспитывающий национальное самосознание и гордость.

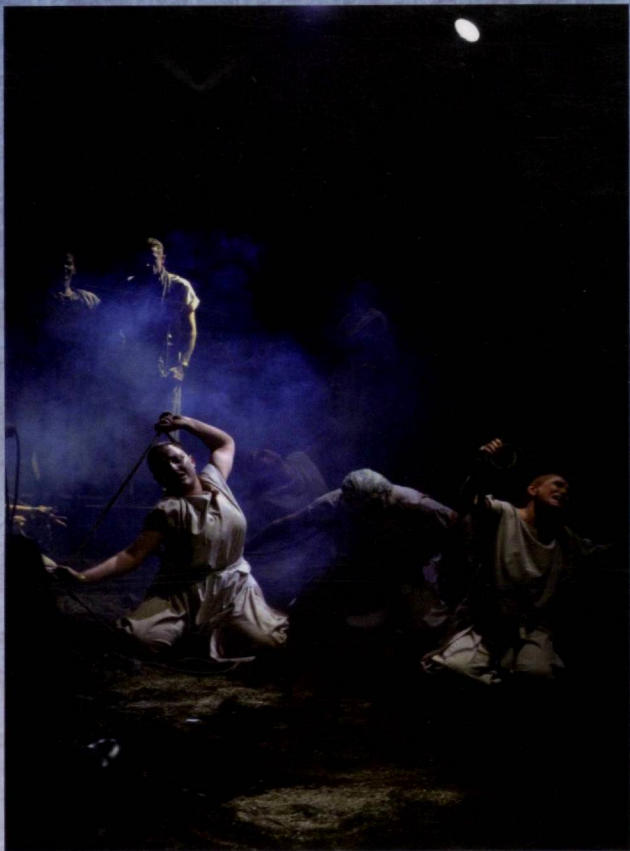

Сайёра САИДОВА. Родилась в 1968 г. В Сурхандарье. Окончила Ташкентский государственный институт искусств имени Маннона Уйгура (ныне НИХД). Автор учебного пособия «История изобразительного и архитектурного искусства для профессиональных колледжей».

Дилором МУРОТОВА. Родилась в 1963 г. в Самарканде. Окончила Ташкентский политехнический институт (ныне ТПУ). Автор сборников «Кўнгил шафақлари», «Таҳаюл тонги», «Ишқ ёмғири» («Дождь любви»), нескольких научно-популярных книг, пособий и переводов произведений К. Паустовского, А. Куприна, И. Франко.

Дорогие читатели и авторы!
Объявляется подписка
на литературно-художественные
журналы «Звезда Востока» и «Шарқ юлдузи»
на 2020 год.

Подписаться можно в любом почтовом отделении или
в офисе редакции по адресу:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор, Адилбар хиёбони,
здание Союза писателей Узбекистана.

Подписной индекс «Звезды Востока» – 831.

Подписной индекс «Шарқ юлдузи» – 911.

Редакция «Звезды Востока» приглашает авторов к сотрудничеству
по всем утвержденным рубрикам журнала.

Журнал распространяется по подписке.
В розницу можно приобрести в редакции.